

№ 4, Том 9
2018

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера:

**Немонетарные неравенства
в жизни россиян**

/Общество массового
субъективного среднего класса

/Разомкнутость
инновационной среды

/Россия – страна с полной,
но нестабильной занятостью

Состав Редколлегии

ГОРШКОВ Михаил Константинович – главный редактор, академик РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – зам. главного редактора, доктор социологических наук, первый заместитель директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – зам. главного редактора, доктор социологических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – ответственный секретарь, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула);

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва);

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург);

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН (Москва);

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург);

КИВИНЕН МАРККУ – профессор, директор по исследованиям Александери института Университета Хальсинки (Финляндия);

КАЧЕРАУСКАС Томас – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Вильнюсского технического университет им. Гедиминаса (Литва);

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской Академии наук (Чехия);

МИХАЙЛЕНОК Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследований социально-политических отношений Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

ПАТЕЛ Сажата – профессор социологического факультета Университета Хидерабад (Индия);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва);

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и информационных технологий Среднерусского института управления, Орловский филиал РАНХиГС (Орёл);

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Южная Корея).

Editorial Board

GORSHKOV Mikhail K., Academician, Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

KOZYREVA Polina M., Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

KHALIY Irina A., Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center of politology and political sociology of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

PODYACHEV Kirill V., Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

BATANINA Irina A., Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of humanitarian and social sciences, Tula State University (Tula, Russia);

BARABANOV Oleg N., Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International relations (University) of the Ministry of International affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia);

DUKA Aleksandr V., Candidate of Political Sciences, Head of the department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia);

ZHELEZNYAKOV Aleksandr S., Doctor of Political Sciences, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

ZABOROVA Elena N., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia);

KIVINEN Markku, professor of sociology, Research director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland);

KAČERAUSKAS Tomas, Dr. Sci. (Philos.), Professor., Head of Department of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Creative Industries, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania);

KOSTELECKY Tomas, RNDr, Director of the Institute of the Czech Academy of Sciences (Prague, Czech Republic);

MIKHAILENOK Oleg M., Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

PATRUSHEV Sergei V., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

PATEL Sujata, professor of Sociology, University of Hyderabad (Hyderabad, India);

POKROVSKY Nikita E., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia);

PROKAZINA Natalya V., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department "Sociology and Informative Technology", The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch (Orel, Russia);

CHOI Wooik, Professor, The Institute of Russian Studies, Hunkuk University of Foreign Studies (Hunkuk, South Korea).

Содержание

Об этом выпуске.....	7
Тема номера:	
«Немонетарные неравенства в жизни россиян»	11
<i>Тихонова Н. Е.</i> Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян	11
<i>Аникин В. А.</i> Занятость в посткризисной России: роль поселенческих неравенств	44
<i>Лежнина Ю. П.</i> Пространство проблем россиян и зоны риска для социальной стабильности	64
К методологии научных исследований.....	84
<i>Кравченко С. А.</i> Социологическая «стрела времени» в XXI веке: инновации в материалах Всемирных социологических конгрессов	84
Транзит, модернизация, инновации.....	105
<i>Лапин Н. И.</i> Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех»	105
<i>Трофимова И. Н., Хамидуллина Е. Ю.</i> Государственная инновационная политика, технолоббизм и группы интересов	137
<i>Абрамова Н. В.</i> Московская реновация: анализ российских СМИ.....	155
Социология молодежи.....	170
<i>Зубок Ю. А., Чупров В. И.</i> Культура в жизни молодёжи: потребность, интерес, ценность	170
<i>Гурко Т. А., Мамиконян М. С.</i> Установки студентов в брачно-семейной сфере и отношениях между полами.....	192
Научные форумы.....	227
<i>Узунов В. В., Чигрин В. А., Захарова В. А.</i> Состояние и проблемы социокультурной интеграции Крыма в Россию (Первый Крымский социологический форум)	227

Contents

About This Issue	7
The Theme of the Issue: “Non-Monetary Inequalities in the Lives of Russians”	11
<i>Tikhonova N. E.</i> Life Success and Social Status Factors in the Minds of Russians	11
<i>Anikin V. A.</i> Employment in Post-Crisis Russia: The Role of Settlement Inequalities.....	44
<i>Lezhnina J. P.</i> The Scope of Russian People’s Problems and Risks for Social Stability	64
To the Methodology of Scientific Research.....	84
<i>Kravchenko S. A.</i> The Sociological “Arrow of Time” in the XXI Century: Innovations in Materials from Global Sociology Conventions	84
Transition, Modernization, Innovations	105
<i>Lapin N. I.</i> Hybrid Transition and a Demand for “Modernization for All”	105
<i>Trofimova I. N., Khamidoullina E. Ju.</i> State Policy on Innovation, Techno-Lobbyism and Interest Groups	137
<i>Abramova N. V.</i> Moscow’s Renovation Program: An Analysis of Russian Media.....	155
Sociology of Youth.....	170
<i>Zubock J. A., Chuprov V. I.</i> Culture in the Lives of Young People: Necessity, Interest, Value	170
<i>Gurko T. A., Mamikonian M. S.</i> Students’ Attitudes When it Comes to Marriage, Family and Relationships Between Genders	192
Scientific Forums.....	227
<i>Uzunov V. V., Chigrin V. A., Zakharova V. A.</i> The State of And Issues With The Socio-Cultural Integration Of The Crimea Into Russia (First Crimean Sociological Forum)	227

Об этом выпуске

Актуальность исследований неравенств в российском обществе не вызывает сомнений, но в основном и учёные, и сами граждане имеют в виду в первую очередь экономическое неравенство. Темой номера данного выпуска Вестника Института социологии являются другие типы неравенств, это «Немонетарные неравенства в жизни россиян».

К таковым Н. Е. Тихонова (Москва) в своей статье «Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян» относит неравенство возможностей в достижении жизненного успеха. За последние полтора десятилетия в субъективной социальной структуре российского общества произошли кардинальные изменения – большинство населения перестало считать себя социальными аутсайдерами, а само российское общество стало обществом с безусловным доминированием субъективного среднего класса, причём преимущественно нижнего среднего. Однако это не означает полной удовлетворённости россиян сложившейся ситуацией, поскольку их реальный статус сейчас существенно отличается не только от желаемого, но и от тех статусных позиций, которые они, по их мнению, должны были бы занимать в этой иерархии «по справедливости». Неудовлетворённость связана с тем, что достижение успеха и благополучия они связывают с социальным, экономическим и культурным капиталом родительской семьи, а также с разного рода неправовыми практиками. И в том, и в другом случаях очевидно наличие изначальных неравенств.

В. А. Аникин (Москва) в статье «Занятость в посткризисной России: роль поселенческих неравенств» сосредоточивает внимание также на изначальных для человека неравенствах, которые напрямую зависят от типа поселения, в котором он живёт. В первую очередь это отчуждение села, выражающееся не только в аномально высоких показателях безработицы, но и в трудовом бесправии сельчан – массовых задержках зарплат и «серых» схемах оплаты труда. Во-вторых, это масштаб нестабильной занятости и сохраняющиеся высокие риски безработицы среди молодых людей, особенно тех из них, кто занят простым физическим трудом. В-третьих, это рост поселенческих неравенств в распределении индивидуальных доходов внутри профессиональных групп. В столицах негативное влияние кризиса коснулось прежде всего управленцев (как следствие оптимизации расходов на управленческий аппарат); в областных и районных центрах проблемы с работой из-за кризиса наблюдались в основном у профессионалов

(в силу ограниченного предложения «хороших» рабочих мест). Помимо прочего, делается вывод о постепенном превращении региональных центров в «трансфертную периферию», что подтверждается двукратным увеличением в них доли экономически неактивного населения – пожилых людей.

[Ю. П. Лежнина](#) (Москва) в статье [«Пространство проблем россиян и зоны риска для социальной стабильности»](#) в рамках анализа основных проблем, с которыми сталкивается российское население, и их динамики показывает, как экономические неравенства формируют неравенства немонетарные: в посткризисный период не происходит положительных перемен в материальном положении населения, а к его финансовым проблемам добавляются депривации, связанные со здоровьем и сферой здравоохранения. Проблемы в вопросах здоровья и его охраны – реальность, которую россияне только начинают осознавать. На этом фоне формируются определённые «зоны риска» для социальной стабильности, обусловленные как неспособностью отдельных социальных групп ответить на вызовы общероссийских кризисных явлений, так и нерешённостью локальных институциональных проблем. В них одновременно концентрируются ситуации низкого материального благополучия и социально-психологического напряжения.

В рубрике [«К методологии научных исследований»](#) [С. А. Кравченко](#) (Москва) в статье [«Социологическая «стрела времени» в XXI веке: инновации в материалах Всемирных социологических конгрессов»](#) прослеживает динамику теоретических подходов и изменений самого предмета исследований мировой социологии на протяжении последних нескольких десятилетий. Анализируются тенденции развития и усложнения социологического знания в контексте эффектов социологической «стрелы времени». Показано, что каждый мировой социологический форум давал импульс для расширения и усложнения предмета социологии – идёт постоянное «переоткрытие» социальной реальности, что является показателем увеличения валидности социологического знания. Автор утверждает, что сегодня «устаревает» тренд развития наук, выражающийся в признании практически полной валидности знания монодисциплинарных наук. Настоятельно обосновывается необходимость развития новой междисциплинарности, имеющей культурный и гуманистический стержень. Метаморфозы, обусловленные цифровизацией социума, потребовали становление цифровой социологии.

Рубрика [«Транзит, модернизация, инновации»](#) включает три статьи, представляющие научное осмысление различных направлений процессов модернизации – от философского осмысления фундаментальной цели изменений до практических инновационных преобразований.

Н. И. Лапин (Москва) в статье «Гибридный транзит и потребность в “модернизации для всех”» предлагает содержательные ориентиры, очерчивающие диапазон желательных изменений жизни всего населения к лучшему, обосновывает актуальность концепта «реальный гуманизм», целесообразность федеральной целевой программы «Становление Российской Федерации как сильного социального государства», а также новой интерпретации концепта «цивилизма», формирующегося в результате конвергенции посткапитализма и постсоциализма; характеризует институты рефлексивного саморазвития, которые могут вытеснить вседозволенность отношений властных элит с населением цивилизованными нормами: равенство стартовых возможностей для всех, национальное имущество и частная собственность, социальное государство, социально ориентированное рыночное хозяйство, социальная справедливость, реальный гуманизм. Для формирования научно обоснованных подходов к решению новой совокупности проблем необходимы, утверждает автор, не только междисциплинарные, но и трандисциплинарные исследования с участием социологов, экономистов, правоведов, политологов, психологов, специалистов в области философии истории, синергетики, системных исследований.

И. Н. Трофимова и Е. Ю. Хамидуллина (Москва) в статье «Государственная инновационная политика, технолббизм и группы интересов» рассматривают проблемы реализации государственной инновационной политики в контексте существующих противоречий между основными участниками инновационной деятельности, представляющими сферы бизнеса, образования и науки. Особое внимание уделено конфликту интересов в процессе разработки, производства и коммерциализации технологических инноваций. Результаты конкретных инновационных проектов зависят, утверждают авторы, прежде всего от масштабов участия государства на всех этапах инновационного процесса – от финансирования проекта до государственного заказа. Показано, что особенностью лоббирования технологической инновации является высокая степень риска её разработки, трансфера и коммерческой реализации, поэтому значение приобретают такие составляющие лоббистской деятельности, как прогнозирование, аналитика и экспертиза.

Статья Н. В. Абрамовой (Москва) «Московская реновация: анализ российских СМИ» посвящена исследованию реновации как градостроительной инновации. В процессе анализа выделены участники процесса реновации: политики, жители домов, градостроительные организации, строители. На основе анализа СМИ делается вывод, что в процессе пересмотра «общественного договора» произошло расхождение смысловых «фокусов» у политиков и жильцов. Оно было устранено поли-

тиками благодаря корректировке информационной кампании, посвящённой реновации, и созданию площадок для диалога с жителями.

В фокусе рубрики [«Социология молодёжи»](#) находятся установки молодого поколения в различных сферах их жизнедеятельности.

[Ю. А. Зубок](#) и [В. И. Чупров](#) (Москва) в статье [«Культура в жизни молодёжи: потребность, интерес, ценность»](#) рассматривают включённость разных групп молодёжи в производство и потребление культуры, а также их влияние на этот процесс, как отражение противоречивых тенденций формирования культурных предпочтений молодёжи. Проведённый анализ позволил сделать вывод о достаточно представительной структуре культурных потребностей и одновременно о её деформации в связи с преобладанием пассивно-созерцательных форм и замкнутости в пределах собственного дома (просмотра телевизора и т. п.); о сохранении ориентаций на основные виды деятельности, но и об изменении их форм и удельного веса в структуре досуга; переориентации молодёжи с потребностей в самосовершенствовании на гедонистическую потребность, утверждение смыслового восприятия культуры как удовольствия и развлечения, формирование в молодёжной среде соответствующих ожиданий от культурного потребления.

В статье [Т. А. Гурко](#) и [М. С. Мамиконян](#) (Москва) [«Установки студентов в брачно-семейной сфере и отношениях между полами»](#) указывается, что обращение к теме вызвано новыми демографическими и социальными вызовами, такими как изменения этнической структуры населения развитых стран, включая Россию, новые семейные структуры, тенденции распространения которых пока не ясны. Трансформация брачно-семейных отношений в XXI в. актуализирует изучение установок студентов, передовой группы страны, с целью прогноза развития институтов брака, семьи и родительства. В статье поставлена задача показать отношения молодёжи до брака, тенденции развития брачно-семейных отношений и отношений между полами так, как их воспринимает молодёжь. Авторы полагают, что в сознании студентов противоречиво сочетаются консервативные нормы, которые прививаются родителями, особенно в семьях этнических групп нерусских, и вполне лояльные установки в отношении новых практик устройства частной жизни, меняются двойные стандарты в направлении партнёрских отношений между полами.

В рубрике [«Научные форумы»](#) крымские социологи представляют Первый Крымский социологический форум «Состояние и проблемы социокультурной интеграции Крыма в Россию», состоявшийся 28–29 мая 2018 г. в Симферополе.

Т е м а н о м е р а Немонетарные неравенства в жизни россиян

Ф а к т о р ы ж и з н е н н о г о успеха и социального статуса в сознании россиян

Тихонова Наталья Евгеньевна –

доктор социологических наук, профессор,
профессор-исследователь, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа
экономики»; главный научный сотрудник, Институт
социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: ntihonova@hse.ru

Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.536

Аннотация. В статье показано, что за последние полтора десятилетия в субъективной социальной структуре российского общества произошли кардинальные изменения – большинство населения перестало считать себя социальными аутсайдерами, а само российское общество стало обществом с безусловным доминированием субъективного среднего класса, причём преимущественно нижнего среднего. Однако этот позитивный сдвиг не означает полной удовлетворённости россиян сложившейся ситуацией в области стратификации, поскольку их реальный статус в статусной иерархии сейчас существенно отличается не только от желаемого, но и от тех статусных позиций, которые они, по их мнению, должны были бы занимать в этой иерархии «по справедливости». Неудовлетворённость россиян связана с тем, что возможность достичь успеха и благополучия в жизни они связывают в значительной степени с социальным, экономическим и культурным капиталом родительской семьи, а также с разного рода неправовыми практиками (взятки, неразборчивость в средствах и т. д.), а не только с упорным трудом и собственным хорошим образованием. Эти представления устойчивы во времени и отчасти напоминают представления населения Германии. Однако для россиян гораздо бóльшую роль в достижении успеха играют разного рода неправовые практики, прежде всего взятки. Кроме того, в России относительно меньшую (и убывающую с годами) роль играют образование родителей, собственное хорошее образование, упорный труд и честолюбивые стремления человека. Это означает, что россияне с годами всё чаще считают, что в российском обществе личные усилия и стремления человека не являются ключевыми для достижения жизненного успеха и высоких статусных позиций. Статистическая проверка свидетельствует об объективной обоснованности этих взглядов, поскольку, согласно ей, в современной России происходит всё бóльшее закрытие верхних слоёв населения и началось закрытие нижних слоёв. Высокие показатели самовоспроизводства полярных статусных групп в массовых слоях населения и растущая поляризация населения, и прежде всего молодёжи, – опасные по своим социально-политическим и экономическим последствиям тенденции, ведущие к делегитимизации власти и утрате мотивированности россиян в стремлении достичь успеха собственными усилиями.

Ключевые слова: социальная структура, субъективная стратификация, статус, статусная иерархия, неравенства, общественное сознание, общественное мнение

Степень успешности и благополучия людей, если рассматривать эти факторы через призму теоретической социологии в целом и проблематики социальной стратификации в частности, являются яркими индикаторами места человека в стратификационной иерархии, отражая специфику занимаемой людьми статусной позиции. В этом плане представления о том, что определяет успех и благополучие в жизни, можно рассматривать как отражение объективных факторов стратификации в общественном сознании. Конечно, субъективное отражение этих факторов не тождественно объективным детерминантам статусных позиций индивидов в социальной иерархии конкретного общества. Однако оно тесно связано с ними, и многое говорит и о самих факторах стратификации, и об умонастроениях населения, и даже о перспективах социальной стабильности в соответствующем обществе.

В этом контексте тем более важно, что, хотя проблема факторов стратификации – одна из «вечных» проблем социологии, которой посвящено множество трудов (от М. Вебера и П. Сорокина до классиков современной социологии [Бурдье 1993; Kohn, Schooler 1983, 1990; Giddens 1984 и др.], в том числе и отечественных социологов [Богомолова, Тапилина 1997; Косова 2014; Тихонова 1999, 2014а, 2014b; Черныш 2013; Шкаратан 2009 и др.]), до сих пор не вполне понятно, в чём заключается специфика современной России в этом отношении. Не ясно и то, в каком направлении движется российское общество – в сторону всё большей выраженности в нём меритократических начал или же всё большей закрытости различных слоёв общества и их фактического самовоспроизводства, в том числе и в восприятии самих россиян. Под вопросом и соотношение факторов, предопределяющих в глазах населения нашей страны достижение определённых статусных позиций. Более того, учитывая динамичный характер трансформации российского общества в последние 30 лет, а также существенные отличия нынешней ситуации от ситуации 1990-х, 2000-х и даже начала 2010-х гг., проблематично и то, насколько могут быть распространены на современную Россию выводы, полученные исследователями факторов стратификации и социальной мобильности в предшествующие периоды новейшей истории нашей страны.

Конечно, рассмотреть весь круг вопросов, относящихся к проблематике факторов стратификации и их отражения в массовом сознании, в рамках одной статьи заведомо невозможно. Эта задача тем более сложна и объёмна, поскольку, чтобы занять относительно высокое место в стратификационной иерархии, надо, как правило, стремиться это сделать. Следовательно, анализ и реальных факторов стратификации, и представлений людей об этих факторах предполагает учёт их мотивационной сферы, жизненных устремлений

и притязаний. Статусные же притязания, в свою очередь, как и жизненные устремления в целом, зависят от разных факторов: дохода человека и динамики этого дохода; возможностей улучшить свою личную ситуацию (т. н. «туннельный эффект» Хиршмана [Hirschman 1973]); соотношения человеком своих достижений с представлениями о «стандартном», нормальном образе жизни в данной стране (и даже в других странах, если они рассматриваются как референтные) и т. д. [Alesina, Giuliano 2011; Venabou, Ok 2001; Corneo, Gruner 2002; Kenworthy, McCall 2008; Гудков 1999; Тихонова 1999; Тихонова 2014а и др.]. Причём, в каждом обществе, слое и даже у разных индивидов в этих слоях роль данных факторов различна.

Поэтому здесь мы рассмотрим только часть вопросов, заслуживающих внимания исследователей в данном контексте. Это характер статусных притязаний россиян, их представления о факторах успеха и благополучия в современном российском обществе, а также динамика этих представлений и их специфика в сравнении с представлениями о факторах успеха у населения развитых стран на примере Германии. Кроме того, мы проведём проверку полученных выводов, оценив с помощью статистических методов связь между местом человека в субъективной стратификационной иерархии и различными объективными характеристиками респондентов.

Эмпирической базой нашего анализа выступили базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах»¹, созданные при финансовой поддержке РФФИ, а также результаты ряда других общероссийских исследований Института социологии, Института комплексных социальных исследований РАН и мониторинга Российского независимого института социальных и национальных проблем. Все эти исследования проводились одной и той же рабочей группой (рук. – М. К. Горшков) с однотипной моделью выборки², а полевую их часть во всех случаях осуществлял Центр социального прогнозирования (рук. – Ф. Э. Шереги), за исключением данных 8-ой волны мониторинга ФНИСЦ РАН, ставших основой анализа. На каждое из исследований, данные которых приводятся в тексте, по ходу изложения даются специальные ссылки, как и на

¹ Подробнее о модели выборки данного исследования см.: [Российское... 2017].

² Выборочная совокупность во всех исследованиях репрезентировала взрослое население страны по региону проживания (территориально-экономическим районам, согласно районированию Росстата), а внутри них – по типу поселения, полу и возрасту. Численность выборки составляла в разные годы от 1600 до 3000 человек в возрасте от 18 лет и старше.

международное сравнительное исследование ISSP–2009¹, данные которого автор получила в Едином архиве экономических и социологических данных НИУ ВШЭ, за что благодарит его директора Л. Б. Косову.

Статусные притязания россиян и их динамика

Для измерения субъективного социального статуса конкретного индивида обычно используют графические или вербальные тесты. И те, и другие насчитывают массу вариаций, но наиболее распространены графическая 9-ти или 10-ступенчатая шкалы социальных статусов («лестница социальных статусов» или «социальная лестница») и вербальные тесты на самоидентификацию с 5–6-ю слоями (или классами). Наиболее информативным и свободным от семантических ассоциаций среди тестов на самоидентификацию является десятибалльная вертикальная шкала, на которой респонденту надо отметить в анкете своё место в обществе. Тот факт, что данная шкала, широко используемая в международных сравнительных исследованиях, начала применяться в нашей стране с 1992 г., позволяет проводить как динамический, так и кросс-национальный анализ её особенностей в современной России. Именно эта шкала была использована нами при анализе самооценок россиянами своего статуса (положения) в обществе. И хотя, на первый взгляд, таким образом замеряется лишь субъективный статус человека, однако, как показывают сравнения этих самооценок с реальным местом индивида в построенных по разным основаниям стратификационных иерархиях, этот показатель был [Тихонова 2007] и остаётся (см. таблицу 1) довольно тесно связан с объективными характеристиками, отражающими место человека в обществе.

Если с учётом места индивида в выделенных по разным основаниям статусных иерархиях (доходной, квалификационной, профессионально-должностной) построить многомерный индекс, то связь объективных характеристик индивида с его субъективной статусной самоидентификацией прослеживается ещё жёстче. Таким образом, субъективные самооценки россиянами своего места в обществе имеют отчётливо видимые объективные основания.

¹ International Social Survey Programme (ISSP) – ежегодная международная программа исследований, охватывающих темы, важные для социальных наук. Год от года тема исследования меняется, но раз в 8–10 лет в рамках этой программы проводятся опросы, посвящённые проблематике социальной структуры и социальных неравенств (подробнее см.: <http://www.issp.org>). Нами использовались данные волны ISSP–2009/2010 – последней из проведённых по этой тематике, данные которой доступны.

Таблица 1

Некоторые характеристики групп,
различающихся субъективным статусом их представителей, 2018 г., %

Характеристики	Позиции на 10-балльной вертикальной шкале социального статуса						
	1-4 ступени	5 ступень	6 ступень	7 ступень	8 ступень	9-10 ступени	Население в целом
Профессиональный статус*							
Руководители, предприниматели и самозанятые	23,2	11,8	11,6	9,0	10,4	7,3	13,1
Профессионалы	31,3	30,3	21,7	16,6	17,1	19,0	24,5
Работники рутинного нефизического труда	20,1	27,1	27,6	30,5	34,4	26,3	27,2
Работники физического труда (рабочие)	25,4	30,9	39,0	43,8	38,1	47,4	35,2
Образовательный статус*							
Высшее	49,4	41,5	30,9	24,9	26,0	26,3	35,7
Среднее специальное и незаконченное высшее	42,4	45,7	56,9	57,4	57,2	51,1	50,8
Не выше общего среднего	8,2	12,8	12,3	17,7	16,7	22,6	13,6
Экономический статус**							
Высокодоходные (с доходами свыше 2-х медиан)	15,8	10,1	8,1	6,2	2,1	2,2	8,6
Среднедоходные (с доходами от 1,25 до 2-х медиан)	29,6	32,7	29,3	26,9	21,4	11,5	27,9
Медианная группа (с доходами от 0,75 до 1,25 медианы)	29,5	34,0	36,8	38,2	38,1	37,6	35,2
Низкодоходные (с доходами не выше 0,75 медианы)	25,2	23,3	25,8	28,6	38,4	48,7	28,3

Примечание. Фоном выделены ячейки, показатели в которых превышают средние по населению более чем на величину статистической погрешности (2–3%).

*Данные приведены от работающих.

**Для измерения экономического статуса нами был избран так называемый относительный подход, позволяющий ориентироваться на место человека в локальном сообществе по отношению к существующей в нём норме с учётом специфики образа жизни в разных типах российских поселений. Технически это означало соотнесение среднедушевых доходов в домохозяйствах респондентов с медианным доходом в соответствующем типе поселений (Москва и Санкт-Петербург; центры субъектов РФ; райцентры; посёлки городского типа; сёла). Полученная с помощью такого метода модель доходной стратификации попадающих в репрезентативные опросы массовых слоёв населения страны очень похожа на построенную на основе использования страновой или региональной медианы, но несколько увеличивает долю среднедоходных слоёв [Модель... 2018].

Второй важный фактор, который влияет на самооценки людей своего места в обществе, имеет не экономическую, а социально-психологическую природу. Это уровень соци-

альных притязаний. Он тем более важен при анализе ситуации в нашей стране, поскольку россияне характеризуются довольно высоким уровнем этих притязаний. Более того – как свидетельствуют эмпирические данные, запросы населения России в области желаемых статусных позиций не просто высоки, но и заведомо нереальны, ибо нет в мире общества, где в верхней трети иерархии статусных позиций было бы сосредоточено около половины его членов (см. рис. 1).

Чем ниже место россиянина в статусной иерархии, тем больше разрыв между его самооценками своего места на «социальной лестнице» и той её «ступенью», на которой он хотел бы находиться.

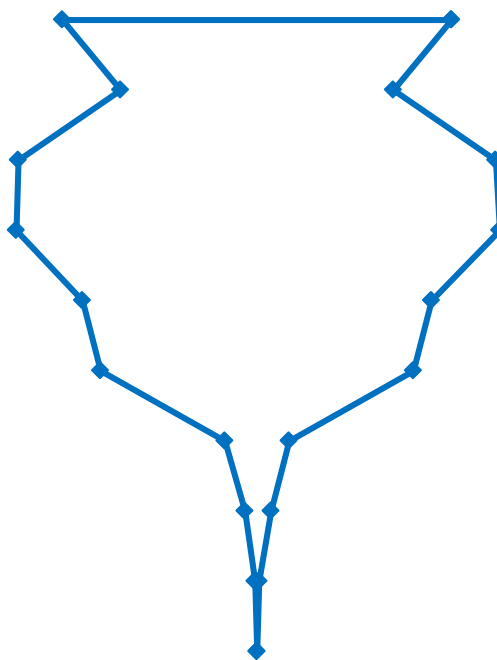

Рис. 1. Модель¹ субъективной стратификации российского общества, построенная на основании оценок россиянами тех статусных позиций, которые они хотели бы занимать, 2014 г., %²

Чем ниже место россиянина в статусной иерархии, тем больше разрыв между его самооценками своего места на «социальной лестнице» и той её «ступенью», на которой он хотел бы находиться. Так, у представителей «социального дна» (1–2 ступени снизу) свыше половины хотели бы находиться на четыре и более ступени выше, и лишь 5,8% готовы оставаться на своём месте или подняться лишь на одну ступень. В то же время именно такая дистанция мобильности является наиболее веро-

¹ Модель строилась следующим образом: по оси ординат (поскольку статусные позиции вертикально ориентированы) откладывались процентные значения числа выбравших соответствующий балл на десятибалльной вертикальной шкале социального статуса, а затем, для придания фигуре симметрии, они зеркально откладывались в область отрицательных значений. Нижней позиции соответствовали 10 баллов, а верхней – 1 балл. Строго говоря, для сохранения пропорций модель должна была быть после этого «ужата» по оси абсцисс вдвое, но для облегчения восприятия её специфики эта операция нами не проводилась.

² Использованы данные общероссийского исследования Института социологии РАН «Средний класс в современной России» (февраль 2014 г., N=1600; подробнее см. о нём: [Средний... 2016]). Численные значения, использованные для построения модели: 1 (верхняя статусная позиция) – 16,3%; 2 – 11,5%; 3 – 20,0%; 4 – 20,3%; 5 – 14,7%; 6 – 13,2%; 7 – 2,7%; 8 – 1,1%; 9 – 0,2%; 10 (нижняя статусная позиция) – 0%.

ятной для продвижения вверх в современной России. Во всяком случае, по самооценкам самих россиян, за последние 10 лет три четверти из них либо сохранили свой субъективный статус, либо их перемещение по «социальной лестнице» не превышало одной ступени. У тех, кто находится на третьей снизу ступени, доля готовых удовлетвориться своим нынешним статусом почти в полтора раза выше, но также очень мала (8,4%), и ещё для 7,3% достаточно подняться лишь на одну ступеньку. Зато не менее чем на 4 ступени среди них хотели бы подняться по «социальной лестнице» свыше 40% этой группы. Схожие тенденции наблюдаются и у тех, кто поставил себя на 4-ю снизу ступень «социальной лестницы», только «перескочить» на ней через четыре и более ступеней хотели бы заметно реже – в трети случаев. Кроме того, во всех группах россиян очень популярным является желание подняться на 2–3 ступени «социальной лестницы» – даже у тех, кто находится на 7–8-ой её ступенях, оно характеризует более 50% соответствующих групп.

При этом характер социальных притязаний россиян исключительно устойчив. Во всяком случае, в 2003 г. при совсем ином, нежели в середине 2010-х гг., уровне жизни населения и состоянии российского общества в целом, построенная на основе представлений о желаемом социальном статусе модель субъективной стратификации выглядела практически так же (см. рис. 2).

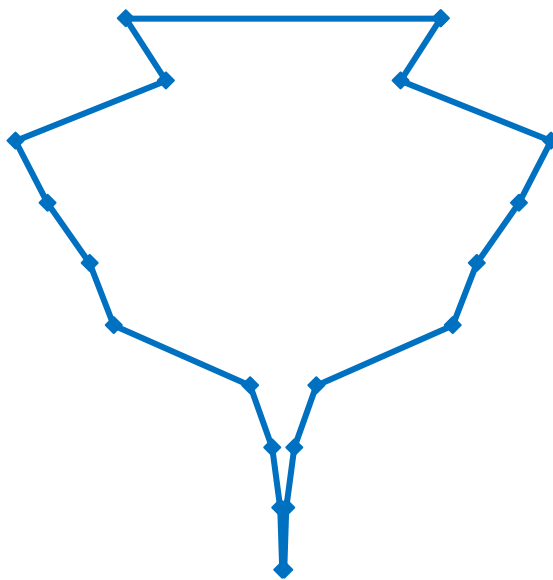

Рис. 2. Модель субъективной стратификации российского общества, построенная на основании оценок россиянами тех статусных позиций, которые они хотели бы занимать, 2003 г., %¹

¹ Использованы данные общероссийского исследования Института комплексных социальных исследований РАН «Богатые и бедные в современной России» (март 2003 г., N=2106; подробнее см.: [Россия... 2004]). Численные значения, использованные для построения модели: 1 (верхняя статусная позиция) – 13,2%; 2 – 9,9%; 3 – 22,5%; 4 – 19,8%; 5 – 16,3%; 6 – 14,3%; 7 – 2,8%; 8 – 0,9%; 9 – 0,2%; 10 (нижняя статусная позиция) – 0,1%.

Впрочем, желаемый социальный статус – это далеко не то же самое, что тот статус, на который человек реально претендует и отсутствие которого он воспринимает обычно очень болезненно. В этой связи особый интерес представляют данные о том, какими видят россияне те статусные позиции, которые они должны были бы занимать «по справедливости», с учётом реальных их достоинств и особенностей деятельности. Как свидетельствуют данные, модель, построенная на основе этих представлений (см. рис. 3), значительно отличается от модели, построенной на основании просто пожеланий по поводу своего статуса, а запросы россиян, если говорить о том месте в обществе, которое положено им «по справедливости», сложно назвать чрезмерными. Во всяком случае, большинство населения страны отнюдь не считает для себя справедливым место в «верхушке» стратификационной иерархии. Наоборот – среди россиян чётко выражено убеждение, что «по справедливости» они должны относиться к «срединным слоям», но скорее к их верхней части, чем к нижней. При этом если, используя данные показатели, построить модель социальной структуры, которая должна была бы существовать в этом случае в современной России, то она будет разновидностью модели «общества массового среднего класса» с довольно многочисленным представительством верхнего среднего класса, сравнительно малочисленным нижним средним классом и почти полностью отсутствующими «социальными низами» (см. рис. 3).

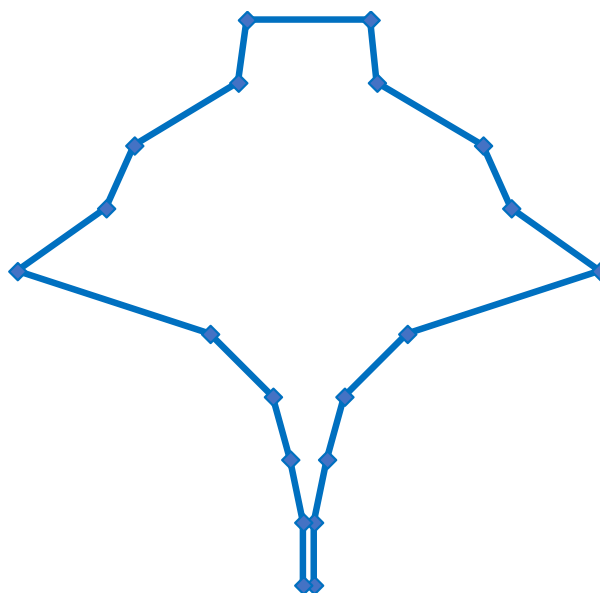

Рис. 3. Модель субъективной стратификации российского общества, построенная на основании оценок россиянами тех статусных позиций, которые они должны были бы занимать «по справедливости», 2018 г., %¹

Такая модель уже не является, в отличие от модели, построенной на основе желаемого статуса, нереалистичной. Наоборот – она похожа на модели субъективной стратифика-

¹ Численные значения, использованные для построения модели: 1 (верхняя статусная позиция) – 6,5%; 2 – 7,2%; 3 – 18,1%; 4 – 21,0%; 5 – 30,4%; 6 – 10,3%; 7 – 3,7%; 8 – 1,9%; 9 – 0,5%; 10 (нижняя статусная позиция) – 0,5%.

ции некоторых реально существующих обществ, например, Западных земель Германии (см. рис. 4). Главным отличием российской модели субъективной стратификации, построенной по представлениям россиян об их справедливом месте в обществе, от модели субъективной стратификации в Западных землях Германии, построенной на основе своего статуса в обществе их населением, выступает лишь довольно массовый запрос россиян на пребывание на двух верхних позициях статусной иерархии – его предъявляет около 15% российского населения.

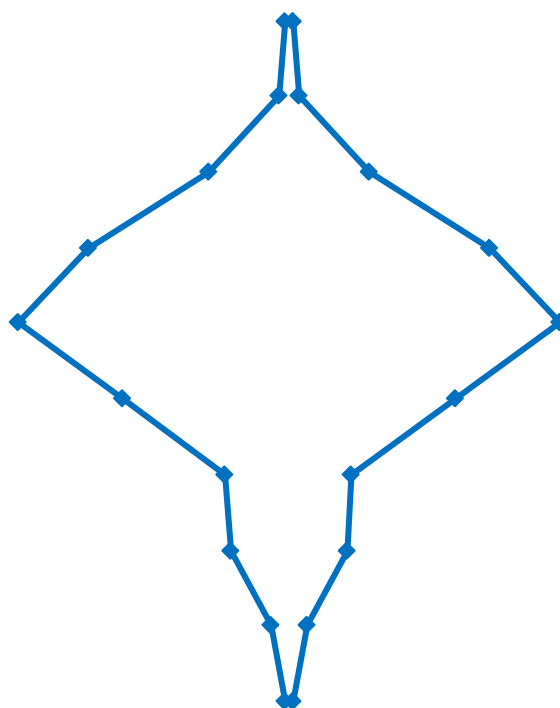

Рис. 4. Модель субъективной стратификации Западных земель Германии, ISSP-2009¹

Если же говорить о факторах, определяющих представления респондентов о справедливом лично для них социальном статусе, то это (в порядке убывания статистической значимости²): самооценки своего социального статуса и статуса своих родителей; наличие достижительных мотиваций (желание хорошо зарабатывать, иметь престижную и интересную работу, хорошее образование, сделать карьеру и т. п.); качество человеческого капитала (число лет обучения, навыки работы в цифровой среде, уровень полученного образования); культурный капитал (образование родителей, прежде всего отца); профессиональный статус и т. д. При этом молодёжь имеет несколько более высокие запросы в этой области, чем остальные россияне, а старшие поколения характеризуются более низкими, чем в среднем по населению, запросами (см. таблицу 2).

¹ Численные значения, использовавшиеся для построения модели по Западной Германии: 1 (высшая) позиция – 0,4%; 2 позиция – 1,2%; 3 – 9,2%; 4 – 22,8%; 5 – 30,9%; 6 – 19,0%; 7 – 7,2%; 8 – 6,6%; 9 – 2,1%; 10 (низшая) позиция – 0,5%.

² Рассчитано с использованием метода Tree Select, являющегося одной из разновидностей линейных регрессий, в подпрограмме Chaid программы SPSS.

Таблица 2

Статусная позиция на «лестнице социальных статусов»,
на которой считают для себя справедливым находиться представители
разных возрастных когорт, 2018 г., % *

Статусная позиция (ступени)	Возраст, лет					По массиву в целом
	18–30	31–40	41–50	51–60	Старше 60	
Верхняя	7,2	7,3	7,7	5,8	3,6	6,5
2	9,1	7,7	6,1	6,7	5,8	7,2
3	20,4	20,3	16,6	15,8	15,6	18,1
4	23,3	20,3	23,8	19,9	16,5	21,0
5	26,9	30,5	30,4	35,1	31,1	30,3
6	7,9	8,9	10,5	11,6	14,0	10,3
7	2,8	3,0	2,8	2,3	7,7	3,7
8	1,3	1,5	1,5	1,6	3,9	1,9
9	0,8	0,4	0,2	0,7	0,3	0,5
Нижняя	0,3	0,1	0,4	0,5	1,5	0,5

*Задание в анкете звучало следующим образом: «Отметьте, пожалуйста, на шкале ниже то место, которое положено Вам в этой вертикальной иерархии по справедливости». Фоном в таблице выделены ячейки, значения в которых больше показателей по населению в целом не менее чем на 2%.

Рассмотрим соотношение притязаний россиян с их восприятием своего реального статуса в обществе (см. рис. 5).

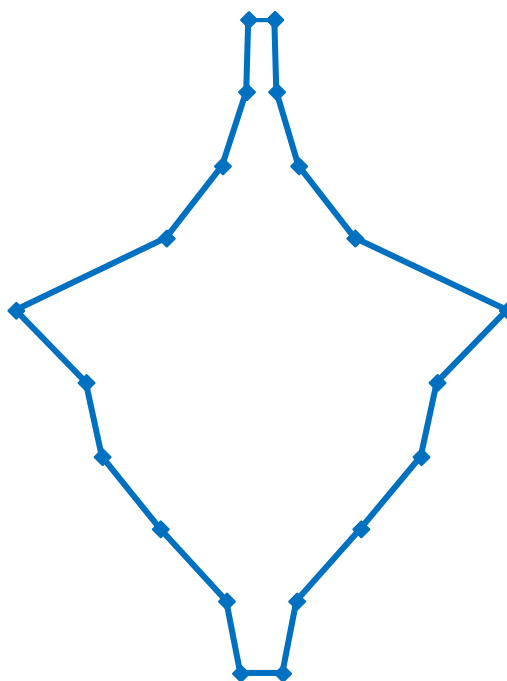

Рис. 5. Модель субъективной стратификации массовых слоёв
российского общества, построенная на основе самооценок россиянами
своего статуса, 2018 г., %¹

¹ Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1 (верхняя статусная позиция) – 1,5%; 2 позиция – 1,7%; 3 – 4,2%; 4 – 10,5%; 5 – 27,4%; 6 – 19,5%; 7 – 17,8%; 8 – 11,2%; 9 – 3,9%; 10 (нижняя статусная позиция) – 2,4%.

Как свидетельствуют эмпирические данные, реальная модель субъективной стратификации современного российского общества принципиально отличается от той, которая была описана выше на основе анализа желаемых статусных позиций у россиян, поскольку основная часть населения концентрируется в ней на средних позициях. Более того – она отличается и от модели со статусными позициями, положенными «по справедливости», поскольку, хотя наиболее популярной в ней является 5-я *сверху*, но медиана проходит по 5-ой *снизу* позиции. Таким образом, более половины населения страны находятся, по их ощущению, в нижней части статусной иерархии. Однако даже такое распределение позволяет говорить о том, что российское общество является сейчас «обществом массового субъективного среднего класса», хотя так было далеко не всегда.

За последние 20 лет неоднократно бывали ситуации, когда распространённость отнесения себя к средним слоям у россиян резко снижалась. Обычно это были периоды, когда уровень жизни населения не просто падал, а падал глубоко и резко, что влекло за собой массовую статусную фрустрацию с характерным для неё шлейфом негативных последствий. Именно в такие периоды доля считающих себя представителями средних слоёв резко сокращалась, снижаясь ниже 50%. Так было, например, после кризиса 1998–99 гг., когда большинство населения стало относить себя к «социальным низам», в том числе почти половина – даже к «социальному дну» (см. рис. 6).

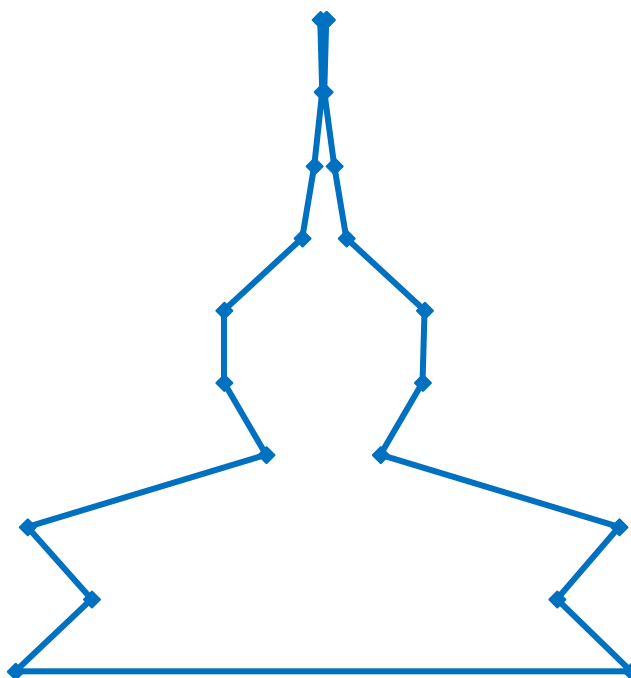

Рис. 6. Модель субъективной стратификации массовых слоёв российского общества, построенная на основе самооценок россиянами своего статуса, 1999 г., %¹

¹ Данные общероссийского репрезентативного мониторингового исследования РНИСиНП (июнь 1999 г., N=1751). Численные значения, использованные для построения модели: 1 (верхняя статусная позиция) – 0,2%; 2 – 0,1%; 3 – 0,8%; 4 – 1,8%; 5 – 8,3%; 6 – 8,2%; 7 – 4,7%; 8 – 24,4%; 9 – 19,2%; 10 (нижняя статусная позиция) – 25,4%.

Как видно на рис. 6, именно в тот сложный посткризисный период стало чрезвычайно наглядным также деление массовых слоёв российского общества на 4 крупные группы/страты, что впоследствии позволило при необходимости укрупнять используемую шкалу социальных статусов, объединяя две нижние и четыре верхние позиции в единые группы. Одна из этих крупных 4-х страт – «социальное дно», объединяющее представителей двух нижних «ступенек» на «социальной лестнице». Вторая – представители «низов», но всё же не «социального дна», поскольку типичным для этой группы является определение себя с точки зрения своего места в обществе на 3-ю снизу позицию. Третья страта – «субъективный средний класс», ставящий себя на 5–6 позиции. И, наконец, четвёртая – составляющий в массовых опросах считанные проценты верхний средний класс, представители которого ставят себя на верхние четыре позиции в статусной иерархии. Что касается тех, кто ставит себя на 4-ую снизу позицию, то их можно рассматривать как представителей трансграничной зоны между двумя очень массовыми в России социальными слоями – «социальные низы» и «средний класс».

То, что такое деление оправдано и «пороги» между основными стратами российского общества при его субъективной стратификации находятся именно в названных точках «социальной лестницы», хорошо видно и на данных таблицы 3: для четырёх верхних ступеней этой «лестницы» характерно доминирование самооценок своего места в обществе как хорошего. На средних (5–6) ступенях доля хороших его оценок в разы превышает долю плохих (присутствие которых в этой группе объясняется обычно завышенными социальными притязаниями), но в целом здесь доминируют удовлетворительные оценки своего статуса. На 4-ой снизу ступени «хорошие» оценки своего статуса встречаются уже с той же частотой, как и «плохие» его оценки. Наконец, для представителей трёх нижних ступеней «социальной лестницы» характерно многократное превышение численности оценивающих свой статус как плохой по сравнению с теми, кто оценивает его как хороший. Так же выглядела картина «порогов» оценок удовлетворённости своим статусом и 15 лет назад.

Таблица 3

Удовлетворённость своим местом в обществе у представителей разных позиций на «социальной лестнице», 2018 г., %*

Оценки своего статуса (места в обществе)	Ступени						Население в целом
	Верхние (1–4)	5	6	7	8	Нижние (9–10)	
Хороший	52,8	33,9	19,4	12,9	10,0	7,6	26,4
Удовлетворительный	42,7	62,3	73,9	76,8	69,7	72,5	65,1
Плохой	4,5	3,8	6,7	10,3	20,3	19,9	8,5

*Толубым фоном выделены показатели, превышающие 50%, зелёным – превышающие полярные самооценки своего статуса в разы.

Для представителей трёх нижних ступеней «социальной лестницы» характерно многократное превышение численности оценивающих свой статус как плохой по сравнению с теми, кто оценивает его как хороший. Так же выглядела картина «порогов» оценок удовлетворённости своим статусом и 15 лет назад.

При рассмотрении динамики самооценок россиян своего статуса прежде всего нужно отметить, что с началом выхода из кризиса 1998–99 гг. и приходом В. Путина к руководству страной эти самооценки заметно улучшились, причём позитивная динамика в этой области сохранилась и в последующие годы, даже несмотря на краткосрочное снижение в 2009 г. Сейчас удовлетворённость россиян своим статусом и сложившаяся модель субъективной стратификации не только выглядят вполне благополучными, но и, как показал кризис 2014–16 гг., остаются очень устойчивыми даже в ходе экономических кризисов. Все последние годы они демонстрируют принадлежность России к странам с доминированием субъективного среднего класса, и прежде всего – его нижнего сегмента. В то же время они очень далеки от запросов граждан к тем статусным позициям, которых они хотели бы достичь, и даже к тем, которые положены им «по справедливости». В этих условиях особенно важно понимать, чем, по мнению россиян, объясняется отнесение людей к тем или иным статусным позициям в современном российском обществе и насколько легитимны механизмы попадания на верхние статусные позиции.

Представления россиян о факторах успеха в современной России: динамический и кросс-национальный анализ

Говоря о факторах успеха и благополучия, связанных, по мнению россиян, с верхними и средними статусными позициями, прежде всего надо посмотреть, что же является для них теми жизненными целями, достижение которых и означает успех и благополучие в жизни. Отвлечёмся от таких аспектов этих целей, как хорошая семья, хорошие дети, надёжные друзья, чистая совесть и т. п., рассмотрим лишь те цели, которые связаны с занимаемыми в социальной иерархии статусными позициями: материальным благополучием, профессиональной карьерой, образованием и т. п. (см. рис. 7). Наиболее популярными среди них сейчас являются цели, связанные с материальным благополучием, но характеризующие, скорее, статусные позиции среднего класса, чем верхних слоёв населения. Это цели «хорошо зарабатывать» и «жить не хуже других». Отстают от них по распространённости, но всё же очень популярны цели «иметь интересную и престижную работу» или «получить хорошее образование».

С началом выхода из кризиса 1998–99 гг. и приходом В. Путина к руководству страной самооценки россиян своего статуса заметно улучшились, причём позитивная динамика в этой области сохранилась и в последующие годы, даже несмотря на краткосрочное снижение в 2009 г.

Наиболее популярными факторами успеха и благополучия сейчас являются цели, связанные с материальным благополучием, но характеризующие, скорее, статусные позиции среднего класса, чем верхних слоёв населения: «хорошо зарабатывать» и «жить не хуже других». Отстают от них по распространённости цели «иметь интересную и престижную работу» или «получить хорошее образование».

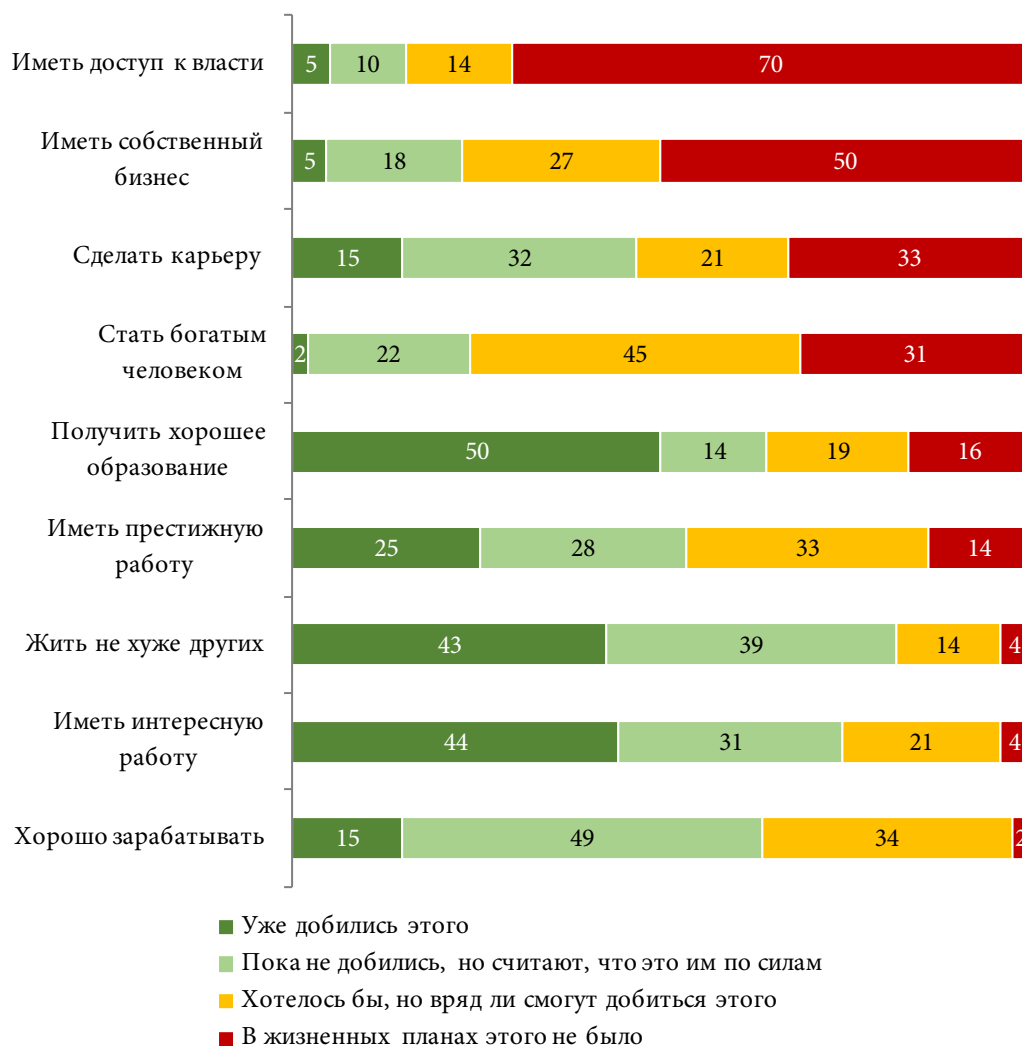

Рис. 7. Жизненные цели россиян и степень их достижения, 2018 г., % от работающих¹ (ранжировано по доле не стремившихся к соответствующим целям)

При таком понимании того, что в жизни важно и неважно, а, следовательно, и что может рассматриваться как признаки жизненного успеха и статусности занимаемых позиций в целом в общественном мнении, не удивительно, что главным маркером, определяющим статус человека в обществе, выступает для россиян их материальное благосостояние. При этом по мере роста благосостояния всё большую роль начинает играть также такой признак занимаемой статусной позиции, как «образ жизни», по сути дела тоже говорящий об уровне благосостояния, но характеризующий его под несколько иным углом зрения: если представители низкодородных слоёв среди критериев, на основе которых они определяют свой (обычно низкий) статус в обществе, чаще упоминают о материальном благосостоянии (как бы говоря:

¹ Поскольку неработающая молодёжь характеризуется завышенными ожиданиями от жизни, а пенсионеры, наоборот, уже не интересуются целями, связанными с какими-либо достижениями и социальной мобильностью, жизненные цели рассматривались применительно к работающим россиянам.

«мы ставим себя в общественной иерархии так низко потому, что у нас очень мало денег»), то представители высокодоходных слоёв чаще упоминают в этой роли свой образ жизни (как бы говоря: «мы ставим себя так высоко, так как можем себе позволить вести образ жизни, соответствующий благополучным слоям общества») (см. рис. 8).

Рис. 8. Динамика представлений россиян о том, чем они руководствуются, оценивая свой социальный статус, 2003–14 гг., %¹ (допускалось до трёх ответов)

Более того, если говорить о динамике самооценок россиян факторов своего социального статуса, то образ жизни стал играть за период с середины 2000-х до середины 2010-х гг. среди этих факторов заметно большую роль. Это хорошо объясняется в контексте теории культурной динамики, описывающей процесс перехода от ценностей выживания к ценностям самовыражения [Инглхарт, Вельцель 2011]. При этом ключевые для западных обществ факторы стратификации (образование, квалификация, престиж профессии) сохранили свой второстепенный характер, и эта закономерность прослеживается для всех слоёв населения, включая представителей верхних статусных позиций. Таким образом, судя по представлениям россиян о том, что определяет статус человека в современном российском обществе, «туннельный эффект» Хиршмана рабо-

¹ Использованы данные общероссийских репрезентативных исследований: ИКСИ РАН «Богатые и бедные в современной России» и ИС РАН «Средний класс в современной России».

тает в нём довольно слабо, и статусные позиции человека мало связаны в глазах россиян со стремлением сделать карьеру или другими достижительными мотивациями.

Об этом же свидетельствует и анализ факторов, определяющих в глазах россиян возможность достижения успеха и материального благополучия (см. рис. 9) с несколько иной стороны и с использованием иного набора формулировок, отражающих ту же проблему.

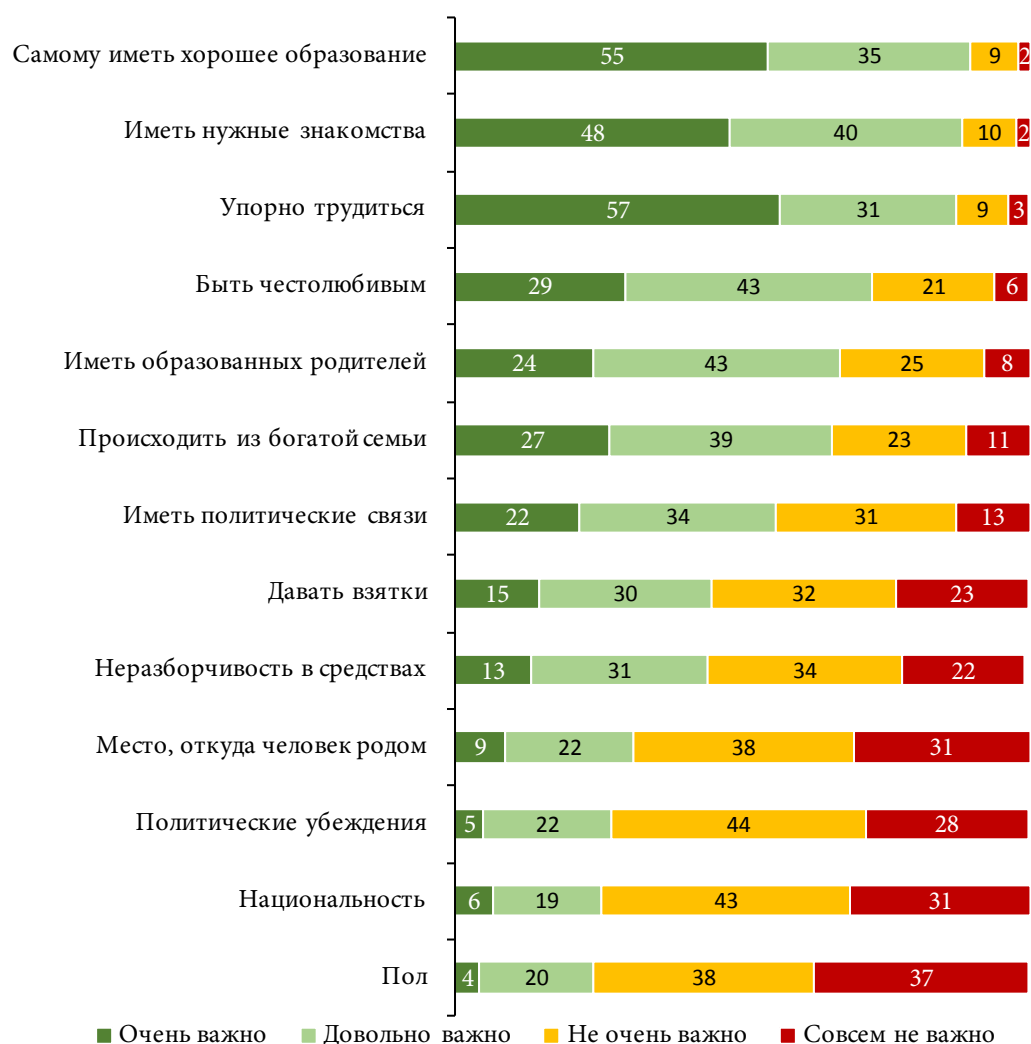

Рис. 9. Представления россиян о том, что помогает добиться благополучия и успеха в жизни в современном российском обществе, 2013 г., %^{1*}

*Затруднившиеся с ответом на рисунке не представлены, поэтому общая сумма ответов может быть менее 100%.

Как видим, хотя в глазах населения в числе качественных лидеров, обеспечивающих успех и благополучие в современном российском обществе, фигурируют наличие хорошего образования, упорный труд и стремление сделать карьеру, однако практически столь же популярны и такие пути достижения успеха, как наличие нужных знакомств или особен-

¹ Используются данные исследования ИС РАН «Бедность и бедные в современной России» (подробнее см. [Бедность... 2014]).

ности социального происхождения, а с учётом политических связей именно социальный капитал выходит на первое место среди всех факторов успеха и благосостояния в современном российском обществе. Это качественно отличается от того, как россияне видят причины, которые должны были бы детерминировать неравенства в российском обществе [О чем мечтают... 2013; Мареева 2015; 2016].

Насколько устойчива такая картина и отличается ли она от ситуации в других странах? Как свидетельствуют данные исследования ISSP–2009, где использовалась почти такая же формулировка этого вопроса, как и в исследовании ИС РАН¹, в целом картина восприятия роли различных факторов в достижении успеха в России не уникальна. Например, она достаточно близка к ситуации в Германии, причём как в её Западных, так и Восточных землях² (см. рис. 10). Тем не менее, между Россией и другими развитыми странами, в частности Германией, есть и довольно существенные различия, усугубляющиеся с годами.

В восприятии населения Германии есть та же, что и в России, четвёрка факторов-лидеров, позволяющих добиться в жизни благополучия (хорошее образование, упорный труд, честолюбие и наличие нужных знакомств). При этом ответы населения Западных и Восточных земель Германии очень близки, что отражает общность не только их культуры, но и институциональных условий. В России же картина иная: относительно меньшую роль играют честолюбие человека, т. е. наличие у него выраженных достигательных установок, а также наличие образованных родителей и собственное хорошее образование. Это именно те показатели, которые обуславливают конкурентоспособность человека на рынке труда в современных обществах меритократического типа. Более того – в нашей стране эти факторы с годами играют всё меньшую роль. При этом в России относительно большую роль в достижении успеха в жизни играют факторы, не связанные с рынком труда, – наличие политических связей и дача взяток. И хотя, судя по ответам населения, за последнее десятилетие роль этих факторов несколько сократилась, они по-прежнему остаются в нашей стране куда более значимыми, чем в Западных и Восточных землях Германии. Относительно важнее в России и наличие богатых родителей: по значимости этот фактор устойчиво обгоняет в нашей

¹ Различия заключались в том, что в опросе ИС РАН 2013 г. присутствовали также такие позиции, как место, откуда человек родом, его политические убеждения и неразборчивость в средствах, а варианты ответов «довольно важно» и «скорее важно» были объединены в одну позицию «довольно важно».

² Рассмотрение их в отдельности позволяло учесть как культурные, так и институциональные факторы, влияющие на факторы достижения успеха и благополучия в жизни.

стране уровень образованности родителей («культурный капитал» в терминологии П. Бурдье), в то время как в Германии об образованности родителей вспоминают в контексте факторов жизненного успеха человека вдвое чаще, чем об их благосостоянии. Наконец, в России относительно небольшую и с годами всё уменьшающуюся роль играет в достижении успеха упорный труд.

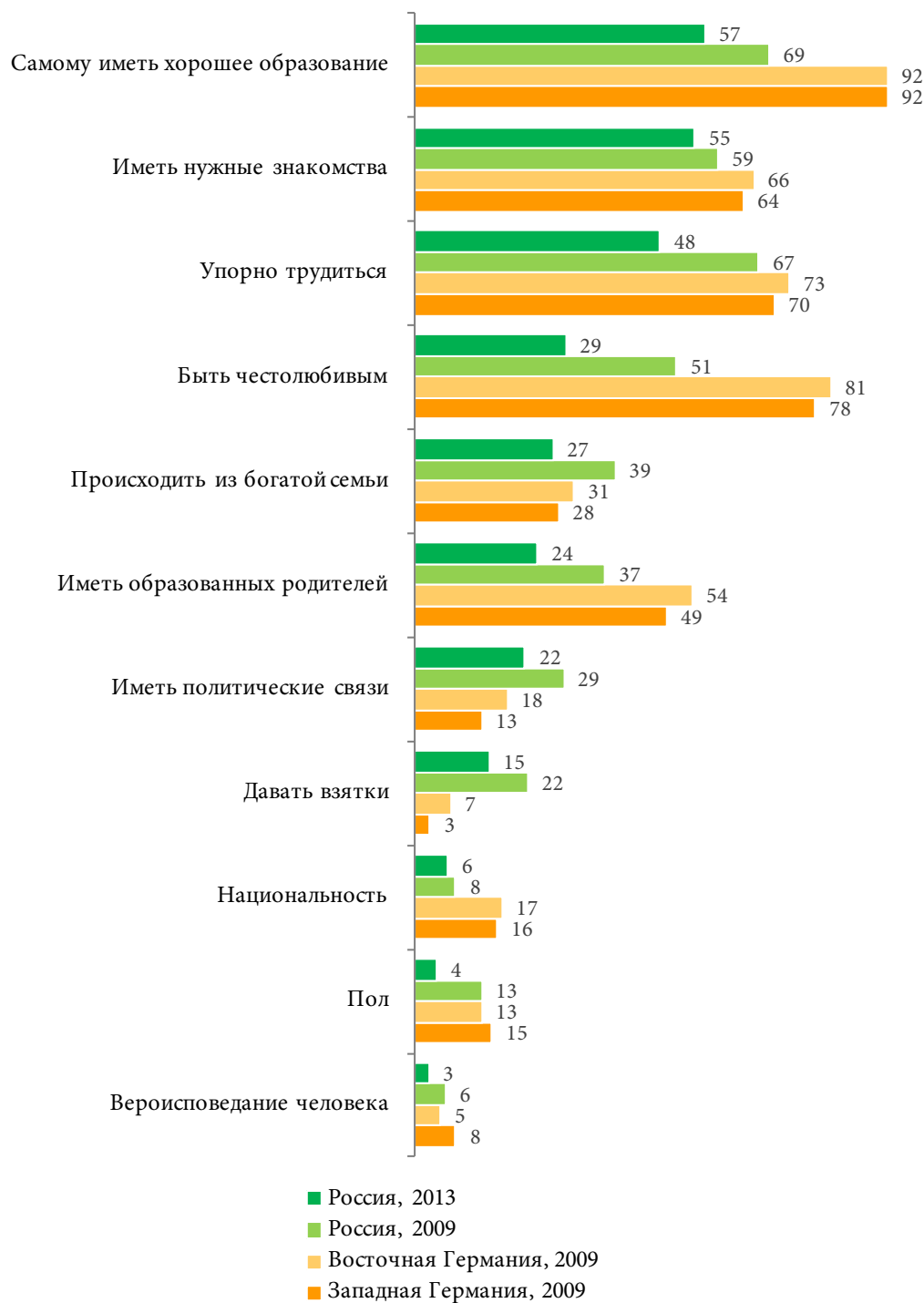

Рис. 10. Что, по мнению россиян и населения Восточной и Западной Германии, *очень важно* для того, чтобы добиться успеха и благополучия в жизни, 2009–13 гг., %

В этой разнице хорошо видны различия институциональных условий, существующих в Германии и России, тех внешних «рамоч», в которых действуют люди. В Германии

среда более конкурентна, что определяет значимость человеческого и культурного капиталов в достижении успеха и благосостояния в жизни, а в России огромную роль в их достижении играют связи человека и даваемые им взятки. Успех человека в таких условиях – зачастую уже не его личная заслуга.

Эти выводы подтверждаются также, если посмотреть на проблему факторов успеха и благосостояния с другой стороны – что совсем не важно для того, чтобы добиться благополучного положения в жизни (см. рис. 11).

Рис. 11. Что, по мнению россиян и населения Восточной и Западной Германии, совсем не важно для того, чтобы добиться чего-нибудь в жизни, 2009–13 гг., %¹

¹ На рисунке не представлены ответившие «очень важно», «довольно важно», «скорее важно» и «не очень важно».

Как видим, есть лишь один фактор, демонстрирующий очень большие разрывы в показателях между Россией и Германией – это дача взяток. Если в Западной Германии 30,0%, а в Восточной – 36,1% населения убеждены, что дача взяток в той или иной степени важна для того, чтобы добиться в жизни благополучного положения, то в России таковых почти три четверти, т. е. безусловное большинство. Этот факт сам по себе многое говорит и о типе сложившегося в России общества, и о возможностях и путях социальной мобильности в нём.

Интересно также, что в вопросе о том, что совсем не важно для достижения успеха в жизни, жители Восточных земель Германии подчас ближе к россиянам, чем к жителям Западных земель, хотя в тех вопросах, по которым россияне наиболее заметно отличались от немцев в целом (дача взяток, наличие политических связей и наличие богатых родителей как факторов жизненного успеха), они при оценке наиболее важных факторов успеха тяготели скорее к западным немцам. Это говорит о том, что в Восточных землях Германии ещё не все институциональные проблемы решены столь же успешно, как в Западных, однако они решаются несопоставимо эффективнее, чем в России.

Более того, если рассмотреть факторы успеха в Германии и России с помощью факторного анализа, то становится ещё нагляднее, что восточные немцы живут в той же не только формальной, но и неформальной институциональной среде, что и западные. И в этом их принципиальное отличие от россиян, поскольку в России те же самые факторы имеют по сути своей подчас совсем другой смысл. Так, во всех трёх выборках при факторном анализе выделились по три укрупнённых группы факторов успеха¹. Одна из этих групп факторов отражала **собственные усилия человека** в достижении успеха и объединяла такие факторы, как собственное образование, упорный труд и честолюбие. Этот набор был общим в обеих странах. Вторая группа факторов, которые с определённой долей условности можно назвать **второстепенные вне рыночные факторы успеха**, в обеих странах объединяла такие признаки, как национальность, вероисповедание и пол. Наконец, третья группа факторов (**унаследованный от родителей капитал**) в обеих странах включала богатых родителей, образованность родителей и наличие нужных знакомств, т. е. приобретённый в силу происхождения экономический, культурный и социальный капитал. Об этом же говорят и данные других исследований [Бедность... 2014: 134–137]. Однако при этом в Германии (как Восточной, так и Западной) взятки и политические связи оказывались в составе вне рыночных факторов успеха, что

¹ Процент объясненной дисперсии для Западной Германии – 54,362, для Восточной – 60,638, для России – 60,588.

подчёркивает их периферийность по отношению к двум другим группам факторов, играющих ключевую роль в достижении успеха. В России же взятки и политические связи не только играют гораздо бóльшую роль для достижения успеха, чем в Германии, но и имеют другую природу – они попадают в группу унаследованного от родителей капитала и выступают, с одной стороны, разновидностью полученного от них социального капитала, а с другой – производной от их экономических возможностей. Вряд ли по этому поводу нужны какие-то дополнительные комментарии.

Факторы субъективного статуса в современной России: результаты статистического анализа

Выше были рассмотрены факторы достижения успеха в восприятии россиян. Главные выводы заключаются в том, что российское общество становится в общественном сознании всё менее меритократическим и всё бóльшую относительную роль в достижении успеха играют в нём, по мнению россиян, родительский капитал (в том числе социальный) и взятки. Насколько эти выводы подтверждаются анализом объективно существующих связей между достижением определённых статусных позиций и различными характеристиками людей?

Как показал наш анализ, среди переменных, имевших наиболее тесные корреляционные связи с самооценкой социального статуса, в порядке убывания значимости¹ двадцать лет назад шли «душевой доход», «заработная плата», самооценки соотношения материального положения самого респондента и уровня благосостояния окружающих его людей, динамика изменения его материального положения и т. д. [Тихонова 1999]. Таким образом, это были те особенности жизни россиян, которые прямо или косвенно отражали их уровень благосостояния. Однако, кроме этих характеристик, в числе статистически значимых были тогда и другие переменные, а главным фактором стратификации в России конца 1990-х гг. являлась работа в государственном или частном секторах экономики. Действие же остальных факторов было связано с тем, как они влияли на возможность занятости в частном секторе. Исключение составляли только должность (для тех, кто относился к руководителям первого уровня в госсекторе), наличие постоянной вторичной занятости, свидетельствовавшей о востребованности человека в новых условиях, а также отсутствие полной стабильной занятости (для тех, кто был её лишён) [Тихонова 1999].

¹ Для оценки показателей статистических связей использовался метод Tree Select в подпрограмме Chaid программы SPSS.

Спустя 15 лет сравнительный набор и соподчинённость этих факторов заметно изменилась. На первом месте оказался статус родительской семьи, который обогнал даже признаки материального благосостояния [Тихонова 2014а; Тихонова 2014b]. В современной России это свидетельствует о тенденции межпоколенческой консервации статусов, действие которой продолжается и сейчас (см. таблицу 4). Тесно связан с самооценками своего социального статуса и уровень образования родителей россиян. При этом чем выше статусное положение человека, тем большее значение имеют для него показатели, относящиеся к родительской семье, что также говорит об усилении тенденции социального воспроизводства и закрытости верхних массовых слоёв населения.

Таблица 4

Соотношение положения в обществе родительской семьи и собственного места в обществе на десятибалльной шкале социальных статусов по самооценкам россиян, 2018 г., %

Оценки статусных позиций	Собственные позиции					
	Верхние 1–4 ступени	5 ступень	6 ступень	7 ступень	8 ступень	Нижние 9–10 ступени
Верхние (1–4) ступени	52	18	16	12	13	15
5 ступень	21	45	19	17	19	22
6 ступень	12	15	23	18	10	10
7 ступень	8	12	22	28	13	13
8 ступень	5	6	15	19	32	10
Нижние (9–10) ступени	2	3	4	7	13	30

При покогортном анализе видно, что у молодых россиян (до 30 лет включительно) фиксируются максимальные показатели воспроизводящих социальный статус своих родителей, и особенно – у ставящих себя на верхние четыре ступеньки «лестницы социальных статусов»: 59,7% в этой группе относят к «верхам» и своих родителей. Это ещё одно свидетельство развития в нашей стране тенденции всё большего самовоспроизводства верхней части массовых слоёв населения. С другой стороны, именно у молодёжи в последние годы также максимальна доля относящих одновременно и себя, и своих родителей к «низам» общества, т. е. «низы» начали характеризоваться повышенными показателями самовоспроизводства. Кроме того, процессы социальной поляризации в ходе межпоколенческого воспроизводства захватили сильнее всего именно молодёжь. При этом в целом по населению доли характеризовавшихся в ходе межпоколенческого воспроизводства повышающим и понижающим её трендами в настоящее время примерно равны между собой.

Покогортный анализ показал, что у молодых россиян фиксируются максимальные показатели воспроизводящих социальный статус своих родителей, и особенно – у ставящих себя на верхние четыре ступеньки «лестницы социальных статусов». Это свидетельство развития тенденции всё большего самовоспроизводства верхней части массовых слоёв населения.

Таким образом, изменение сравнительной роли различных факторов, определяющих субъективный статус человека, как и характер социальной динамики, говорят о том, что «социальные лифты» в российском обществе постепенно перестают работать. Это неизбежно будет вести к делегитимизации существующих в современной России неравенств в общественном сознании, первые свидетельства чего уже видны [Мареева 2015; 2016].

Тот факт, что в конце 1990-х гг. водораздел в формирующейся социальной структуре нового российского общества проходил не столько по признакам социально-профессионального или квалификационного характера, сколько по степени включённости в новые экономические отношения и структуры, а в конце 2010-х гг. на первый план вышло происхождение человека, означает, что сформировавшееся по итогам трёх десятилетий реформ российское общество имеет отчётливо немеритократический вектор развития. Разумеется, это не значит, что образование россиян и другие характеристики их человеческого и культурного капитала сейчас вообще не важны, однако они стали в гораздо большей степени опосредоваться фактором их происхождения, чем это было 15–20 лет назад. И если в конце 1990-х гг. любой, кто по своим личным качествам мог пойти на работу в частном секторе, выигрывал уже в силу этого (т. е. рынок как бы сертифицировал качество его рабочей силы, и человек получал за счёт этого дополнительные монетарные и немонетарные ренты), то сейчас, независимо от сектора занятости, доступ к качественным рабочим местам и в экономике в целом, и в частном секторе получают прежде всего выходцы из наиболее статусных и высокообразованных семей.

Это, естественно, повлияло и на снижение роли социально-психологических характеристик человека для занятия им определённой статусной позиции, имевших большое значение в конце 1990-х гг. Даже наличие достижительных мотиваций (стремление иметь интересную и престижную работу, хорошо зарабатывать и т. п.) или тип локус-контроля по своей роли для занятия определённого места в стратификационной иерархии стали в разы отставать от статуса родительской семьи. В то же время нельзя не отметить, что тип локус-контроля у наиболее благополучной части россиян (верхние 17,9%, занимающие 1–4 статусные позиции на «лестнице социальных статусов») и наиболее неблагополучной части населения (нижние 6,3%, занимающие на ней 9–10 статусные позиции) и сейчас всё ещё диаметрально противоположен – если у первых безусловно доминирует внутренний локус-контроль (67,5% их считают, что «человек сам кузнец своего счастья; успех и неудачи – всё в его руках»), то у вторых – внешний (67,7% убеждены, что «жизнь человека в гораздо большей

степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями»). Это значит, что если для первых жизнь в современной России предоставляет определённые «развилки выбора», позволяющие людям ощущать себя творцами своей судьбы, то вторые в массе своей лишены этих возможностей и чувствуют себя неспособными управлять собой и собственным будущим.

Гораздо менее значимы, чем в 1990-х гг., в числе факторов субъективной стратификации в 2018 г. оказались «регион проживания» или «тип поселения» – видимо, внутри каждого из них сформировались свои достаточно устойчивые локальные субструктуры, в рамках которых человек и определяет свой статус. Низкие показатели статистической значимости¹ демонстрирует также гендерная принадлежность. При этом для отдельных статусных групп она всё-таки сохранила свою значимость. Однако если в 1990-х гг. пол имел значение в основном для занятия верхних 4-х позиций, где доминировали мужчины, хотя на всех остальных ступенях социальной лестницы доминировали в тот период женщины, то в 2000-е гг. наблюдалось сокращение значимости роли гендерных характеристик для занятия верхних статусных позиций, и теперь верхние позиции характеризуются практически одинаковой представленностью на них мужчин и женщин (см. рис. 12). В отношении же остальных статусных позиций действует принцип «чем ниже, тем выше доля женщин», причём на самых нижних позициях доля женщин превышает 60%.

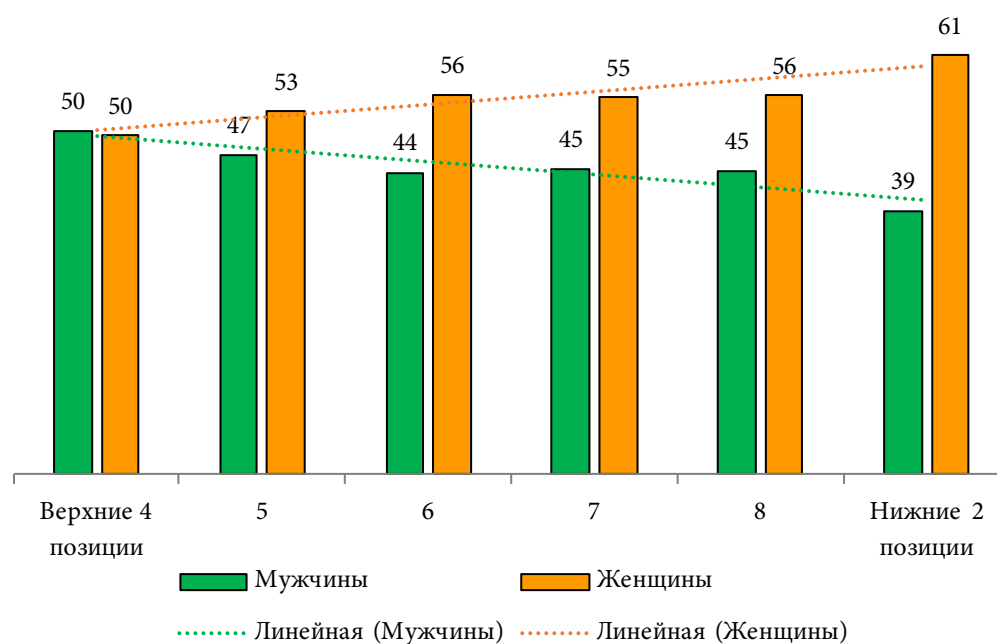

Рис. 12. Доля мужчин и женщин на разных позициях субъективной статусной иерархии, 2018 г., %

¹ Коэффициент Спирмена – 0,050. Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

Возраст, который в конце 1990-х гг. демонстрировал очень высокие значения статистической значимости для субъективного определения своего статуса, т. к. прямо влиял на адаптивные возможности человека и шансы попасть на работу в частном секторе, затем начал постепенно сдавать свои позиции, хотя и сейчас относительно более значим, чем пол¹. Однако, хотя возраст и не выступает сейчас столь жёстким «блокиратором» попадания на верхние статусные позиции, как в 1990-е или 2000-е гг., и даже в начале 2010-х гг. (в возрастной когорте 51–60 лет, например, на верхние четыре ступени «социальной лестницы» ставили себя в 2018 г. 11,2% при 8,0% в 2013 г. и 5,3% в 1998 г.), всё же возрастная структура представителей разных статусных позиций и сейчас различается довольно заметно (см. рис. 13).

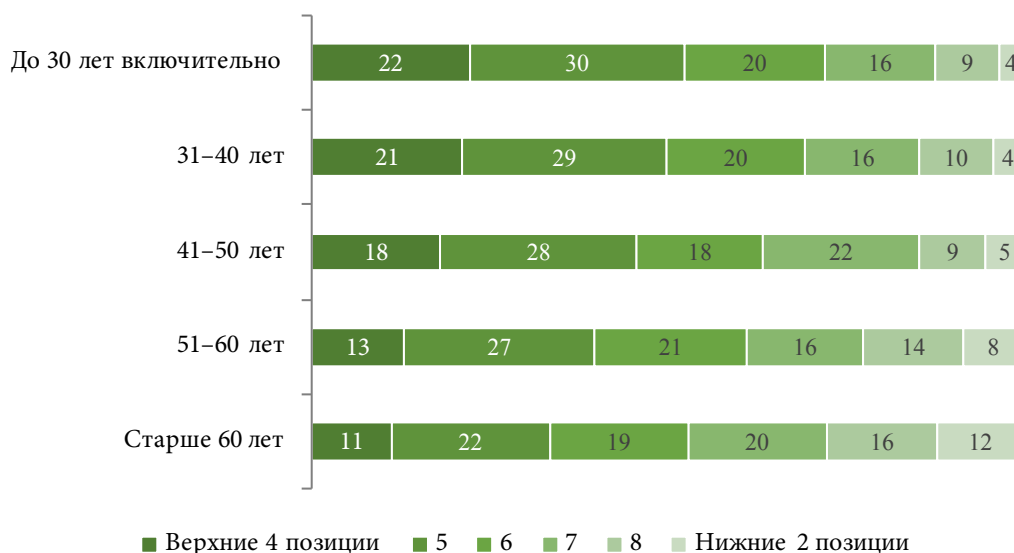

Рис. 13. Доля представителей различных возрастных когорт в составе групп с разными оценками своих позиций в статусной иерархии, 2018 г., %

Отнесение себя многими представителями старших возрастов на нижние статусные позиции связано при этом, видимо, не столько даже с их возрастом как таковым, сколько с состоянием здоровья, влияющим на их позиции на рынке труда и жизненные возможности в целом. Во всяком случае, именно субъективное восприятие своего здоровья как хорошего, удовлетворительного или плохого является наиболее значимым фактором субъективной стратификации среди всех аскриптивных признаков человека в современной России. И хотя роль этого фактора постепенно уменьшается (сейчас коэффициент Спирмена для связи его с самооценками места в стратификационной иерархии составляет 0,279 вместо 0,406 в 2013 г.), он всё ещё очень значим. При

¹ Коэффициент Спирмена – 0,169. Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

плохом здоровье вероятность оказаться на нижних трёх ступенях «социальной лестницы» в современной России для человека всё ещё очень высока (39,8% при 7,4% для имеющих хорошее здоровье), хотя и заметно снизилась в последние годы – в 2013 г. она составляла 60,0%. Что же касается тех, кто имеет хорошее здоровье, то среди них 60,9% (что заметно больше, чем в 2013 г., когда этот показатель составлял 45,1%) отнесли себя весной 2018 г. к верхней половине «лестницы социальных статусов» (см. рис. 14).

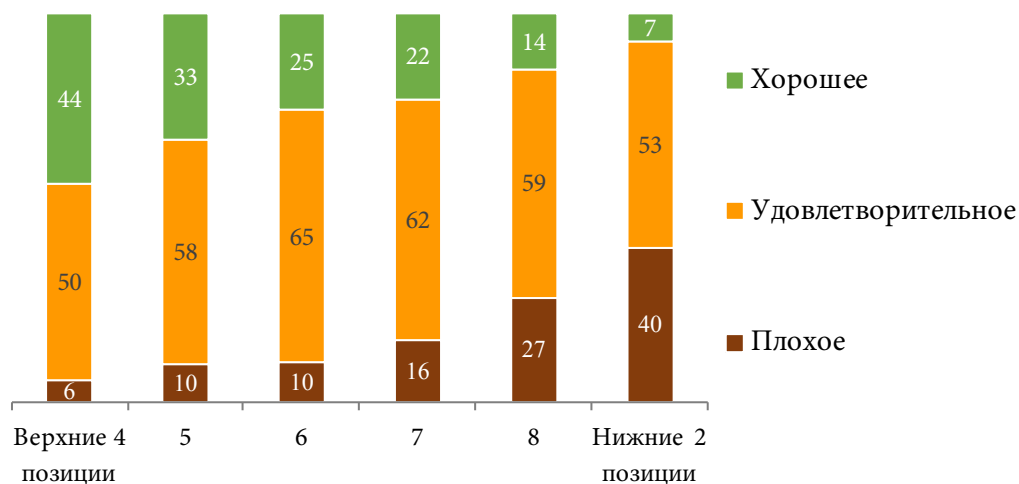

Рис. 14. Доля людей с различными самооценками своего здоровья на разных позициях субъективной статусной иерархии, 2018 г., %

Итак, факторы, объективно значимые для самооценок россиян собственного статуса, за десятилетия интенсивной трансформации российского общества качественно изменились, и всё большую роль стало играть социальное происхождение. Это говорит о том, что, во-первых, социальная структура России становится всё более «закрытой», а основания для занятия верхних статусных позиций в ней всё меньше согласуются с меритократическими принципами и представлениями россиян о социальной справедливости, а во-вторых, изменения в представлениях населения страны о факторах достижения жизненного успеха и высокого социального статуса имеют бесспорные объективные основания.

Выводы

Наряду с объективно существующими моделями стратификации общества большое значение для принятия решений в рамках государственной социальной политики имеет субъективная стратификация населения. Для понимания ситуации в этой области важен не только анализ самооценок людей своего статуса в обществе, но и соотношение этих оценок с их статусными притязаниями, т. е. с их представлениями

Социальная структура России становится всё более «закрытой», а основания для занятия верхних статусных позиций в ней всё меньше согласуются с меритократическими принципами и представлениями россиян о социальной справедливости. Изменения в представлениях населения о факторах достижения высокого социального статуса имеют бесспорные объективные основания.

о желаемом и справедливом для них статусе. Учёт этих притязаний, а также степени удовлетворённости населения своим социальным статусом необходим для обеспечения социально-политической стабильности общества и оценки легитимности власти в глазах населения.

Как свидетельствуют эмпирические данные, за последние полтора десятилетия в субъективной социальной структуре российского общества произошли кардинальные изменения – большинство россиян перестало считать себя социальными аутсайдерами. Более того – само российское общество стало обществом массового нижнего среднего класса. При этом поскольку главным маркером, определяющим их статус в обществе, выступает для россиян материальное благосостояние, то, хотя российское общество было и остаётся обществом смещённых вниз статусных позиций, по мере роста уровня благосостояния населения в 2000-х гг. самоощущение россиян относительно своего статуса в обществе качественно улучшилось. Однако это не означает полной удовлетворённости сложившейся в стране ситуацией в области стратификации, поскольку, по мнению россиян, их реальный статус сейчас существенно отличается не только от желаемого, но и от тех статусных позиций, которые они должны были бы занимать «по справедливости».

Неудовлетворённость населения своим местом в стратификационной иерархии российского общества связана прежде всего с недовольством своим материальным положением, поскольку возможности «жить не хуже других» и «хорошо зарабатывать» входят в число наиболее распространённых среди россиян жизненных целей. При этом возможность достичь этих целей население нашей страны связывает не только с хорошим образованием и упорным трудом, но и с экономическим, культурным и социальным капиталом родительской семьи, а также с разного рода неправовыми практиками (взятки, неразборчивость в средствах и т. д.).

Эти представления устойчивы во времени и во многом напоминают представления населения экономически развитой и демократической Германии. Однако они имеют и два очень характерных отличия. Во-первых, для россиян разного рода неправовые практики, и прежде всего взятки, играют в достижении жизненного успеха несопоставимо большую роль. А во-вторых, в России относительно меньшую (и убывающую с годами) роль играют культурный капитал родительской семьи, собственное хорошее образование, упорный труд и честолюбивые стремления человека. Это означает, что общественное сознание с годами всё больше воспринимает российское общество как такое, где личные усилия и стремления человека всё меньше значат для достижения жизненного успеха и занятия высоких статусных позиций.

За последние полтора десятилетия в субъективной социальной структуре российского общества произошли кардинальные изменения – большинство россиян перестало считать себя социальными аутсайдерами.

И действительно, как свидетельствуют субъективные оценки и объективные данные, в современной России происходит всё большее закрытие верхних слоёв населения. При этом идёт поляризация не просто населения, а прежде всего молодёжи. Очень высокие показатели самовоспроизводства полярных групп, а также растущая поляризация молодёжи – довольно опасные по своим социально-политическим и экономическим последствиям тенденции, которые неизбежно приведут к делегитимизации существующего в России общества в глазах населения страны. Более того – они сыграют негативную роль и в экономическом развитии нашей страны, поскольку будут демотивировать людей в стремлении достичь успеха собственными усилиями, способствуя скорее развитию у них патерналистских ожиданий. Всё это является важными особенностями тех рамочных условий, которые будут предопределять развитие российского общества в среднесрочной перспективе.

Библиографический список

Бедность и бедные в современной России / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014. 304 с.

Бурдые П. 1993. Социология политики (глава «Социальное пространство и генезис классов»). М.: Socio-Logos. 336 с.

Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. 1997. Экономическая стратификация: объективное и субъективное измерение // Социологические исследования. № 9. С. 28–41.

Гудков Л. 1999. Россия в ряду других стран: к проблеме национальной идентичности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 39–47.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. 464 с.

Косова Л. Б. 2014. Основания успеха: результаты сравнительного анализа оценок субъективного статуса // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 3–4. С. 118–127.

Мареева С. В. 2015. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Journal of Institutional Studies. Т. 7. № 2. С. 109–119.

Мареева С. В. 2016. Справедливость и равенство в мечтах россиян и реалии современной России // «Идеальное общество» в мечтах людей в России и в Китае / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, П. М. Козырева, Ли Пей Линь. М.: Новый хронограф. С. 152–174.

Модель доходной стратификации российского общества: состояние, динамика, факторы. 2018 / Под ред. Н. Е. Тихоновой. М.: Новый хронограф. 368 с.

О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Кrumma, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2013. 400 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 427 с.

Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Наука, 2004. 259 с.

Средний класс в современном российском обществе / Под ред. М. Горшкова, Н. Тихоновой, А. Чепуренко. М.: РОССПЭН, 1999. 247 с.

Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2016. 368 с.

Тихонова Н. Е. 1999. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН. 318 с.

Тихонова Н. Е. 2007. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН. 320 с.

Тихонова Н. Е. 2014а. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, Ин-т социологии РАН. 408 с.

Тихонова Н. Е. 2014б. Факторы стратификации в современной России: динамика сравнительной значимости // Социологические исследования. № 10. С. 23–35.

Черныш М. Ф. 2013. Трансмиссия культурного капитала и социальная мобильность // Социологические исследования. № 8. С. 42–53.

Шкаратан О. И. 2009. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «Олма Медиа Групп». 560 с.

Alesina A., Giuliano P. 2011. Preferences for Redistribution // Handbook of Social Economics. Vol. 1. P. 93–131.

Benabou R., Ok E. 2001. Social Mobility and Demand for Redistribution: the POUM Hypothesis // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 116. № 2. P. 447–487.

Corneo G., Gruner H. 2002. Individual Preferences for Political Redistribution // Journal of Public Economics. Vol. 83. № 1. P. 83–107.

Hirschman A., Rothschild M. 1973. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development / *Quarterly Journal of Economics*. № 87. P. 544–566.

Giddens A. 1984. *The Constitution of Society*. Cambridge: Polity Press. 402 p.

Kenworthy L., McCall L. 2008. Inequality, Public Opinion and Redistribution // *Socio-Economic Review*. Vol. 6. № 1. P. 35–68.

Kohn M. L., Schooler C. 1983. *Work and Personality. An inquiry into the impact of Social Stratification*. Norwood: Ablex Pub. Corp. 389 p.

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.536

Life Success and Social Status Factors in the Minds of Russian

Tikhonova Natalia Evgenyevna

Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute for Social Policy, National Research University Higher school of economics; Main Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: netichon@rambler.ru

Abstract. This article reveals that, during the last 15 years, drastic shifts have occurred in the subjective social structure of Russian society: the people for the most part no longer consider themselves to be “social outsiders”, while Russian society itself has become a society undoubtedly dominated by a subjective middle-class, albeit predominantly a lower middle-class. However, such a positive shift does not equal Russians being completely satisfied with the situation at hand when it comes to stratification, since their actual position in the status hierarchy is currently much lower not only than desired, but also lower than those status positions which they reckon they should be occupying in this hierarchy “in all fairness”. Russian people’s dissatisfaction is mostly a result of them considering opportunities for success and prosperity to be associated with the social, economic and cultural capital of one’s parents, as well as with various unlawful practices (such as corruption, bribery), not only with one’s hard work or quality education. These views seem to be stable over time, and to some extent they are similar to the views of German people. However, in the eyes of Russians various unlawful practices (primarily bribery) play a greater role when it comes to achieving success in life. In addition to that, one’s parents’ education, as well as one’s own education, hard work and ambition play a slightly less significant role (which is decreasing year after year) in Russia. This means that, as time passes, more Russian people are becoming convinced that a person’s personal efforts and goals are not a key factor in achieving life success and high status positions in Russian society. Statistical verification indicates that these views are objectively justified, since, according to the former, upper strata of Russian society are becoming increasingly more closed, with lower strata starting to close as well. High indexes of self-reproduction of opposing status groups within mass layers of the population, together with an increasing polarization of the population (primarily young people) – these are all dangerous tendencies in terms of their socio-political and economic consequences, which lead to authorities being delegitimized, as well as Russian people losing their motivation to achieve success in life through their own efforts.

Keywords: social structure, subjective stratification, status, status hierarchy, inequality, public consciousness, public opinion

References

Alesina A., Giuliano P. Preferences for Redistribution. *Handbook of Social Economics*, 2011, vol. 1, pp. 93–131.

Bednost’ i bednye v sovremennoy Rossii [Poverty and the poor in modern Russia]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves’ mir, 2014. 304 p.

- Benabou R., Ok E. Social Mobility and Demand for Redistribution: the POUM Hypothesis. *The Quarterly Journal of Economics*, 2001, vol. 116, no 2, pp. 447–487.
- Bogomolova T. Y., Tapilina V. S. Economicheskaja stratifikacija: ob`ektivnoe i sub`ektivnoe izmerenie [Economic stratification: an objective and subjective dimension]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1997, no 9. pp. 28–41.
- Bourdieu P. *Sociologija politiki* [Sociology of politics]. Moscow, Socio-Logos, 1993. 336 p.
- Chernysh M. F. Transmissija kul`turnogo kapitala i social'naja mobil'nost' [Transmitting cultural capital and social mobility]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2013, no 8, pp. 42–53.
- Corneo G., Gruner H. Individual Preferences for Political Redistribution. *Journal of Public Economics*, 2002, vol. 83, no 1, pp. 83–107.
- Giddens A. *The Constitution of Society*. Cambridge, Polity Press, 1984. 402 p.
- Gudkov L. Rossija v riadu drugih stran: k probleme nacional'noy identichnosti [Russia among other countries: the problem of national identity]. *Monitoring obschestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 1999, no 1, pp. 39–47.
- Hirschman A., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development. *Quarterly Journal of Economics*, 1973, no 87, pp. 544–566.
- Inglehart R., Velcel K. Modernizacija, kul`turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija [Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 p.
- Kenworthy L., McCall L. Inequality, Public Opinion and Redistribution. *Socio-Economic Review*, 2008, vol. 6, no 1, pp. 35–68.
- Kohn M. L., Schooler C. *Work and Personality. An inquiry into the impact of Social Stratification*. Norwood, Ablex publ. corp., 1983. 389 p.
- Kosova L. B. Osnovaniya uspeha: rezul'taty sravnitel'nogo analiza ocenok sub`ektivnogo statusa [Grounds for success: the results of a comparative analysis of subjective status assessments]. *Vestnik obschestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2014, no. 3–4. pp. 118–127.
- Mareeva S. V. Spravedlivost' i neravenstvo v obschestvennom soznanii rossijan [Justice and inequality in the public consciousness of Russians]. *Journal of Institutional Studies*, 2015, vol. 7, no 2, pp. 109–119.
- Mareeva S. V. Spravedlivost' i ravenstvo v mechtah rossijan i realii sovremennoj Rossii [Equity and equality in the dreams of Russians and the realities of modern Russia]. "Ideal'noe obschestvo" v mechtah liudey v Rossii i v Kitae. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova, P. M. Kozyreva, Li Pey Lin'. Moscow, Novy Khronograf, 2016, pp. 152–174.
- Model' dohodnoj stratifikacii rossijskogo obschestva: sostojanie, dinamika, factory [Model of income stratification of Russian society: state, dynamics, factors]. Ed. by N. E. Tikhonova. Moscow, Novy khronograf, 2018. 368 p.
- O chiom mechtajut rossijane: ideal i real'nost' [What do Russians dream of: the ideal and reality]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir, 2013. 400 p.
- Rossija – novaja social'naja real'nost'. Bogatye. Bednye. Srednij klass [Russia is a new social reality. Rich. Poor. Middle class]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Nauka, 2004. 259 p.
- Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga piataja [Russian society and the challenges of time]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov. Vol. 5. Moscow, Ves' Mir, 2017. 427 p.
- Shkaratan O. I. Social'no-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii [Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia]. Moscow, Olma Media Group, 2009. 560 p.
- Srednij klass v sovremennom rossijskom obschestve [The middle class in contemporary Russian society]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova, A. J. Chepurensko. Moscow, ROSSPEN, 1999. 247 p.

Sredniy klass v sovremennoy Rossii. Opyt mnogoletnih issledovaniy [The middle class in modern Russia. Experience of many years of research]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir, 2016. 368 p.

Tikhonova N. E. Faktory social'noy stratifikatsii v usloviyah perehoda k rynochnoy ekonomike [Factors of social stratification in the transition to a market economy]. Moscow, ROSSPEN, 1999. 220 p.

Tikhonova N. E. Faktory stratifikatsii v sovremennoy Rossii: dinamika sravnitel'noy znachimosti [Factors of stratification in modern Russia: dynamics of comparative significance]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2014, no 10, pp. 23–35.

Tikhonova N. E. Social'naya stratifikatsiya v sovremennoy Rossii: opyt empiricheskogo analiza [Social stratification in modern Russia: the experience of empirical analysis]. Moscow, IS RAS publ., 2007. 320 p.

Tikhonova N. E. Social'naya struktura Rossii: teorii i real'nost' [The social structure of Russia: theories and reality]. Moscow, Novy Khronograf, IS RAS publ., 2014. 408 p.

Т е м а н о м е р а Немонетарные неравенства в жизни россиян

Занятость в посткризисной России: роль поселенческих неравенств

Аникин Василий Александрович – кандидат экономических наук, Ph.D. in Sociology (University of Essex), доцент, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: vanikin@hse.ru

Занятость в посткризисной России: роль поселенческих неравенств

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.537

Аннотация. В статье¹ исследуются изменения ситуации, связанной с занятостью и работой россиян за годы финансово-экономического кризиса 2014–16, а также в период с 2017 по 2018 гг., который российские учёные уже окрестили периодом «негативной посткризисной стабилизации». Данная статья в целом подтверждает этот тезис. Несмотря на ряд очевидных успехов (сохранение среднероссийской безработицы на аномально низком уровне и сглаживание поселенческой поляризации доходов в основном за счёт снижения зарплат жителей столиц в 2018 г.), по ряду важнейших показателей занятости наша страна пока ещё не достигла докризисного уровня. Наибольшие опасения сегодня вызывает отчуждение села, выражающееся не только в аномально высоких показателях безработицы, превышающих уровень безработицы в столицах более чем в 5 раз, но и в трудовом бесправии сельчан – массовых задержках зарплат и «серых» схемах оплаты труда в условиях авторитарного местного начальства. Во-вторых, это масштаб нестабильной занятости и сохраняющиеся высокие риски безработицы среди молодёжи, особенно тех из них, кто занят простым физическим трудом. В-третьих, это рост поселенческих неравенств в распределении индивидуальных доходов внутри профессиональных групп. В столицах негативное влияние кризиса коснулось прежде всего управленцев (как следствие оптимизации расходов на управленческий аппарат); в областных и районных центрах проблемы с работой из-за кризиса наблюдались в основном у профессионалов (в силу ограниченного предложения «хороших» рабочих мест). Помимо прочего, между возможностями и характером занятости в столицах и регионах существуют фундаментальные различия, которые не вызваны кризисом напрямую. Так, в статье делается вывод о постепенном превращении региональных центров субъектов РФ в «трансфертную периферию» в силу двукратного увеличения в них с начала 2000-х гг. относительной доли экономически неактивного населения – в основном неработающих пожилых людей. Эмпирическую основу анализа составляют данные выборочной статистики, полученные из «волн» общенационального мониторингового исследования Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН за 2014–18 гг.

Ключевые слова: занятость, ситуация на работе, профессиональная структура, поселенческие неравенства, кризис, выход из кризиса

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00218) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук.

Обширные данные официальной статистики свидетельствуют, что российская экономика начинает постепенно восстанавливаться после кризиса 2014–16 гг. Однако выход из кризиса осуществляется крайне неравномерно, немаловажной причиной чего являются территориально-поселенческие различия в экономике и обществе. Исследования показывают, что в современной России сложились большие диспропорции между столицами и регионами. Эти диспропорции сохраняются и сегодня [Столицы и регионы... 2018]. Здесь мы рассмотрим, насколько глубоки различия между столицами и регионами в тех сторонах жизни их жителей, которые связаны с занятостью, а также насколько сильно различаются ситуации на работе у работающего населения столиц и регионов, «большой» и «малой» России. Ещё одной немаловажной задачей данной статьи является оценка степени гомогенности населения столиц и регионов с точки зрения отнесения их к разным типам «территориальных общностей» – ведь, как известно, рынок труда, специфика занятости и профессионально-отраслевая специализация являются ключевыми параметрами, характеризующими ту или иную территориальную общность¹. Итак, есть ли существенные различия между столицами (в частности Москвой) и регионами? И увеличиваются или сглаживаются эти различия до, во время и после кризиса? Ответам на эти вопросы и посвящена данная статья.

В качестве эмпирических массивов были использованы базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» за разные годы (2014, октябрь–ноябрь; 2015, март; 2018, апрель–май), созданные при финансовой поддержке Российского научного фонда². Выборка за указанные годы Мониторинга составляла 4000 респондентов и репрезентировала основные группы российского населения по типу поселения, уровню образования, профессии, полу, возрасту и доходу. Кроме того, в тексте статьи использованы данные Мониторинга за 2017 г. (апрель–май). Объём выборочной совокупности исследования 2017 г. составил 3000 респондентов, репрезентирующих взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше³.

¹ См., например, работы О. И. Шкаратана о социологической традиции анализа городов применительно к реалиям советской России [Шкаратан 1986].

² При дальнейшем апеллировании к этим данным в рамках данной статьи для краткости будет указываться, что речь идёт о данных Мониторинга.

³ В работе используются данные социологических исследований также и за другие годы (2003 и 2013). В каждом отдельном случае при первом упоминании данных приводится соответствующая ссылка с их кратким описанием.

Россия – страна с полной, но нестабильной занятостью

По итогам четырёх лет кризиса Россия по-прежнему характеризуется экономикой полной занятости. Несмотря на то, что в пик кризиса, который пришёлся на 2015 г., безработица в стране несколько увеличилась, охватив более 6% населения. Сегодня безработица в России, согласно данным Мониторинга, находится на низком уровне – 3,5% (см. рис. 1)¹. Это даже несколько ниже, чем в 2014 г., когда значение безработицы составляло 4,9%². В целом эти результаты подтверждаются и другими исследованиями. Более того, некоторые эксперты даже делают вывод, что безработица в пиковые годы кризиса (2015 и 2016) удерживалась на «аномально» низком уровне [Российский рынок труда... 2017].

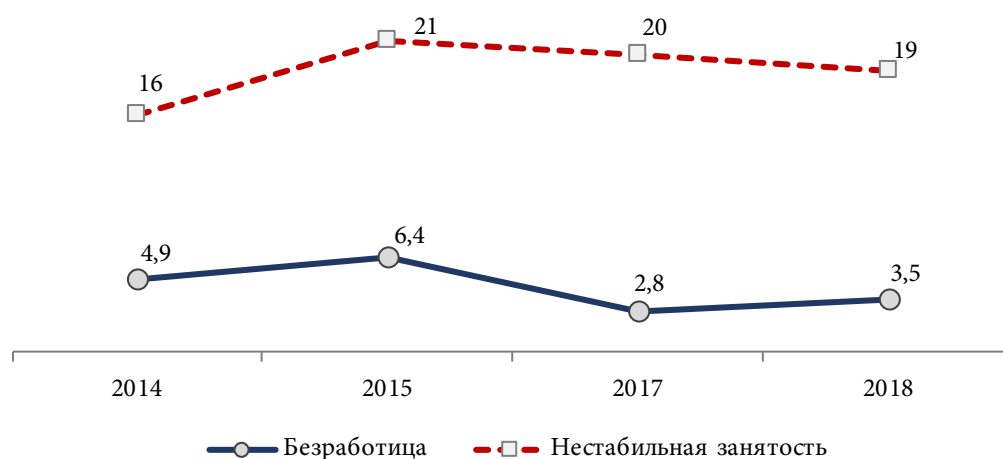

Рис. 1. Динамика безработицы и нестабильной занятости в России, 2014–18 г., %³

Главной проблемной зоной с точки зрения концентрации безработицы как в годы кризиса, так и сегодня, остаются сёла, хотя очевидна динамика смягчения ситуации и в сельской

¹ Определение безработицы, используемое в данной статье, несколько различается с тем, которого придерживается Федеральная служба государственной статистики (ФСГС) РФ и Международная организация труда (МОТ). Так, в нашем исследовании безработными считаются все экономически активные граждане страны, не имеющие места работы или учёбы, вне зависимости от того, находятся ли они в постоянном поиске работы или нет. Этот показатель значительно выше, чем уровень регистрируемой Росстатом безработицы в России (1,2% в 2015 г.) и в целом соответствует оценкам общей численности безработных (по определению МОТ) в России (5,6% в 2015 г.).

² Остальные незанятые и тогда, и сейчас характеризуют причины своей незанятости не как безработицу, а как разного рода личные и семейные причины [Двадцать пять лет... 2018].

³ Нестабильная занятость оценивалась по косвенным признакам – посредством агрегирования респондентов, получающих разовые приработки и заработки от случая к случаю, которые являются для них основным источником индивидуального дохода в условиях отсутствия зарплаты по основному месту работы. Данные по нестабильной занятости указаны в процентах от работающего населения. Здесь и далее числовые значения округлены до целых, где это возможно и оправдано целями более наглядной презентации данных.

России. Сегодня уровень безработицы в сёлах превышает её среднегородской уровень примерно в два раза, в то время как в 2015 г. это превышение характеризовалось 4-х кратным разрывом (см. рис. 2). Во многом коррекция уровня безработицы в посткризисной России в сторону её снижения обеспечивается существенным сокращением именно сельской безработицы. Москва же и Петербург, как видно из рис. 2, оказались мало затронуты ростом безработицы даже в кризис.

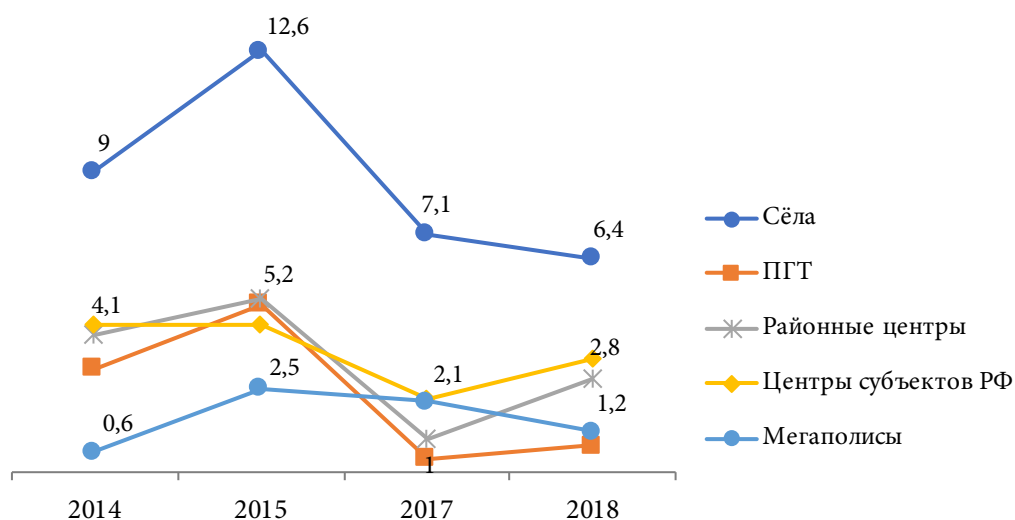

Рис. 2. Динамика безработицы в России в разных типах поселений, 2014–18 гг., %

Гораздо более тревожным, чем уровень безработицы, является высокий уровень нестабильной занятости (см. рис. 1). Именно она является главным фактором нестабильных доходов россиян, которые в среднем остаются пока ещё очень низкими. Примерно для пятой части занятого населения страны разовые приработки, заработки от случая к случаю являются основным источником индивидуального дохода в условиях отсутствия зарплаты по основному месту работы. При этом риски оказаться в ситуации длительной (более трёх месяцев) безработицы или нестабильной занятости у россиян довольно велики, и особенно у молодёжи. Так, в 2018 г. в возрасте до 30 лет почти каждый пятый россиянин (18%) оказывался в ситуации, когда он не работал и не учился более 3-х месяцев подряд — среди возрастной когорты 31–40 лет таких было 14%.

Стоит отметить, впрочем, что доля лиц с нестабильной занятостью и безработицей по мере преодоления последствий экономического кризиса постепенно снижается, хотя в разных профессиональных группах¹ динамика этого сокращения имеет свою специфику (см. рис. 3).

¹ Здесь и далее оценка профессиональной принадлежности осуществлялась на основе самоотнесения респондента к той или иной категории. Ниже в статье данные по профессиональным группам представлены в укрупнённом виде. В зависимости от целей анализа, степень этого укрупнения будет разной.

Во многом коррекция уровня безработицы в посткризисной России в сторону снижения обеспечивается существенным сокращением сельской безработицы.

Риски оказаться в ситуации длительной (более трёх месяцев) безработицы или нестабильной занятости у россиян довольно велики, и особенно у молодёжи.

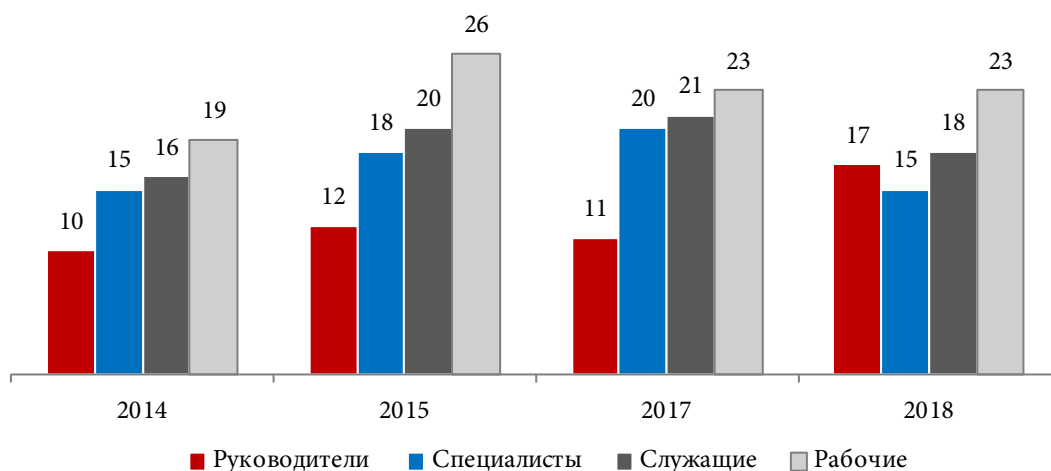

Рис. 3. Динамика нестабильной занятости в России в разрезе основных профессиональных групп, 2014–18 гг., %¹

Судя по данным рис. 3, нестабильная занятость менее всего распространена среди лиц, занятых нефизическим трудом, в то время как среди рабочих она довольно выражена, являясь сегодня нормой для четверти из них. При этом разнорабочие и рабочие низкой квалификации традиционно находятся в группе риска, и этот риск обостряется во время любых кризисных явлений в экономике. Так, в кризисный 2015 г. нестабильная занятость охватывала до 30% разнорабочих и рабочих 1–2 разрядов, вследствие чего они могли рассчитывать лишь на разовые приработки в качестве основного источника индивидуального дохода.

Рассмотрим теперь ситуацию с общими показателями занятости. Оценки экспертов позволяют предположить, что «аномально» низкая безработица в посткризисной России является отчасти следствием сдвигов в возрастной структуре населения, в результате которого все последние годы происходило снижение относительной доли лиц с высокими рисками для безработицы (прежде всего, молодёжи) [Российский рынок труда... 2017]. Обращение к микроданным позволяет увидеть признаки локализации этого процесса. Рис. 4 демонстрирует, что высокие показатели занятости на протяжении 15 лет устойчиво характеризуют лишь российские мегаполисы, и прежде всего Москву, а после кризиса 2014–16 гг. к ним присоединились также районные центры, уровень занятости в которых в 2017–18 гг. превысил докризисные показатели (76–78% по сравнению с 73–74% в 2003–14 гг.).

¹ Здесь и далее «Руководители» представлены руководителями всех уровней, предпринимателями и самозанятыми. «Специалисты» – работниками, чей труд предполагает использование высшего образования. «Служащие» включают (а) специалистов средней категории, офисных служащих и администраторов, а также (б) прочих работников нефизического труда, а именно: рядовых работников в сфере торговли и бытового обслуживания. «Рабочие» же представлены лицами, занятыми физическим трудом (куда входят разнорабочие и рабочие 1–2 разрядов, среднетренированные (3–4 разряды) и высококвалифицированные рабочие (5-й разряд и выше).

Высокие показатели занятости на протяжении 15 лет устойчиво характеризуют лишь российские мегаполисы, и прежде всего Москву, а после кризиса 2014–16 гг. к ним присоединились также районные центры, уровень занятости в которых в 2017–18 гг. превысил докризисные показатели.

Столицы и райцентры имеют очень схожую структуру неработающего населения, т. е. равные доли неработающих пенсионеров и крайне низкие показатели безработицы. В то же время есть у них и существенные различия – так, в районных центрах в составе взрослого населения почти в два раза меньше студентов, чем в столицах (5 и 9% соответственно). Обратную картину можно наблюдать в областных, краевых и республиканских центрах, в которых, по данным 2017–18 гг., показатели занятости оказались самыми низкими в стране, находясь на уровне 60–63% соответственно. Это существенно ниже, чем в столицах, районных центрах и даже сельской местности (72–76%).

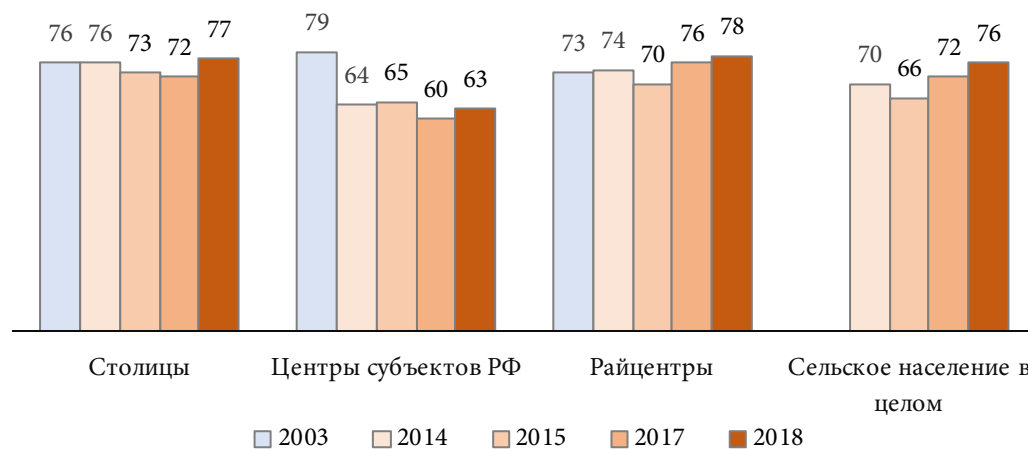

Рис. 4. Динамика доли работающего населения в разных типах поселений, 2014–18 гг., %¹

Главная причина таких диспропорций в том, что бремя стареющего населения ложится преимущественно на областные центры. И это несмотря на то, что в центрах субъектов РФ сконцентрированы, как правило, главные образовательные ресурсы регионов, что традиционно сказывалось на миграционных потоках тех масс российского населения, которые проявляли интерес к среднему специальному и высшему образованию. Так, наибольшая относительная доля студентов вузов и ссузов среди всех типов поселений приходится именно на областные, краевые и республиканские центры (15%, что более чем в 2 раза превышает общероссийский уровень и в 1,5 раза – столичный). Тем не менее, самой массовой группой неработа-

¹ Здесь и далее данные по 2003 г. представлены из всероссийского опроса горожан «Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность», проведенного Институтом комплексных социальных исследований (ИКСИ) РАН в декабре 2003 г. Выборка этого исследования включала 1752 человека. Основная часть из них (1600 человек) репрезентировала население страны в целом, а остальные респонденты относились к довыборке, обеспечивающей более полное представительство населения Москвы и Петербурга в полученном массиве. Для оценки ситуации по населению в целом использовалась репрезентативная часть выборки, для оценки ситуации в Москве и Санкт-Петербурге – подмассивы, включающие довыборку.

ющих россиян в центрах субъектов РФ остаются пенсионеры. Они составляют более половины всех неработающих жителей этого типа поселений, относительная доля которых выросла с начала 2000-х гг. с 21 до 40–37% в 2018 и 2017 гг. соответственно (см. рис. 4).

Итак, сегодня городское население в областных, краевых и республиканских центрах более чем на треть состоит из экономически неактивных граждан страны, более половины которых – неработающие пожилые люди. Эта сравнительно новая для нашей страны реальность, начавшая складываться ещё до кризиса 2014–16 гг., а именно – с середины 2000-х гг., сегодня создаёт стареющий облик крупных и средних городов России, увеличивая риски превращения их в «трансфертную периферию» в результате непомерного увеличения социальной нагрузки на региональные бюджеты, а также на социальную инфраструктуру системы здравоохранения и социального обеспечения центров субъектов Российской Федерации.

Чтобы обеспечить экономически эффективное и процветающее функционирование областных, краевых и республиканских центров, необходимо решить проблему с развитием локальных рынков труда и их диверсификации, предполагающей создание перспективных рабочих мест и соответствующей городской инфраструктуры (в том числе для развитого социального и культурного потребления), что позволило бы привлечь или удержать часть талантливой молодёжи на местах. Существуют ли ресурсы для этого у центров субъектов РФ с точки зрения характеристик их рабочих мест и ситуации на работе у жителей этих городов? Данные выборочной статистики, представленные выше, говорят о том, что такие ресурсы имеются, однако и проблемы в этой области тоже есть.

Ситуация в столицах и региональных центрах кардинально отличается от того, что сегодня происходит в российских деревнях, которые, как видно на рис. 4, также характеризуются низкими показателями занятости (24% их взрослого населения не работает). Во многом это объясняется тем, что наметившаяся в последние годы коррекция безработицы в сельской России, о которой мы говорили выше (см. рис. 2), пока не достигла докризисного уровня, вследствие чего показатели сельской безработицы остаются ещё на высоком уровне (6,4% в 2018 г.), превышающем уровень городской безработицы более чем в два раза и безработицы в столицах – более чем в 5 раз.

Главная проблема с сельской безработицей в России заключается в том, что она распространена среди молодёжи, что особенно характерно для регионов с преобладающим сельским населением, к которым относятся многие республики

Сегодня городское население в областных, краевых и республиканских центрах более чем на треть состоит из экономически неактивных граждан страны, более половины которых – неработающие пожилые люди.

Северного Кавказа и Юга России¹. Опасность сохранения такой ситуации состоит в утрате профессиональных идентичностей и, как следствие, росте примардиалистских взглядов, подпитывающих межэтническую вражду и расовую ненависть, осуждение инакомыслия и вообще любых девиаций, неизбежно влекущих за собой большие риски радикализации массового сознания². С социологической точки зрения, безработица среди молодёжи даёт подпитку так называемым неклассовым идентичностям, которые разрушают стимулы к профессиональному саморазвитию и тем самым значительно затрудняют укоренение в той или иной территориальной общности принципов эффективности и меритократизма. С другой стороны, длительная безработица наносит непоправимый ущерб человеческому капиталу индивидов, приводя не только к его обесцениванию в силу долгого неиспользования, но и к разрушению стимулов к его обновлению. А это, в свою очередь, создаёт дополнительные риски на пути к формированию новой, диверсифицированной и современной экономики.

С социально-психологической точки зрения, безработица, особенно длительная, культивирует апатичное отношение к жизни, которое при отсутствии (или существенном ограничении) институциональных возможностей профессионального и карьерного роста может активно тиражироваться и перениматься даже работающим населением. Именно такая ситуация наблюдается сегодня в российской деревне, которая, как оказалось, очень чувствительна к кризисным явлениям в экономике. Там не просто меньше людей, которые удовлетворены своими возможностями сделать карьеру (34% при среднем для России значении 38%), но, главное, заметно выше доля тех, кто считает, что карьера – это не важно (16% по сравнению с 9% в райцентрах).

Сервисная специализация городов на фоне раннеиндустриальной деревни

Ситуация с безработицей в российском селе усложняется сохраняющейся и усиливающейся в кризис раннеиндустриальной и даже «кризисной» специализацией деревни. Так, из рис. 5 видно, что профессиональный облик сельской России формируют лица, занятые физическим трудом (преимущественно разнорабочие), рядовые работники в сфере торговли и бытового обслуживания, а также работники нефизического труда средней и низкой квалификации.

¹ Источник: Социальный атлас регионов // URL: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml [Дата посещения: 24.08.2017].

² См. классическую работу американского социолога М. Кона [Kohn 1989].

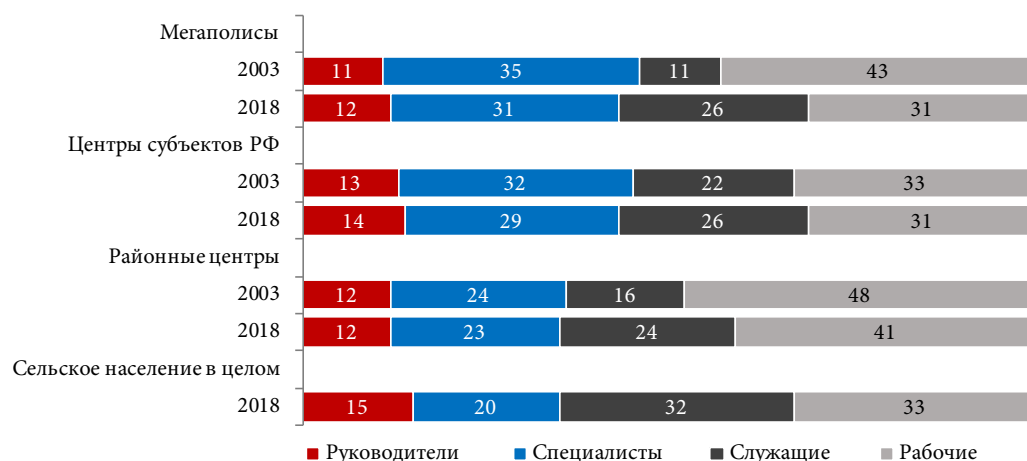

Рис. 5. Динамика профессиональной структуры работающего населения в разных типах поселений, 2003 и 2018 гг., %¹

Концентрация средне- и низкоквалифицированной рабочей силы в сельской России приводит к проблеме бесправного положения работников по отношению к местному начальству, которая значительно обостряется в кризис. Так, лишь 79-ти процентам работающих жителей сёл работодатели обеспечивают своевременную выплату заработной платы, в то время как среднероссийский показатель находится на уровне 93% (см. таблицу 1); официальное оформление на работу по письменному трудовому контракту или по приказу обеспечивается лишь для 68% жителей сёл (с средним по России – 74%), 59% – «белая» зарплата (64% соответственно), оплата отпуска и больничного листа в предусмотренном российским законодательством размерах – для 52% (62% в среднем по России), а оплата сверхурочных в случае их наличия – лишь для 29%.

Таблица 1

Динамика соблюдения трудовых прав россиян на рабочем месте во время и после кризиса, 2014–18 гг., %

Соблюдение трудовых прав	2014	2015	2016	2017	2018
Своевременная выплата з/п	92	89	91	84	93
Официально оформлены на работу	76	70	75	75	74
«Белая» зарплата	66	63	62	66	64
Оплата отпуска и больничного листа	68	60	59	62	62
Соблюдаются все эти права	56	47	49	48	48
Имеют дополнительные социальные блага	15	6	5	9	5

Более благоприятная ситуация на рабочем месте сложилась с соблюдением гарантии законных прав в трудовой сфере у жителей столиц. Так, «белая» зарплата гарантируется 86-ти процентам работающих москвичей и петербурж-

¹ Данные за 2003 г. по сельской местности отсутствуют в силу структуры выборки. См. подробно комментарий в постраничной сноске № 11.

цев, своевременная выплата заработной платы – 93%, официальное оформление на работу – 87%, а оплата отпуска и больничного листа в предусмотренном российским законодательством размере – 69%. Чем обеспечивается такой колоссальный качественный разрыв между работниками столиц и сельской России?

Прежде всего – другой моделью занятости жителей российских столиц. Фактически Москва и Санкт-Петербург, а также большая часть центров субъектов РФ являются сейчас «сервисными» городами – в них самая высокая доля занятости на позициях руководителей и специалистов, работа которых предполагает высшее образование. По данным на 2018 г., она составила порядка 43% от всех занятых в столицах (см. рис. 5), причём почти три четверти из них – это лица, зарабатывающие умственным трудом (или, в западной трактовке, профессионалы)¹. Для сравнения – в районных центрах этот показатель составляет лишь 35%. Около 26% в столицах и остальных центрах субъектов РФ – это специалисты средней категории, офисные служащие и администраторы, а также лица, занятые средне- и низкоквалифицированным нефизическим трудом, занимающие простые рабочие места в торговле и бытовом обслуживании. В совокупности доля рабочей силы, занятой нефизическим трудом, составляет в этих типах поселений более двух третей от всей рабочей силы, и 31% – это рабочие.

Примерно такая же доля рабочих проживает в сельской местности. Однако наряду с этим в сельской местности самая высокая доля лиц, занятых рутинным нефизическим трудом, – 32%, в то время как доля специалистов наименьшая, всего 20%. В совокупности получается, что в сельской России проживает сегодня 65% работников, чья повседневная деятельность не связана с умственным трудом и едва ли востребует какие-либо инвестиции в человеческий капитал, равно как и ценности (само)развития [Аникин 2018]. Фактически картина занятости в российской глубинке воспроизводит модель раннеиндустриального этапа развития, для которого характерна высокая доля рабочих и раздутый штат работников, занятых преимущественно административной работой. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что относительная доля «начальства» в структуре занятости российской деревни даже больше, чем в мегаполисах и крупных городах России – 15%. Очевидно, что сельскому начальству приходится руководить преимущественно рабочей силой

¹ Понятие «сервисного» города используется нами в широком контексте, который предполагает не только оказание базовых услуг (например, торговля и бытовое обслуживание, но и социальных – в сфере образования, медицины, государственного и муниципального управления и проч.). Занятость в таком городе обеспечивается преимущественно работниками нефизического труда.

Фактически Москва и Санкт-Петербург, а также большая часть центров субъектов РФ являются сейчас «сервисными» городами – в них самая высокая доля занятости на позициях руководителей и специалистов, работа которых предполагает высшее образование.

Фактически картина занятости в российской глубинке воспроизводит модель раннеиндустриального этапа развития, для которого характерна высокая доля рабочих и раздутый штат работников, занятых преимущественно административной работой.

средней и низкой квалификации, мотивация которой зачастую ограничивается формальным и даже авторитарным стилем, который в корне неприемлем для профессионалов. Наряду с низкими зарплатами (см. рис. 6) это создаёт дополнительные барьеры для миграции специалистов из города в деревню, усугубляя проблему дефицита профессионалов в российском селе, и одновременно повышает риски их оттока в более урбанизированные зоны.

При этом деиндустриализация, наблюдавшаяся в России с начала 1990-х гг., коснулась преимущественно мегаполисов и районных центров (хотя последних в меньшей степени). За последние 15 лет профессиональная структура столиц кардинально поменялась. При этом произошло увеличение в 2,4 раза административного аппарата, представленного работниками нефизического труда средней и низкой квалификации, а доля профессионалов даже несколько сократилась. Столицы стали сервисными городами в худшем значении этого слова. К сожалению, кризис 2014–16 гг., вынудивший профессионалов сворачивать инвестиции в свой человеческий капитал, а также сокращать занятость в четвертичном секторе [Аникин 2016; Средний класс... 2016], к сожалению, не добавляет оптимизма насчёт наметившегося тренда. Напротив, столицы стоят перед угрозой срыва успешной интеграции в мировое «пространство потоков» и, следовательно, рискуют потерять шансы стать «глобальными городами» (в терминологии М. Кастельса). Эта проблема звучит достаточно остро в свете тех колоссальных финансовых ресурсов, которые направляются последние годы на развитие инфраструктуры Москвы и Санкт-Петербурга.

Что в этой связи можно сказать о районных центрах? Если и далее рассуждать в терминах М. Кастельса, то районные центры продолжают развиваться в логике «пространства мест», поскольку именно в этом типе поселений наибольшим образом сохранился облик индустриальных городов, предполагающих преимущественно физический труд (которым заняты 41% работающих (в 2013 – 48%)). Для сравнения, на рабочих специальностях в столицах трудится не более трети населения крупных городов, включая как Москву и Санкт-Петербург, так и другие региональные центры. При этом в столицах преобладают рабочие средней квалификации, 3–4 разряда (19%), в то время как в районных центрах – в основном высококвалифицированные рабочие, от 5-го разряда и выше (21% от занятых в них). Другими словами, районные центры – это в массе своей индустриальные города, трудовой потенциал которых гипотетически может быть использован при реиндустриализации России, чего не скажешь о столицах, в которых доля лиц, занятых физическим трудом высокой квалификации, не превышает 10% от всех занятых москвичей и петербуржцев. Однако структурные риски реиндустриализации на базе трудового потенциала

Столицы стоят перед угрозой срыва успешной интеграции в мировое «пространство потоков» и, следовательно, рискуют потерять шансы стать «глобальными городами».

районных городов состоят в том, что в районных центрах до сих пор остаётся самой высокой среди городского населения России доля рабочих низкой квалификации, имеющих 1–2 разряд и без разряда (на уровне 7%). В Москве и Санкт-Петербурге доля разнорабочих относительно других категорий занятости невелика и составляет всего 4%.

Таким образом, *судя по количественным показателям структуры занятости, столицы заметно отличаются от регионов России*. Однако эти различия объясняются наличием в составе регионов, помимо крупных городов, также «малой России», поскольку различия в этой области характеризуют скорее, во-первых, все крупные города с характерной для них позднеиндустриальной экономикой сервисного характера с высокой долей представителей высоко- и среднеквалифицированного труда нефизического характера; во-вторых, индустриально ориентированные райцентры и, в-третьих, сельскую Россию с высокой долей работников низкоквалифицированного нефизического труда и руководителей, чем столицы и регионы в целом.

Что же касается динамики различий в структуре занятых между столицами и регионами, то они во многом являются продолжением тенденций последних лет. Так, начиная с 1990-х гг., в России наблюдаются процессы деиндустриализации, сопровождающиеся деквалификацией нефизического труда¹, то есть относительного сокращения доли не только работников физического труда, но и доли работников высокоинтеллектуального труда в составе рабочей силы [Шкаратан, Ястребов 2007] с параллельным наращиванием занятости работников средней и низкой квалификации [Аникин 2011]. Судя по данным нашего исследования, на протяжении последних десятилетий столицы выступали главными территориальными единицами, в которых эти тенденции реализовывались в первую очередь. Именно в результате такой локализации процесса деиндустриализации столицы (главным образом, Москва) стали городами сервисной экономики, в которых доля лиц, занятых нефизическим трудом средней и низкой квалификации, выросла практически втрое за последние 14 лет (см. рис. 5), заметно «обогнав» при этом региональные центры субъектов РФ, где соотношение служащих и рабочих осталось к весне 2018 г. примерно таким же, как в 2003 г. (22 и 26% соответственно), в отличие от столиц, где рост численности служащих произошёл именно за счёт сокращения численности рабочих. Причём этот процесс шёл в них столь активно, что доля служащих даже обогнала в столицах численность этой группы в регионах и стала превышать её

¹ Это отчасти было связано и с переходом России к модели сервисной экономики, побочным явлением чего является процесс деквалификации, описанный в международной литературе под термином «deskilling», то есть ростом занятости на позициях средне- и низкоквалифицированного труда. См. подробно [Gallie 1991].

почти в 1,5 раза, хотя в 2003 г. их соотношение было обратным (2:1). Это говорит о том, что, хотя деиндустриализация привела к сокращению разрыва между столицами и центрами субъектов Федерации, эта конвергенция может носить временный характер – столицы находятся на совершенно иной траектории развития, нежели остальные города, и эти различия в скором времени, возможно, будут усиливаться и дальше.

Столичные рынки труда сопряжены с большими жизненными шансами в трудовой сфере, причём более привилегированные позиции на рынке труда характерны для всех профессиональных групп, даже рабочих. Как минимум половина работающего населения столиц получает в 2–2,5 раза больше, чем работающие россияне из регионов при тех же средних и медианных показателях возраста и трудовых нагрузок. Такая ситуация тем более тревожна, что зарплата по основному месту работы остаётся пока доминирующим источником доходов россиян (а для большинства – и единственным). Средние и медианные значения индивидуальных доходов в регионах в два раза ниже, чем в столицах, при этом они довольно сильно различаются по разным типам поселений в регионах. Из рис. 6 видно, что кризис 2014–16 гг. существенно (если не сказать катастрофически) усугубил и без того большой масштаб поселенческих неравенств по зарплатам, который стал наблюдаться теперь во всех профессиональных группах без исключений. *При наличии значительных разрывов в зарплатах всех профессиональных групп в годы кризиса произошла поляризация медианных зарплат у жителей Москвы и Петербурга, с одной стороны, и так называемой «малой России» – с другой. Эту ситуацию удалось частично купировать лишь к весне 2018 г.*

В то же время в кризис немного выросли медианные зарплаты специалистов и других профессиональных групп в регионах, однако в 2018 г. наметились негативные тенденции в этой сфере, причём в отношении медианных зарплат специалистов, что ставит под вопрос завоевания мер перераспределительной политики, активно проводимой в России в 2013–17 гг. При этом стоит отметить, что кризис не привёл к изменению ранга профессиональных групп по уровню их медианных зарплат. На протяжении 2013–18 гг. группой с наивысшими медианными индивидуальными доходами оставались руководители, на втором месте шли специалисты, на третьем – рабочие, на последнем – служащие.

Характерная особенность докризисной ситуации состояла в том, что масштаб поселенческих неравенств по зарплатам был наименьший именно для руководителей. Более того, руководители в «малой России» могли получать даже больше, чем их коллеги из более крупных городов. Кризис не сказался негативно на зарплатах руководителей. Напротив, в период с 2013 по 2015 гг. медианные зарплаты

руководителей в двух российских столицах стремительно шагнули вверх (в 1,6 раза), в то время как зарплаты в регионах в разных профессиональных группах характеризовались скорее их выравниванием, причём в большей степени именно у тех профессиональных групп, в которых эти различия по регионам ранее были наиболее заметны (специалисты). В результате этого в 2015 г. разрыв зарплат руководителей в столицах и регионах составил 1,8 раза, хотя в 2018 г. он опять сравнялся с докризисным, составив 1,4 раза.

Таким образом, выход из кризиса сопровождается относительным сглаживанием поселенческой поляризации доходов (в основном за счёт снижения зарплат жителей столиц в 2018 г.) и одновременным ростом поселенческих неравенств в распределении индивидуальных доходов внутри профессиональных групп. Однако масштаб этих неравенств до сих пор остаётся высоким для всех профессиональных групп.

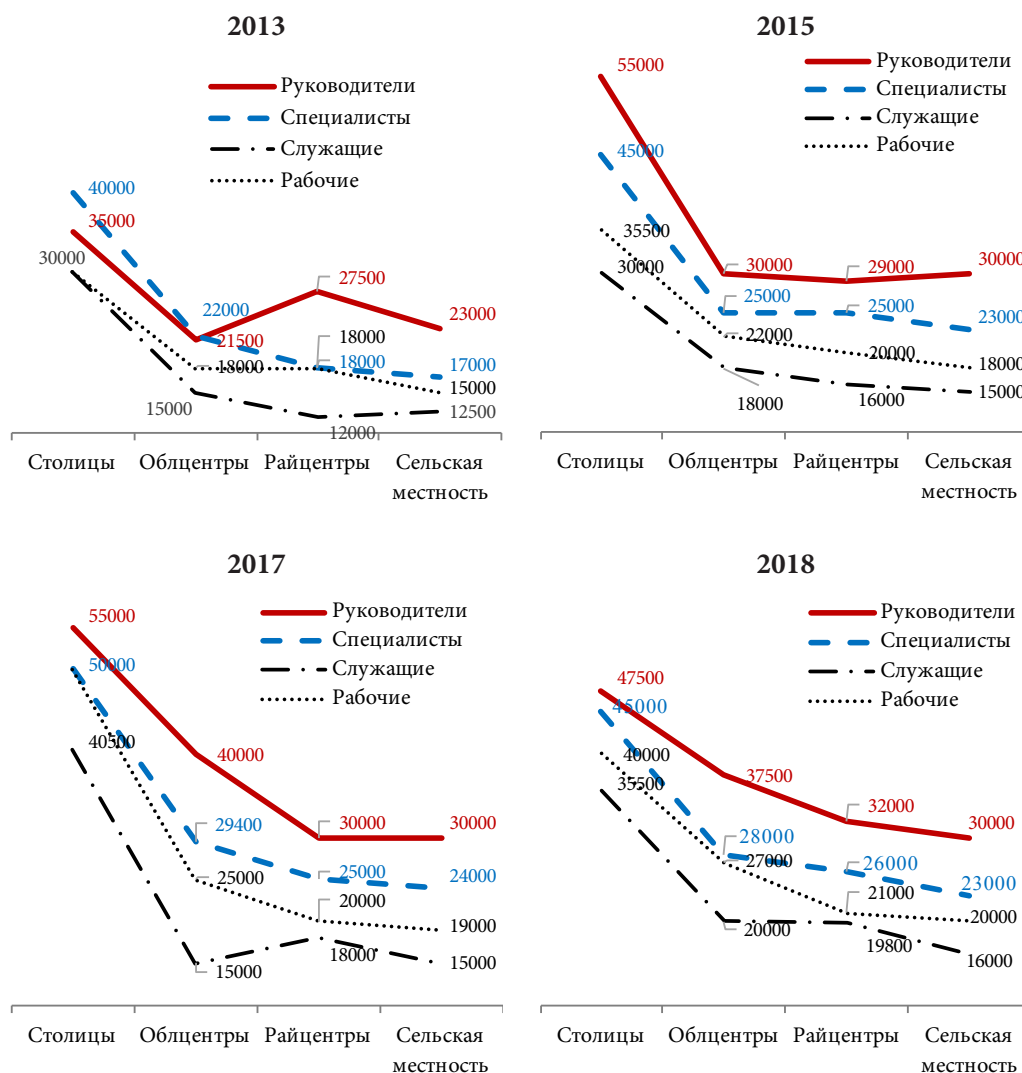

Рис. 6. Динамика масштаба поселенческих неравенств по медианным зарплатам в различных профессиональных группах, 2013–18 гг., %

Что же обеспечивает разницу в зарплатах в столицах и регионах? Несмотря на то, что этот вопрос требует отдельного эконометрического исследования, мы можем с уверенностью сказать, что разрывы в оплате труда работников не связаны с дискриминацией по возрасту, полу или результату оплаты более интенсивного труда, что находит подтверждение и в других исследованиях [Гришина и др. 2016]. Скорее всего, дело в институциональных условиях занятости [Gimpelson, Kapeliushnikov 2013], а также более высокой эффективности труда в Москве и Санкт-Петербурге.

Сложившаяся ситуация с индивидуальными доходами работников снижает градус противоречий между собственниками предприятий и наёмными работниками, прежде всего служащими, в столицах и усиливает их в центрах субъектов РФ и сёлах. Так, доля столичных служащих, отметивших, что между собственниками предприятий и наёмными работниками сегодня существуют острые противоречия, составляет всего 3%, в то время как в областных центрах их доля доходит до 25, а в сёлах и до 20%¹. Не удивительно в этих условиях, что работники областных центров статистически чаще своих коллег в столицах (27 и 24% соответственно) отмечают, что кризис болезненно сказался на ситуации у них на работе. Однако если в столицах негативное влияние кризиса в этой сфере коснулось прежде всего управленцев (71%), то в районных центрах проблемы с работой из-за кризиса возникли в основном у профессионалов, что является индикатором совершенно разных причин. Таким образом, в столицах кризис сказался в оптимизации расходов на управленческий аппарат, а в центрах субъектов РФ – на уровне доходов в силу ограниченного предложения на локальных рынках труда рабочих мест с высокой экономической безопасностью.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что в России сейчас наблюдаются признаки негативной посткризисной стабилизации. Несмотря на ряд очевидных успехов (например, в борьбе с безработицей), по ряду важнейших показателей занятости Россия пока ещё не достигла докризисного уровня. Кроме того, кризис по-разному сказался на россиянах, и все по-разному из него выходят. Наибольшие опасения сегодня вызывают масштаб нестабильной занятости, особенно среди молодёжи, сокращение медианных заработных плат в столицах и ряд других негативных явлений в сфере занятости, затрагивающих

¹ Если говорить в целом о российских тенденциях, то данный тип противоречий отмечают обычно лица, занятые физическим трудом на крупных предприятиях.

отдельные профессиональных группы. Тревожным является и падение медианных зарплат в 2017–18 гг. у такой ключевой для экономики знания категории работников, как специалисты, занятые на должностях, предполагающих высшее образование, – и это в условиях, когда публично заявляется о выполнении майских указов В. В. Путина, затрагивающих в первую очередь именно эту категорию работников. Сильно ударили последствия кризиса и по рабочим, у которых они проявились как в аномально высоких показателях нестабильной занятости, так и в росте несоблюдения их базовых трудовых прав. И хотя к 2018 г. ситуацию в этой сфере удалось скорректировать и вывести на докризисный уровень по таким ключевым аспектам социально-экономической защищённости на рабочем месте, как своевременная выплата заработной платы и официальное трудоустройство, доля работников, у которых их права нарушаются, по-прежнему превышает половину, а для рабочих и рядовых работников торговли является максимальной.

Между возможностями и характером занятости в столицах и регионах существуют фундаментальные различия, которые не связаны напрямую с кризисными явлениями в экономике, то есть не являются шоковыми по своей природе. Порой эти различия характеризуются диаметрально противоположными (и даже противоречивыми) закономерностям, а в некоторых случаях – практически незаметны. Всё это позволяет говорить о сосуществовании процессов конвергенции и дивергенции между столицами и регионами России. Конвергенция столиц и регионов затрагивает смещение профиля занятости в сторону нефизического труда, а также трудоустройство большинства городских специалистов на предприятиях с государственной собственностью, что гарантирует им относительно более стабильную занятость, определённые экономические гарантии и большую защиту их трудовых прав.

Тем не менее процессы дивергенции пока всё-таки преобладают. Они относятся прежде всего к разрывам в величине индивидуальных доходов. Однако, помимо более низких зарплат, регионы отличаются менее благоприятными условиями занятости, что в особенности характерно для рабочих, которые в значительной степени сосредоточены в райцентрах, сохраняющих, в отличие от крупных российских городов, индустриальный характер. Неблагополучна, в сравнении с крупными городами страны, и ситуация с занятостью в сельской местности. Российские сёла по-прежнему находятся в зоне повышенных рисков безработицы, не говоря уже об относительно более низком в них уровне зарплат. Таким образом, хотя между столицами и регионами в современной России достаточно много общего в сфере занятости, чтобы мы могли говорить о «единой России», а не «двух Россиях», но всё же проживание в крупных городах этой «единой России», а тем более Москве, даёт в сфере

Между возможностями и характером занятости в столицах и регионах существуют фундаментальные различия, которые не связаны напрямую с кризисными явлениями в экономике, то есть не являются шоковыми по своей природе.

занятости дополнительные возможности, являющиеся своего рода привилегией. В то же время более высокий уровень запросов к работе жителей столиц, прежде всего Москвы, приводит к их довольно скептическому отношению к этим возможностям и снижает их удовлетворённость ситуацией у себя на работе и имеющихся у них возможностей в сфере занятости.

Однако в дивергенции столиц и регионов есть и свои положительные стороны. Так, высокая доля лиц, занятых высококвалифицированным физическим трудом, в населении райцентров открывает перед «малой провинцией» перспективы быть встроенной в процесс реиндустриализации России. Относительная дешевизна рабочей силы малых городов позволяет экономить на издержках на труд при локализации производственных мощностей вторичного сектора новой экономики в районных центрах. В свою очередь, новые предприятия привлекают инвестиции в инфраструктуру малых городов, повысив уровень доходов в них и сделав их более привлекательными.

Библиографический список

Аникин В. А. 2011. Модернизационный потенциал профессиональной структуры занятого населения России // Общество и экономика. № 11–12. С. 35–64.

Аникин В. А. 2016. Кризис и национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. Т. 135. № 5. С. 203–232.

Аникин В. А. 2018. Человеческий капитал в пост-кризисной России: состояние и отдача // Journal of Institutional Studies. Т. 10. № 2. С. 90–117. DOI: [10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117)

Гришина Е. Е., Денисова И. А., Дормидонтова Ю. А., Казакова Ю. М., Ляшок В. Ю. 2016. Анализ причин и факторов неравенства заработных плат в России. М.: РАНХиГС. 176 с. doi:10.2139/ssrn.2760347

Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. 2018 / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир. 384 с.

Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. 2017 / Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой, С. Ю. Роцина. М.: Центр стратегических разработок. 148 с.

Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2016. 304 с.

Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. 2018 / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир. 312 с.

Шкаратан О. И. 1986. Городская территориальная общность и ее воспроизводство // Этносоциальные проблемы города / Под ред. О. И. Шкаратана. М.: Наука. С. 12–33.

Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. 2007. Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России: Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г. Препринт WP7/2007/02. Серия WP7 (Теория и практика общественного выбора). М.: ГУ ВШЭ.

Gallie D. 1991. Patterns of skill change: upskilling, deskilling or the polarization of skills? // *Work, Employment & Society*. Т. 5. № 3. С. 319–351.

Gimpelson V., Kapeliushnikov R. 2013. Labor Market Adjustment: is Russia Different? // *The Oxford handbook of the Russian economy* / Ed. Alexeev M., Weber S. Oxford: Oxford University Press. P. 693–724.

Kohn M. 1989. *Class and conformity: A study in values*. Chicago: University of Chicago Press. 476 p.

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.537

Employment in Post-Crisis Russia: The Role of Settlement Inequalities

Vasiliy Aleksandrovich Anikin

Candidate of Economical Sciences, Ph. D. in Sociology (University of Essex), Associate Professor, Senior Research Fellow, National Research University Higher School of Economics; Senior Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. E-mail: vanikin@hse.ru

Abstract. This article¹ examines shifts when it comes to employment among Russians during the financial-economic crisis years of 2014–2016, as well as during the years 2017–2018, which Russian scientists have already named the “period of negative post-crisis stabilization”. This article for the most part confirms said thesis. Despite obvious success in certain aspects (for example, unemployment around Russia has been kept at an unusually low level, while the wage gap between various regions has somewhat smoothed out in 2018 due to a decrease in income among those who live in the capital cities), several critical employment indicators show that our country has not yet recovered from the crisis. Alienation of villages is what’s the most disturbing circumstance, manifesting in the form of not only unusually high unemployment rates (over five times higher than that of the capital cities), but also villagers having to deal with injustice when it comes to their labor – delayed payment en masse, “grey” salaries and authoritarian local management. There’s also the matter of large-scale employment instability, and the enduring high risk of unemployment among younger people, especially those who perform simple physical labor. Yet another indicator would be an increase in settlement inequalities when it comes to distributing individual income within professional groups. When it comes to the capital cities, mainly managers have been negatively

¹ The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 14-28-00218) at Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

affected by the crisis (as a result of optimizing funding for administrations); as for regional and district center cities, mostly professionals are facing trouble due to the crisis (since there is a limited amount of “worthwhile” job offers out there). Additionally there are certain fundamental differences in types of employment and job opportunities between the capital cities and the regions, with said differences not necessarily being a consequence of the crisis itself. For example, this article concludes that a gradual transformation of Russian regional center cities into a “transfer periphery” is occurring, due to the fact that, since the early 2000’s, the amount of economically inactive people (mostly unemployed elderly folk) within them has increased twofold. The empirical basis for this study consists of sample statistics data, collected from “waves” of a national monitoring study conducted in 2014–2018 by the Federal Center for Sociological Research of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: employment, work situation, occupational structure, residential inequalities, crisis, economy recovery, Russia.

References

Anikin V. A. Chelovecheskiy kapital v post-krizisnoy Rossii: sostoyaniye i otдача [Human Capital in Post-Crisis Russia: Status and Impact]. *Journal of Institutional Studies*, 2018, vol. 10, no 2, pp. 90–117. DOI: [10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117)

Anikin V. A. Crisis and Russian National Identity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change*, 2016, vol. 135, no 5, pp. 203–232.

Anikin V. A. The modernization potential of the professional structure of the employed population of Russia. *Society and Economy*, 2011, no 11–12, pp. 35–64.

Dvadsat’ pyat’ let sotsial’nykh transformatsiy v otsenkakh i suzheniyakh rossiyan: opyt sotsiologicheskogo analiza [Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: evidence from the sociological analysis]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moscow, Ves’ Mir, 2018. 384 p.

Gallie D. Patterns of skill change: upskilling, deskilling or the polarization of skills? *Work, Employment & Society*, 1991, Vol. 5, no 3, pp. 319–351.

Grishina E. E. and oth. Analiz prichin i faktorov neravenstva zarabotnykh plat v Rossii [Analysis of the causes and factors of wage inequality in Russia]. Moscow, RANEPА publ., 2016. 176 p. doi:10.2139/ssrn.2760347

Kohn M. *Class and conformity: A study in values*. Chicago, University of Chicago Press, 1989. 476 p.

Rossiyskiy rynek truda: tendentsii, instituty, strukturnyye izmeneniya [The Russian labor market: trends, institutions, structural changes]. Ed. by V. E. Gimpel’son, R. I. Kapeliushnikov, S. Yu. Roshchin. Moscow, CSR, 2017. 148 p.

Shkaratan O. I. Gorodskaya territorial’naya obshchnost’ i eyo vosproizvodstvo [Urban territorial community and its reproduction. Ethnosocial problems of the city]. *Etnosotsial’nyye problemy goroda*. Ed. by O. I. Shkaratan. Moscow, Nauka, 1986, pp. 12–33.

Shkaratan O. I., Yastrebov G. A. Sotsial’no-professional’naya struktura i eyo vosproizvodstvo v sovremennoy Rossii: predvaritel’nyye itogi predstavitel’nogo oprosa ekonomicheskii aktivnogo naseleniya Rossii 2006 g. [Occupational structure and its reproduction in contemporary Russia: preliminary results of a representative 2006 survey of the economically active population of Russia]. Preprint WP7/2007/02. Seriya WP7 (Teoriya i praktika obshchestvennogo vybora). Moscow, SU HSE publ., 2007.

Sredniy klass v sovremennoy Rossii. Opyt mnogoletnikh issledovaniy [The Middle class in contemporary Russia. Evidence from longitudinal studies]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves’ Mir, 2016. 304 p.

Stolitsy i regiony v sovremennoy Rossii: mify i real’nost’ piatnadtsat’ let spustia [Capitals and regions in contemporary Russia: myths and reality fifteen years later]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves’ Mir, 2018. 312 p.

Т е м а н о м е р а Немонетарные неравенства в жизни россиян

Пространство проблем россиян и зоны риска для социальной стабильности

Лежнина Юлия Павловна –
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник, доцент,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», старший научный
сотрудник Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: lezhnina@list.ru

Пространство проблем россиян и зоны риска для социальной стабильности

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.538

Аннотация. На данных репрезентативных мониторинговых общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН 2014–18 гг. приводится анализ¹ основных проблем, с которыми сталкивается российское население, и их динамики. Показано, что в посткризисный период не происходит положительных перемен в материальном положении населения, а к его финансовым проблемам добавляются депривации, связанные со здоровьем и сферой здравоохранения. Практики улучшения материального положения у россиян уже наработаны, хотя и не имеют долгосрочной ориентации, а проблемы в вопросах здоровья и его охраны – реальность, которую они только начинают осознавать. Продемонстрировано, что на этом фоне формируются определённые «зоны риска» для социальной стабильности, обусловленные как неспособностью отдельных групп россиян ответить на вызовы общероссийских кризисных явлений, так и нерешённостью локальных институциональных проблем. В них одновременно концентрируются ситуация низкого материального благополучия и социально-психологического напряжения. При этом в посткризисные годы происходит стабилизация «зоны риска», что ещё больше обостряет потребность у её представителей в государственной поддержке. Основой кристаллизации «зоны риска» выступают структурные позиции неквалифицированных работников, легко заменимых либо другими сотрудниками, либо автоматизацией производственных процессов, что позволяет впоследствии считать именно эти категории основой формирования структурных позиций «родовой рабочей силы» [Кастельс 2000] в России. Также в зоне особенного риска оказывается пожилое население. Территориальные модели формирования «зон риска» и «зон стабильности» (россияне без материальных проблем и не имеющие необходимости улучшать своё материальное положение тем или иным способом) как противоположности носят дифференцированный характер, включая поляризацию населения по этим группам, интенсификацию формирования полюсов, разрастание «промежуточной зоны» и др. Особенно тревожной видится ситуация в Нижегородской области и Приморском крае.

Ключевые слова: социальная напряжённость, социальные проблемы, социальная политика, территориальная неоднородность, уровень жизни

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00218) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук.

Социальная стабильность в обществе в значительной степени определяется положением населения на микроуровне: наличием и остротой тех или иных проблем и доступом к ресурсам для их решения, отношением к государству и его позиции по нормализации жизненных ситуаций граждан. При этом, хотя индивидуальные ситуации в заметной степени зависят от общей обстановки на макроуровне [Осенний кризис... 1998; Российская повседневность... 2009], на пространстве России они традиционно очень дифференцированы. В этой связи особую значимость для социальной политики имеет отслеживание «очагов беспокойства», которые могут стать точками локализации социального напряжения. Актуальность этого вопроса возрастает в кризисные моменты, когда ресурсы населения становятся крайне ограниченными и быстро истощаются. Однако для социальной политики не менее сложными являются и посткризисные периоды, т. к. ожидания от государства в это время возрастают, и от властей требуется пристальное внимание к социальным проблемам населения. Так в каком же «проблемном» контексте и с какими локальными рисками начинается новый президентский срок В. В. Путина?

К 2018 г. общественная реакция на экономический кризис 2014–15 гг. уже перестала быть острой и явной. Россияне отчасти адаптировались, отчасти смирились с его результатами. Однако это не означает, что все последствия данного периода были осознаны¹, а ресурсный потенциал общества приведён в состояние равновесия. Более того, видимое спокойствие тем и опасно, что реакция на последующие вызовы и шоки в силу «усталости материала» непредсказуема.

Как показывают результаты мониторинговых замеров², основное беспокойство населения в кризисный и посткризисный периоды вызывало изменение материального положения. В целом доля населения, которое считало, что живёт нормально и не сталкивалось с серьёзными проблемами и во время кризиса, и после него, сокращалась: если в 2014 г. она составляла 26%, то в 2015 – уже 20%, а к 2018 г. снизилась до 17%. Эта динамика вызвана в первую очередь ростом доли отмечающих наличие у себя материальных проблем: с 24% в 2014 г. этот показатель вырос в 2015 г. до 36% и 40 – в 2018 г. (см. рис. 1).

¹ Подробнее о протекании социально-экономических процессов в этот период см. серию книг, подготовленных по результатам мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», созданных при финансовой поддержке РФФ, начиная с [Российское общество... 2015].

² Здесь и далее в статье, если не оговорено иное, использованы базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (8-я волна, проведённая в апреле 2018 г.). Выборка составляла 4000 респондентов, репрезентирующих взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше по основным социально-демографическим показателям. Подробнее о выборке этого исследования см. [Российское общество... 2015].

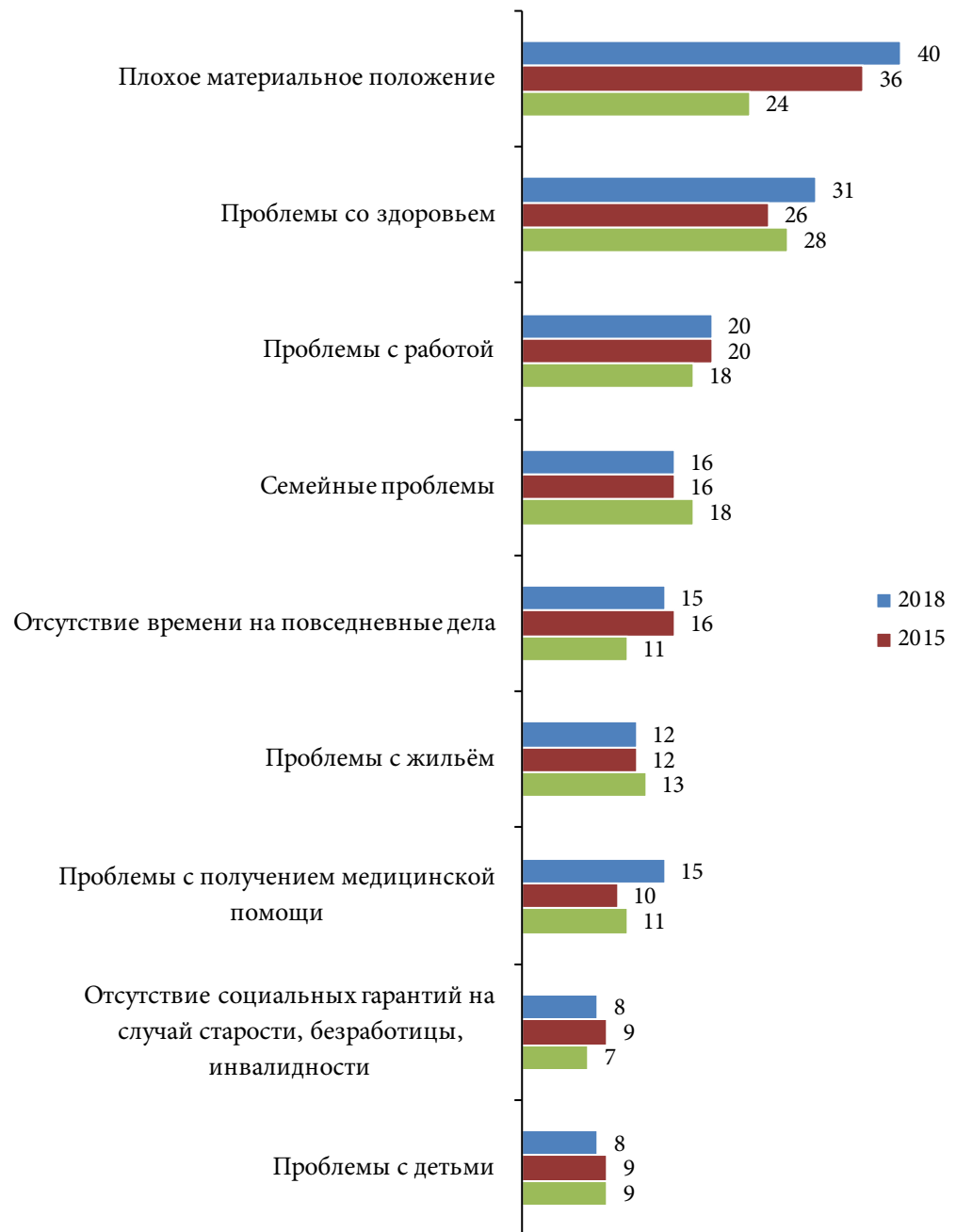

Рис. 1. Основные проблемы, волнующие россиян в их личной жизни, 2014–18 гг., ФНИСЦ РАН, % (допускалось до 3-х ответов)¹

Следующими по распространённости в 2018 г., как в 2014 и 2015 гг., являются проблемы со здоровьем. При этом данный показатель за последние три года заметно увеличился на общем фоне, как и доля тех, кто говорит о проблемах с получением необходимой медицинской помощи (увеличение с 10–11% в 2014–15 гг. до 15% в 2018 г.). Таким образом,

¹ Помимо обозначенных на рисунке, фиксировались такие проблемы, как невозможность общения с друзьями и/или родственниками, плохое питание, одиночество, вредные привычки у кого-то из членов семьи, отсутствие внимания со стороны других, незащищённость от насилия, проблемы с одеждой и обувью, с изменением общественного положения, с возможностью получения необходимого образования; однако эти проблемы отмечали не более 5% респондентов в указанные годы. Здесь и далее данные 2014 г. приведены согласно исследованию ИС РАН «Средний класс в современной России: 10 лет спустя», подробнее см.: [Средний класс... 2014].

кризисный и посткризисный периоды в оценках населения связаны с истощением не только финансовых ресурсов, но и ухудшением состояния здоровья.

Недаром, оценивая динамику в различных сферах жизни за последние пять лет (см. таблицу 1), наиболее негативно россияне видят ситуацию, связанную с уровнем жизни и проблемами в сфере здравоохранения (наряду с изменением международного положения страны, что связано с чередой экономических процессов, инициированных ситуацией санкций со стороны западных стран и российских антисанкций).

Таблица 1

Оценка изменения положения дел в различных сферах жизни за последние пять лет, 2018 г., ФНИСЦ РАН, %

Сферы	Улучшилось	Не изменилось	Ухудшилось
Международное положение страны	18,9	31,6	49,5
Уровень жизни населения	14,8	36,4	48,8
Здравоохранение	10,5	42,4	47,1
Моральное состояние общества	14,2	45,0	40,8
Возможность зарабатывать	16,4	47,0	36,7
Социальная справедливость	8,9	56,3	34,8
Состояние экономики страны в целом	26,0	39,6	34,4
Пенсионное обеспечение	14,2	53,6	32,2
Жилищная ситуация	15,4	53,6	31,0
Высшее образование	14,2	59,1	26,7
Борьба с коррупцией, законность и правопорядок	22,8	50,6	26,6
Среднее образование	15,0	59,8	25,2
Уровень межнациональной напряжённости	16,2	60,3	23,5
Ситуация в области прав и свобод, развитие демократии	15,5	63,5	21,1
Дошкольные детские учреждения	29,2	54,2	16,6
Борьба с терроризмом	47,4	40,9	11,8

Также более трети россиян говорят об ухудшении состояния экономики страны в целом (34%) и возможности зарабатывать (37%), а также в социальной справедливости (35%) и моральном состоянии общества (41%). Вкупе эти показатели являются индикатором того, что вопросы экономического благополучия и справедливости неравенств не просто в очередной раз становятся болезненными для населения, но образуют потенциально опасную точку «общественного беспокойства». При этом оценки динамики уровня жизни населения более чем в половине случаев (56–63%) у отдельных людей совпадают с оценкой изменений в российской экономике в целом.

Кризисный и посткризисный периоды в оценках населения связаны с истощением не только финансовых ресурсов, но и с ухудшением состояния здоровья.

Следовательно, хотя низкий уровень благосостояния россияне и объясняют общей ситуацией в стране, ухудшение этой динамики, а также ситуации с социальной справедливостью способны стать триггером негативных социальных реакций.

За годы трансформаций и экономической нестабильности россияне уже накопили определённый багаж практик по улучшению собственного материального положения, используемых ими постоянно. Около четверти (23%) россиян традиционно (см. таблицу 2) выращивают некоторые сельхозпродукты для собственного потребления, 43% населения интенсифицируют свою занятость (подрабатывают, работают сверхурочно или по совместительству), 17% прибегают к таким иждивенческим практикам, как заём денег и помощь со стороны родственников, друзей, знакомых. В целом же активные практики, в первую очередь опосредованные через рынок труда, составляют основу деятельности россиян в вопросе улучшения собственного материального положения.

Таблица 2

Практики улучшения материального положения, используемые россиянами, 2009–15 гг., % (допускалось 3 варианта ответов)¹

Практики	2009	2014	2015	2018
Обеспечивают себя сами некоторыми продуктами питания	27	20	26	23
Используют любую возможность разовых и временных приработков	27	24	23	26
Работают сверхурочно или по совместительству на основном месте работы	18	22	17	16
Получают помощь со стороны родственников, друзей, знакомых	6	11	10	10
Вынуждены занимать деньги	8	7	9	9
Работают по совместительству в нескольких местах на постоянной основе	13	12	7	10
Торгуют выращенными продуктами	9	5	6	4
Сдают в наём жилье, гараж, дачу, автомобиль, используют проценты от сбережений	2	3	3	3
Распродают кое-что из имущества	1	2	2	1
Переквалифицируются для смены работы	3	3	2	3
Готовятся уехать за рубеж	0	0	0	1
Ничего не предпринимают, так как в этом нет необходимости	13	16	15	17
Ничего не предпринимают, так как ничего не могут сделать для улучшения своего положения	22	21	21	20

¹ Данные 2009 г. приведены согласно исследованию ИС РАН «Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов», подробнее см. [Российская повседневность... 2009].

Хотя низкий уровень благосостояния россияне и объясняют общей ситуацией в стране, ухудшение этой динамики, а также ситуации с социальной справедливостью способны стать триггером негативных социальных реакций.

Стоит отметить, что 20% населения ничего не предпринимают для улучшения своего материального положения, т. к. ничего не могут для этого сделать, и только 17% не нуждаются в таких действиях.

Таким образом, *основной проблемой, которая беспокоит население страны, является ухудшение экономического благополучия, которому сопутствуют депривации, связанные со здоровьем и системой здравоохранения.* И если со снижением уровня жизни россиянам время от времени приходилось сталкиваться за последние 30 лет и некоторые практики реакции на него уже наработаны, то турбулентность в вопросах здоровья и его охраны – реальность, которую они только начинают осознавать, а соответственно пока и не имеют опыта ответных действий на неё.

Реже с материальными проблемами сталкиваются жители мегаполисов (33%, в то время как для остальных населённых пунктов этот показатель равен 39–42%). Крупные города предоставляют наилучшие возможности для обеспечения относительно высокого уровня жизни в первую очередь за счёт развитости своих рынков труда и возможностей занятости на них. Также в число россиян с наименьшими финансовыми сложностями попадают лица предпенсионного возраста, 51–60 лет (35% при 39–42% для остальных возрастных групп), когда накопленные финансовые ресурсы достигают максимума. Часте экономические трудности распространены в среде работников нефизического труда (45%) и рабочих с разрядом ниже пятого (51%), что свидетельствует об их относительно депривированном положении на рынке труда. При этом для последних наличие этого типа проблем становится скорее правилом, чем исключением.

Проблемы со здоровьем у россиян, как и у людей во всём мире, чаще возникают с возрастом. Для молодёжи до 30 лет соответствующий показатель равен 16%, для 41–50 летних он превышает четверть (27%), в 51–60 лет – уже выше трети (40%), а после 60 лет становится «нормой» (60%). Состояние здоровья населения сегодня не является результатом проблем последних лет, но настораживает то, что при наличии проблем со здоровьем люди ещё сталкиваются и со сложностями получения необходимой медицинской помощи, их доля достигает 22%. Однако этот показатель относительно низок в силу того, что уже привычной стала практика решения проблем со здоровьем посредством платных услуг: ими пользовались 59% столкнувшихся с соответствующими обстоятельствами. При ухудшении материального положения возрастают ограничения в решении медицинских проблем через коммерческие услуги. Более половины (59%) прибегших к платным социальным услугам за последние три года перед опросом были вынуждены это сделать в связи с отсутствием или недоступностью их бесплатных аналогов.

Россияне уже накопили определённый багаж практик по улучшению собственного материального положения, используемых ими постоянно. 20% населения ничего не предпринимают для улучшения своего материального положения, т. к. ничего не могут для этого сделать, и только 17% не нуждаются в таких действиях.

Более половины (59%) прибегших к платным социальным услугам за последние три года перед опросом были вынуждены это сделать в связи с отсутствием или недоступностью их бесплатных аналогов.

Стоит отметить, что плохое материальное положение зачастую становится причиной неблагоприятного психологического состояния населения. Респонденты этого проблемного круга своими повседневными эмоциями называют тревожность (29%) или раздражительность, озлобленность и даже агрессивность (12%). Вкупе с апатией, которая свойственна 15% россиян с плохим материальным положением, их доминирующим состоянием становится негативное мироощущение (56%). И даже те, кто испытывают проблемы с жильём, сталкивались с таким спектром эмоций несколько реже (см. таблицу 3). Таким образом, именно обострение проблем материальной обеспеченности населения, формируя определённые «зоны риска» для социальной стабильности в стране, может становиться триггером для общественных волнений.

Таблица 3

Повседневное эмоционально-психологическое состояние, преобладающее у населения страны, в оценках россиян с разными типами проблем, 2018 г., ФНИСЦ РАН, %¹

Проблемы	Состояние					
	Своё			Своего окружения		
	Апатия	Тревожность	Раздраженность, озлобленность или агрессивность	Апатия	Тревожность	Раздраженность, озлобленность или агрессивность
Плохое материальное положение	15	29	12	21	27	21
Проблемы со здоровьем	14	27	6	17	25	18
Семейные проблемы	15	22	9	22	19	19
Отсутствие времени на повседневные дела	9	17	6	15	20	15
Проблемы с жильём	14	27	11	19	27	19
Проблемы с получением медицинской помощи	12	27	6	20	20	20
Отсутствие социальных гарантий на случай старости, инвалидности, безработицы	11	27	7	21	26	20
Проблемы с детьми	18	24	4	20	18	21
Нет серьёзных проблем	6	5	3	15	10	9

¹ В таблице представлены только отрицательные состояния, но в рамках исследования учитывались и другие настроения: эмоциональная приподнятость; спокойствие, уравновешенность; безразличие, апатия. В число представленных проблем входят только те, с которыми сталкивались не менее 5% россиян.

В этой связи особенно важно понимать, где, наряду с проблемами, локализуется негативный социально-психологический настрой населения. Так, 13% населения не только сталкиваются с проблемами экономического характера (ощущают ухудшение материального положения за последний год, плохо его оценивают и/или сталкиваются с блоком проблем из числа материальных трудностей, включая проблемы с жильём, питанием, одеждой и обувью), но и не видят возможностей их решить. Эту группу, оказывающуюся в итоге в состоянии фрустрации, условно можно назвать «зоной риска»¹. В кризисный 2015 г. её численность составляла 15%, а значит наличие и размер этой группы уже вошли в свою «хроническую фазу». Обратный полюс, своеобразная «зона стабильности»², по численности незначительно, но превышает «зону риска» – 17%, хотя в 2015 г. соотношение этих групп было обратным (15 и 12% соответственно).

Представители «зоны риска» заметно более пессимистично оценивают изменение положения дел в различных сферах жизни российского общества за последние пять лет по сравнению с представителями «зоны стабильности» и остальным населением. Они в 3–9 раз чаще дают негативную оценку динамики в разных сферах жизни, в том числе в отношении уровня жизни населения (63 и 7% соответственно), социальной справедливости (44 и 5%), возможностей зарабатывать (49 и 9%), состояния экономики страны в целом (45 и 14%), а также морального состояния общества (48 и 9% соответственно). Стоит заметить, что для представителей «зоны стабильности» показатели положительной и отрицательной оценки в этих сферах не только сопоставимы, но и порой имеют обратное соотношение по сравнению с «зоной риска». Так, ситуация в экономике в целом, по их мнению, скорее улучшилась (39%), чем ухудшилась (23%), как и возможность зарабатывать (28 и 21% соответственно). В оценках же динамики в таких сферах, как уровень жизни населения (32 и 25%), социальная справедливость (24 и 17%), а также моральное состояние общества (28 и 21%) доминируют негативные оценки, но они превышают позитивные менее чем в 1,5 раза.

Россияне, которые при наличии материальных проблем разного характера не видят возможностей их решать, не просто испытывают негативные эмоции чаще остальных,

¹ К «зоне риска» отнесены респонденты, которые, во-первых, так или иначе сталкиваются с плохим материальным положением или его ухудшением, а именно: говорят, что их материальное положение за последний год ухудшилось и/или дают ему оценку «Плохо», сталкивались за последний год с проблемами с жильём и/или питанием, одеждой и обувью; во-вторых, отмечают, что ничего не предпринимают для улучшения своего материального положения, т. к. ничего не могут изменить.

² К «зоне стабильности» отнесены респонденты, которые, во-первых, не сталкивались за последний год с такими проблемами, как плохое материальное положение и/или проблемы с жильём, питанием, одеждой и обувью; во-вторых, говорят, что ничего не делают для улучшения своего материального положения, т. к. в этом нет необходимости.

они ещё и перестают доверять окружающему миру, в том числе институтам власти и государственного регулирования. В этом вопросе на общем фоне скорее отличаются представители «зоны стабильности», которые заметно лояльнее относятся к президенту, правительству, руководителю региона. Для них доверие этим институтам даже становится нормой, которой придерживаются более половины группы (см. таблицу 4). Для представителей «зоны риска», как и для остальных россиян, доверием пользуется только президент, хотя и в заметно меньшей степени по сравнению с «зоной стабильности». Более того, большинство представителей этой группы не доверяют местным властям (53%), Государственной думе (54%), политическим партиям (64%), а также полиции и органам внутренних дел (51%). Остальное население разделяет подобную степень недоверия только по отношению к политическим партиям (58%). Таким образом, в целом критично настроенные, даже по отношению к наиболее легитимным институтам власти, представители «зон риска» при усугублении ситуации действительно способны стать точкой локализации социального напряжения и протестных настроений. Стоит отметить, что для «зоны риска» отношение к органам власти практически сложилось – на протяжении последних трёх лет оно достаточно постоянно. При этом для «зоны стабильности» произошли некоторые изменения: у её представителей выросло доверие региональным и местным властям (см. таблицу 4), что отчасти может быть связано со сменой персонала на постах.

Таблица 4

**Уровень доверия россиян
к государственным и общественным институтам,
2015/2018 г., ФНИСЦ РАН, %¹**

	«Зона риска»		«Зона стабильности»		Остальное население	Население в целом
	2015	2018	2015	2018	2018	2018
Президенту России	65	64	85	83	67	69
Правительству России	39	37	66	58	36	39
Руководителю республики, губернатору области, края	26	32	26	55	36	39
Органам местного самоуправления	25	25	28	45	27	30
Государственной думе России	21	24	41	40	24	27
Совету Федерации	25	29	42	44	27	30
Политическим партиям	12	16	20	24	15	17
Полиции, органам внутренних дел	24	29	41	49	31	34

¹ В таблице представлены только ответы «доверяю», но также допускались ответы «не доверяю» и «затрудняюсь ответить».

Пока же обстановка относительно благополучна, т. к. по сравнению с 2015 г. оценка ситуации в стране в целом представителями «зоны риска», как и остальными группами населения, заметно улучшилась: доля тех, кто говорит о ней как о нормальной и спокойной, выросла с 12 до 25%, а как о катастрофической – снизилась с 19 до 8%¹, но доминирующей для них является оценка ситуации как напряжённой, кризисной (67% при 38 – для «зоны стабильности» и 51 – для остального населения). Региональная ситуация кажется представителям «зоны риска» более благополучной (43% оценили её как нормальную, спокойную), хотя доминируют (51%) всё же оценки её как кризисной. Эти настроения размываются только при оценке ситуации на уровне муниципальных образований, но и здесь у представителей «зоны риска» доля тех, кто позитивно на неё смотрит (49%), ниже, чем доля тех, кто отзывается о ней как о напряжённой или катастрофической (51% в совокупности).

Отмечая, в каких социальных группах происходит кристаллизация зон «риска» и «стабильности», стоит обозначить, что на этот процесс работает целый ряд факторов. На вероятность попадания в «зону риска» в первую очередь влияют доходы. Для тех, чьи семейные доходы не выше 0,75 медианы, вероятность составляет 17%. В то же время для тех, у кого доходы составляют от 1,25 до 2-х медиан, этот показатель равен лишь 9%, а для россиян с доходами, превышающими медианные в два раза и более, – уже только 3%. При этом в «зону стабильности» попадает треть (34%) населения с доходами свыше 2-х медиан и почти четверть (22%) с доходами в размере 1,25–2 медианы странового дохода на члена семьи (для менее доходных групп этот показатель составил 7–13%).

Логично, что в этих условиях наличие иждивенцев, особенно инвалидов 1 и 2-ой групп и неработающих пенсионеров, т. е. тех, кто потерял реальную трудоспособность не только в отношении позиций на рынке труда, но и в части домашней занятости, также увеличивает вероятность попадания в «зону риска» и повышенной социальной тревожности (см. таблицу 5).

Относительно высока вероятность попадания в «зону риска» у неработающих граждан (22%), и в первую очередь неработающих пенсионеров (29%). При этом для пенсионеров «зоны риска» чувство тревоги становится наиболее распространённым социально-психологическим состоянием, с ним живёт почти половина этой группы (32% для пенсионеров в целом и 20% для населения в целом). В 2015 г. тревожность была типовым (55%) состоянием представителей этой группы,

¹ Доля оценок «напряжённая, кризисная» практически не изменилась (69 и 67% соответственно).

Относительно высока вероятность попадания в «зону риска» у неработающих граждан (22%), и в первую очередь неработающих пенсионеров (29%).

однако за последние три года ситуация несколько улучшилась. Тем не менее, локальное изменение ситуации пенсионеров из «зоны риска», в том числе в сферах смежных с финансовой (тарифы ЖКХ, рост цен на отдельные товары и т. д.), способно стать «спусковым крючком» для всплесков социальной активности в их среде. При этом наиболее тревожной, как было показано выше, видится ситуация с состоянием здоровья и доступностью медицинских услуг.

Таблица 5

Влияние иждивенческой нагрузки на попадание в «зону риска» и «зону стабильности», 2018 г., ФНИСЦ РАН, %

Тип иждивенческой нагрузки	Зона риска	Зона стабильности	Остальное население
Безработные	11	8	81
Инвалиды 1 и 2 групп	17	11	72
Хронически больные с ограниченной трудоспособностью без инвалидности 1 и 2 групп	7	0	93
Неработающие пенсионеры	22	14	64
Неработающие студенты	7	21	72
Несовершеннолетние дети	11	15	74
Таких членов семьи нет	10	21	69

Для работающего населения повышенную вероятность оказаться в «зоне риска» имеют рабочие с низкой квалификацией (ниже 5 разряда) или её отсутствием (14% при 4–11% для остальных профессиональных групп). При этом ещё три года назад в зону риска активно попадали рядовые работники торговли или сферы бытовых услуг (16% при 4–13% для остальных). Таким образом, в кризис под ударом в первую очередь оказывались те, кто был легко заменим на рынке труда – для выполнения их работы не нужны профессиональные знания на уровне высшего образования, финансовые вложения (как, например, для «самозанятых» или предпринимателей), хорошая физическая форма, как для рабочих, и т. д. В 2015 г. можно было предположить¹, что в перспективе именно эта социальная группа станет в России ядром формирования так называемой «родовой рабочей силы» в терминологии М. Кастельса [Кастельс 2000]. Сейчас же, на волне дискуссий об автоматизации и информатизации производственных процессов, нужно добавить, что под ударом могут оказаться и неквалифицированные работники физического труда.

В число ключевых факторов, определяющих возможность попадания в «зону риска», также входит возраст. Молодёжь 18–30 лет чаще остальных попадает в состав пред-

¹ Мы писали об этом в [Российское общество... 2016].

ставителей «зоны стабильности» (20% при 14–17% для остальных возрастных групп), что зачастую обусловлено не столько положением её представителей, сколько ресурсами их родителей. Россияне старше 60 лет практически в трети случаев (27% при 9–12% для остальных возрастных групп) оказываются в «зоне риска», что связано не только с их материальным положением, но и с возрастом, т. к. состояние их здоровья и общее социально-психологическое самочувствие стимулируют пессимистические настроения.

Территориальная локализация возможного «социального беспокойства» сегодня наблюдается не столько в определённых типах населённых пунктов (разброс соответствующего показателя составляет 9–15%), сколько в тех или иных экономических районах и регионах¹. Так, заметно чаще россияне сталкивались с плохим материальным положением в Дальневосточном (64%), Северо-Кавказском (59%) и Восточно-Сибирском (45%) районах. В числе регионов, вошедших в выборку исследования с релевантным количеством респондентов, можно отметить Приморский край (64%), Ставропольский край и Республику Бурятия (по 59%), а также Ростовскую (47%), Тульскую (44%) и Челябинскую области (44%).

Стоит отметить, что ситуация с территориальными моделями реакции на социально-экономическую турбулентность носит достаточно сложный характер. «Зона риска» активно формируется в Дальневосточном экономическом районе (31% при 14% по стране) с одновременным сокращением «зоны стабильности» (7% при 16% по стране). В Уральском и Западно-Сибирском районах ситуация обратная (8 и 17% соответственно). В Волго-Вятском районе наблюдается некоторая поляризация населения, когда и «зона риска», и «зона стабильности» шире, чем в целом по стране. При этом в Северном районе происходит расширение промежуточной зоны (см. рис. 2) за счёт сокращения полюсов.

¹ Выборка использованного исследования охватила не все субъекты Федерации, однако репрезентативно представляет население территориально-экономических районов в целом (подробнее см.: [Общероссийский классификатор...]), а также Республику Крым. Численность выборки по районам: Северный – 144 человека, Северо-Западный – 258 человек, Центральный – 840, Волго-Вятский – 215, Центрально-Чернозёмный – 204, Поволжский – 497, Северо-Кавказский (включая Республику Крым) – 530, Уральский – 600, Западно-Сибирский – 250, Восточно-Сибирский – 282, Дальневосточный – 180 человек). Тем не менее, в некоторых случаях различия между регионами были настолько разительны, что не говорить о них просто нельзя. Ниже мы не затрагивали в анализе те регионы (как, например, республики Калмыкия и Дагестан), которые, при всей исключительной взрывоопасности ситуации в них, были представлены в выборке недостаточным для анализа числом респондентов, и говорили только о различиях, которые превосходили размер статистической погрешности. Для рассматриваемых же регионов размеры выборки позволяли делать статистически значимые выводы, например, для Свердловской области – 349 человек, Москвы – 295 человек, Омской области – 250 человек и т. д.

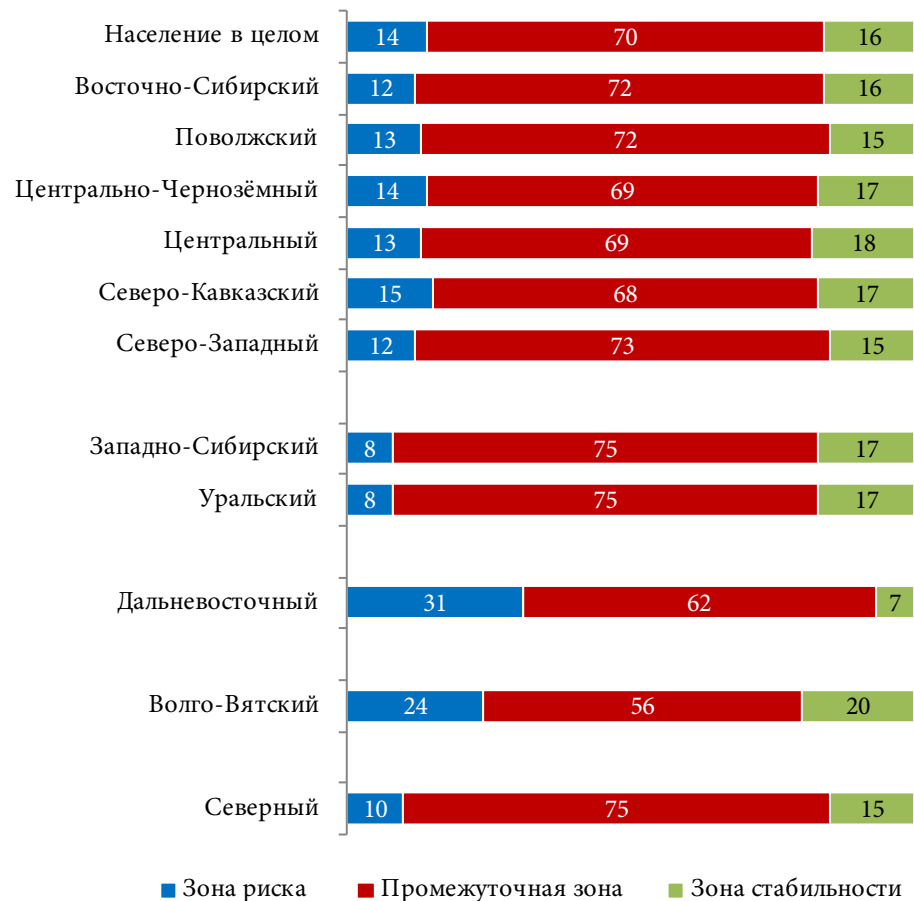

Рис. 2. Распределение зон «риска» и «стабильности» в различных территориально-экономических районах, 2018 г., ФНИСЦ РАН, %

Стоит отметить, что формирование «очагов беспокойства» в тех или иных экономических районах происходит на фоне различного отношения к государственным и общественным институтам, а также к изменениям в различных сферах жизни, происходящим в стране в последние пять лет. Так, в Дальневосточном районе, который в выборке представлен Приморским краем, россияне не просто попадают в «зону риска» практически в трети случаев, но, рассматривая происходящие вокруг изменения, дают им крайне настораживающую оценку. Здесь минимальна доля оценок ситуации как нормальной, спокойной в стране (25%), в регионе (31%), муниципальном образовании (36%). При этом доминирующие оценки обстановки в регионе и муниципалитете в массе своей позитивны, но Дальневосточный район (или Приморский край) в этом вопросе – ключевое исключение. Население этого района также демонстрирует самые негативные оценки изменений в различных сферах жизни, включая экономику в целом (53%), моральное состояние общества (53%), ситуацию с законностью (44%), возможностями зарабатывать (44%), социальной справедливостью (47%) и т. д. Более того, здесь отрицательная оценка динамики становится доминирующей. То, что Приморский край сильно пострадал от кризиса 2013–14 гг., отмечалось и на данных третьей волны

мониторинга ФНИСЦ РАН. В 2015 г. жители края также чаще остальных россиян отмечали негативную динамику в социальной и экономической сферах жизни [Лежнина 2016]. В этих условиях о собственном эмоциональном состоянии как о приподнятом или хотя бы спокойном, уравновешенном говорят только 23%, хотя для населения в целом соответствующий показатель стремится к двум третям (60%), а 7% испытывают раздражённость, озлобленность или даже агрессивность. Это единственный экономический район выборки, для населения которого самые распространённые эмоции – не спокойствие и уравновешенность, а тревожность (47%). Оценки эмоционального состояния окружающих при этом практически такие же (25% ощущают спокойствие, 12% – раздражённость, озлобленность или агрессию и 48% тревожность).

В этих условиях население Дальневосточного района (Приморского края) демонстрирует самые высокие по стране показатели доверия государственным и общественным институтам РФ: президенту (73%), правительству (54%), региональным (46%) и местным (42%) властям, а также Государственной думе (47%), Совету Федерации (59%). Даже полиция в большинстве случаев (57%) вызывает доверие населения. Стоит отметить, что ещё в 2015 г. губернатору Приморья доверяли только 24%, а органам местного самоуправления – 9% населения (для населения в целом 43 и 29% соответственно доверяли региональным и местным властям). Однако за прошедший с тех пор период в регионе сменился глава¹, и новые власти получили некоторый «кредит доверия», который, с одной стороны, сдерживает протестные настроения, но с другой – стимулирует возложение ответственности за неудачно сложившуюся ситуацию, в том числе в регионе и муниципалитете, именно на органы власти.

Вторым нетиповым экономическим районом можно назвать Волго-Вятский (представлен в выборке Нижегородской областью), в котором происходит поляризация населения, что само по себе способно обострять беспокойство как органов власти, так и общества. Оценка ситуации в стране, регионе или муниципалитете при этом не вызывает опасений, оценка на местах входит в число наиболее позитивных (69% оценивают её как спокойную, нормальную при 61% по стране в целом). Однако изменения ситуации в различных сферах жизни, включая экономику страны в целом (44%), моральное состояние общества (47%), социальную справедливость (40%) за последние пять лет чаще воспринимаются жителями этого района (по сравнению с россиянами в целом) как ухудшение. На этом фоне показатели доверия к государственным институтам в Волго-Вятском районе в разы ниже общероссийских: правительству доверяют треть респондентов (34%), региональным и мест-

¹ В октябре 2017 г. В. В. Миклушевского сменил А. В. Тарасенко.

ным властям, полиции – около четверти (27, 23 и 27% населения в целом доверяли соответственно правительству, региональным и местным властям и полиции), Государственной думе и Совету Федерации (8 и 15%). При этом доверие региональным властям, смена которых произошла осенью 2017 г., минимально именно в этом районе. Психологическое состояние населения отличается максимальной для выборки долей тех, кто испытывают чувства раздражённости, озлобленности и агрессии (14%). Эта характеристика сохраняется и при оценке состояния окружающих (23%, один из самых высоких показателей).

В наиболее благополучных районах, «зона стабильности» которых относительно расширена, ситуация также неоднозначна. Так, например, оценка динамики в различных сферах жизни у жителей Западно-Сибирского района (а он представлен в выборке Омской областью) более негативна, чем у россиян в целом. Они чаще говорят об ухудшении возможностей зарабатывать (47%), ситуации с социальной справедливостью (40%), законностью (30%) и даже моральным состоянием общества (50%). При этом Уральский район, в котором фиксируется та же «модель» формирования «зоны риска» и «зоны благополучия», демонстрирует более оптимистичную, даже по сравнению со страной в целом, картину: соответствующие показатели для него составили 33% (ухудшение возможностей зарабатывать), 30% (ухудшение ситуации с социальной справедливостью), 21% (ухудшение ситуации с законностью) и 35% (ухудшение морального состояния общества) соответственно. Однако ещё в 2015 г. Омская область была самым неблагополучным регионом с максимальной (34% при 15% для населения в целом) «зоной риска» и минимальной (4% при 12% для населения в целом) «зоной стабильности». Поэтому ситуация в Западно-Сибирском территориально-экономическом районе, в отличие от Уральского, вызывает тревогу. Несмотря на расширенную «зону стабильности», ситуацию здесь как спокойную, нормальную оценивают менее половины его населения (49%), а 17% (при 6% по стране в целом) говорят о ней как о катастрофической. Локальной обстановке такую оценку жители этого района также дают заметно чаще (16% при 7% по стране). Доверие общественным и государственным институтам у населения относительно низко. Доля доверяющих региональному руководству (35%), органам местного самоуправления (23%), Государственной думе (18%), Совету Федерации (18%) и даже полиции (22%) меньше среднероссийских показателей. При этом доверие президенту выражается в этом районе в минимальной степени (55%), а правительству его жители в отличие от всей остальной страны скорее не доверяют (51%), чем доверяют.

Однако такая ситуация не создаёт аномальной нервозности в районе. Его население в 70% случаев описывает своё эмоциональное состояние как спокойствие и даже приподня-

тость, а о негативных эмоциях говорят только 6%. При оценке состояния окружающего в повседневности населения эти показатели составляют 59 и 10% соответственно.

Если говорить об отдельных субъектах РФ, то стоит также отметить, что «зона риска» заметно превышает «зону стабильности» в таких регионах, как Приморский край (разница в 4,4 раза), Тульская (2) и Ульяновская (1,7) области, Ставропольский край (1,7 раза). При этом в Приморском крае и Тульской области «зона риска» шире среднероссийской более чем в 2 раза. Нижегородская и Ростовская области являются примерами «поляризующихся» регионов, а, например, Ярославская область и Санкт-Петербург – регионов, расширяющих «промежуточную» зону.

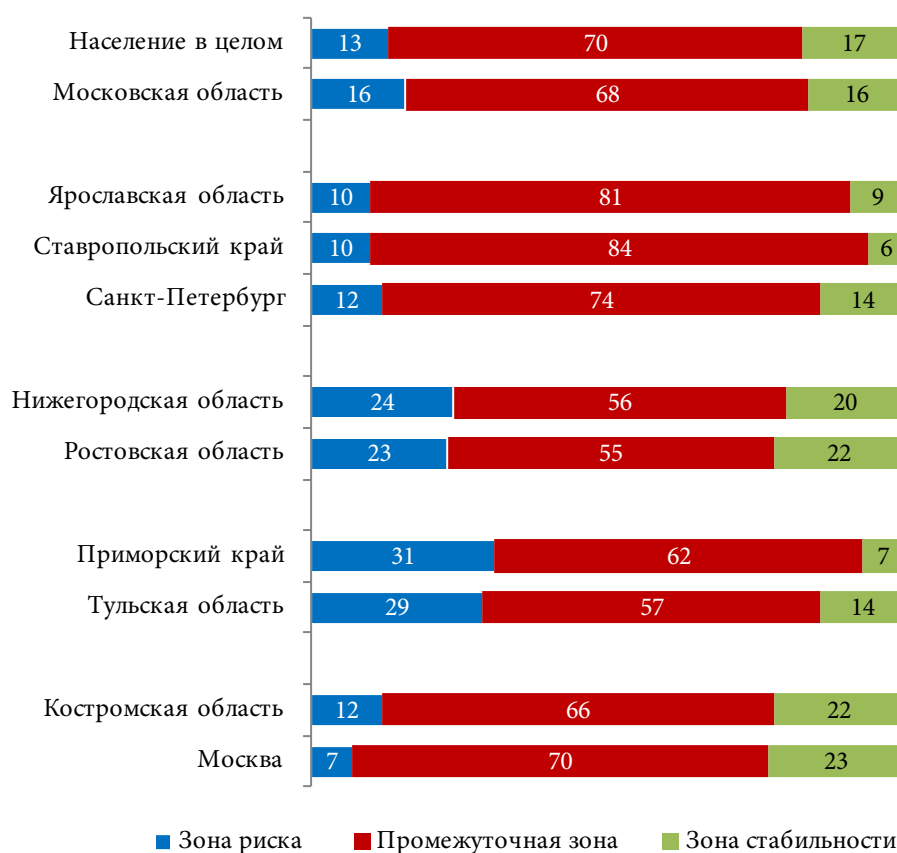

Рис. 3. Распределение зон «риска» и «стабильности» в отдельных регионах, 2018 г., ФНИСЦ РАН, %

Москва традиционно является наиболее благополучной точкой. Она не стала исключением и в вопросе формирования зон «риска» и «стабильности», которые демонстрируют в ней свои минимальный и максимальный показатели по выборке соответственно. Общая обстановка в Москве достаточно позитивна. Москвичи чаще населения страны в целом оценивают изменения во всех сферах жизни как улучшение, а для таких позиций, как «состояние экономики страны в целом», «моральное состояние общества», «законность и правопорядок», «возможность зарабатывать» положительные оценки превышают отрицательные, в отличие от остального населения.

Обстановка в Москве более позитивна. Москвичи чаще населения страны оценивают изменения во всех сферах жизни как улучшение, а для позиций «состояние экономики страны в целом», «моральное состояние общества», «законность и правопорядок», «возможность зарабатывать» положительные оценки превышают отрицательные.

Уровень доверия органам власти соответствует общероссийскому: отклонения не превышают 5 п. п. При этом в низшую сторону отличается уровень доверия президенту (65%), местным властям (27%) и полиции (30%). На этом фоне оценка собственного социально-психологического состояния москвичей более позитивна, чем у россиян в целом. Как «эмоциональную приподнятость» её оценивают 21% (13% по стране в целом), хотя и такие оценки, как «раздражённость», «озлобленность» и «агрессивность» встречаются несколько чаще (11% среди москвичей и 7% среди населения в целом).

В итоге стоит отметить, что для населения страны окончание социально-экономического кризиса 2014–15 гг. не стало точкой позитивного отката в зону большей благополучности. Россияне, несмотря на видимое улучшение оценок общей ситуации, продолжают испытывать экономические лишения. Более того, последние годы истощили не только финансовые, но и жизненные ресурсы населения, к материальным проблемам добавились депривации, связанные со здоровьем и сферой здравоохранения. Соответственно, негативные сдвиги именно в этой отрасли могут стать мощным триггером социальных волнений, особенно в среде пожилого населения, в котором обе основные проблемы (низкий уровень жизни и здоровье) особенно обострены.

Сложившиеся сегодня практики населения по изменению своего материального положения, как и в кризисный период, по большому счёту, не связаны с интенсификацией усилий в рамках долгосрочных стратегий по улучшению своего положения, а носят ситуационный характер. Соответственно, виды этих реакций типичны для российского общества: использование социальных сетей, обращение к практикам самообеспечения, подработка.

Даже спустя несколько лет после кризиса, справиться с собственными проблемами не видят возможности 20% россиян. В первую очередь к ним относятся те, кто отличаются нестабильным положением на рынке труда и легко заменимы как другими работниками, так и автоматизацией производственных процессов. Более того, для них эта ситуация создаёт дополнительное социально-психологическое напряжение. Такое удвоение проблем способствует формированию «зон риска» для социальной стабильности. В 2018 г. соответствующая социальная группа составила 13% и была несколько меньше обратного полюса – «зоны стабильности (17%)». Однако динамика численности обеих групп с 2015 г., хотя и позитивна, но отличается очень умеренными масштабами, позволяет говорить о том, что происходит стабилизация «зон риска», и её представителям даже в посткризисный период сложно из неё выбраться. Общее положение данной группы отягощается негативными оценками происходящих в стране изменений, в том числе в социальной сфере, а также пониженным уровнем доверия органам власти. Эти особенности превращает «зону риска» в потенциальный очаг социальных волнений.

Территориальные модели формирования зон «риска» и «стабильности» носят дифференцированный характер, включая поляризацию этих групп, интенсификацию формирования полюсов и др. Особенно тревожной видится ситуация в Нижегородской области и Приморском крае.

Библиографический список

Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.

Лежнина Ю. П. 2016. Социально-экономический кризис на пространстве России: проблемы населения и «очаги беспокойства» // Социологические исследования. № 10. С. 54–65.

Общероссийский классификатор экономических регионов ОК 024-95 (Утверждён постановлением Госстандарта РФ от 27 декабря 1995 г., с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/179107/#friends> [Дата посещения: 25.05.2016].

Осенний кризис 1998 года: российское общество до и после. Аналитические доклады РНИСиНП. М.: РОССПЭН, 1998. 264 с.

Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009. 272 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга первая / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2015. 336 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга третья / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2016. 424 с.

Средний класс в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад 2014 // Официальный сайт ФНИСЦ РАН. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_sredny_klass_10_let_spustya.html [Дата посещения: 14.08.2018].

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.538

The Scope of Russian People's Problems and Risks for Social Stability

Yulia Pavlovna Lezhnina

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Research Fellow, National Research University Higher School of Economics, Senior Research Fellow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: jlezhnina@hse.ru

Abstract. Based on data from representative all-Russian monitoring studies conducted during the years 2014–2018 by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences¹, an analysis is presented of the main issues faced by the population of Russia, as well as their dynamics. It is revealed that during the post-crisis period there are no positive shifts occurring in terms of the population's financial situation. These financial troubles are accompanied by a deficit of health and healthcare. Russians have already worked out practices aimed at improving their financial status, even if they do not bear a long-term focus, while issues such as health and health protection are very much at hand, and are something just only being recognized by the people. It is shown that, in such a context, certain "areas of risk" for social stability are emerging, which are caused by separate groups of the Russian people being unable to adequately respond to challenges posed by various aspects of the Russian crisis, as well as the fact that many local institutional issues have not been resolved. They are constituted by a situation characterized by poor financial status and socio-psychological tension. Meanwhile, in the years after the crisis, a stabilizing of "areas of risk" is being observed, and, as a result, those involved require ever more significant support from the state. The solidification of "areas of risk" is due to the structural positions of unskilled workers – those who are easily replaceable either by other employees, or by production automation. This eventually allows for considering these specific categories to be the basis for developing the structural positions of the "generic workforce" (Castells, 2000) in Russia. Territorial models for the development of "areas of risk" and "areas of stability" (which would include Russians who are not enduring any sort of financial troubles, and who are in no need for improving their financial situation in any way), them being opposites, bear a differentiated nature, which implies dividing the population into the two aforementioned groups, as well as an intensely developing polarity, the emergence of an "intermediate area", etc. The situation is especially disturbing in Nizhniy Novgorod Oblast and Primorsky Krai.

Keywords: social tension, social problems, social policy, spatial heterogeneity, standard of living.

References

Castells M. *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Era: Economy, Society and Culture]. Moscow, SU HSE publ., 2000. 608 p. (in Russ.).

Lezhnina J. P. *Sotsial'no-ekonomicheskii krizis na prostranstve Rossii: problemy naseleniya i «ochagi bespokoystva»* [Socio-economic crisis in the space of Russia: problems of the population and "hotbeds of anxiety"]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016, no 10, pp. 54–65 (in Russ.).

Obshcherossiyskiy klassifikator ekonomicheskikh regionov OK 024-95 [All-Russian Classifier of Economic Regions] (utverzhdiom postanovleniem Gosstandarta RF ot 27.12.1995). The Garant Law web portal. URL: <http://base.garant.ru/179107/#friends> [date of visit: 25.05.2016] (in Russ.).

Oseniy krizis 1998 goda: rossiyskoe obshchestvo do i posle [Autumn crisis of 1998: Russian society before and after]. *Analiticheskie doklady RNISiNP*. Moscow, ROSSPEN, 1998. 264 p. (in Russ.).

Rossiyskaya povsednevnost' v usloviyah krizisa [Russian daily life in a crisis]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tikhonova. Moscow, Al'fa-M, 2009. 272 p. (in Russ.).

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. [Russian society and the challenges of time]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov. Vol. 1. Moscow, Ves' Mir, 2015. 336 p. (in Russ.).

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. [Russian society and the challenges of time]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov. Vol. 3. Moscow, Ves' Mir, 2016. 424 p. (in Russ.).

Sredniy klass v sovremennoy Rossii: 10 let spustia. *Analiticheskiy doklad 2014* [The middle class in modern Russia: 10 years]. FCTAS RAS Official website. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_sredny_klass_10 лет_spustya.html [date of visit: 14.10.2018] (in Russ.).

¹ The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 14-28-00218) at Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

К методологии научных исследований

Социологическая «стрела времени» в XXI веке: инновации в материалах Всемирных социологических конгрессов

Кравченко Сергей Александрович –
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии
МГИМО (У) МИД России, Москва

E-mail: sociol7@yandex.ru

Социологическая «стрела времени» в XXI веке: инновации в материалах Всемирных социологических конгрессов

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.540

Аннотация. Анализируются тенденции развития и усложнения социологического знания в контексте эффектов социологической «стрелы времени», для чего задействуются теоретические инновации, содержащиеся в материалах XV–XIX Всемирных социологических конгрессов. Каждый мировой социологический форум давал импульс для расширения и усложнения предмета социологии – идёт постоянное «переоткрытие» социальной реальности, что является показателем увеличения валидности социологического знания. XV Конгресс (Брисбан) дал импульс развитию социологии по пути увеличения разнообразных теоретико-методологических подходов к исследованию общества, которые предполагают интеграцию и широкое использование достижений других социальных и естественных наук. XVI Конгресс (Дурбан) ознаменовался процессом интернационализации социологии, что нашло отражение в становлении её полицентричности. XVII Конгресс (Гётеборг) определил, что трансформация социологического знания стала обусловленной не столько ускоряющейся, сколько усложняющейся динамикой социума. XVIII Конгресс (Йокогама) констатировал возникновение новых социальных и культурных неравенств, сформировавшихся в результате побочных эффектов становления глобальных реалий. XIX Конгресс (Торонто) сделал акцент на анализе побочных эффектов человеческой деятельности, которые, по существу, изменяют социокультурную природу власти, насилия, справедливости. Особое внимание было уделено тому, что сегодня социологическая «стрела времени» направлена на изучение ненамеренных последствий цифровизации общества, научного знания и становления цифровых технологий. Возникли невиданные ранее проблемы концентрации власти несколькими глобальными цифровыми компаниями. Новые реалии цифрового общества радикально изменяют отношения между людьми и цифровыми машинами – социализация индивида, его мышление становятся подчинёнными функционированию «умных» машин. Но, главное, создаются принципиально новые властные структуры, детерминированные цифровым миром, являющиеся силой в политико-экономических и геополитических конфликтах, а также контролирующие индивидуальные тела и социальные отношения. Преодоление возникших вызовов человеческой цивилизации социологам видится на путях перехода к междисциплинарному знанию с культурным стержнем, для чего необходим гуманистический поворот в развитии всех наук.

Ключевые слова: социологическая «стрела времени», всемирные социологические конгрессы, побочные эффекты, знание, цифровизация социума, метаморфозы, междисциплинарность, гуманистический поворот

Лауреатом Нобелевской премии И. Р. Пригожиным был обоснован постулат *«стрелы времени»*, квинтэссенция которого в том, что имеет место *ускоряющееся и усложняющееся* саморазвитие *всей* материи, включая социальные реалии: «Человеческие сообщества, особенно в наше время, имеют свои, существенно более короткие временные масштабы... С увеличением динамической сложности (от камня к человеческому обществу) роль «стрелы времени», эволюционных ритмов возрастает» [Пригожин, Стенгерс 2000: 265]. Мы полагаем, *эффект «стрелы времени» следует распространить на динамику научного знания вообще и социологического знания в особенности*, что подтверждается теоретическими новациями материалов всемирных социологических конгрессов [Кравченко 2014а]. Соответственно, социологам приходится постоянно «переоткрывать» социальную реальность, что является показателем валидности социологического знания [Кравченко 2014b].

Брисбан (2002): XV Всемирный социологический конгресс об усложнении структуры знания

Отметим пять, на наш взгляд, наиболее существенных инноваций, свидетельствующих об эффектах социологической «стрелы времени». Во-первых, развитие социологии пошло по пути увеличения *разнообразных теоретико-методологических подходов* к исследованию общества, которые предполагают интеграцию и широкое использование достижений других социальных и естественных наук. Практически ушли в прошлое попытки создания универсальной, всеобъемлющей социологической теории, которая бы давала ответы на все или хотя бы на большинство глобальных вызовов современности. Весьма существенные изменения в социальных реалиях связаны с факторами увеличения неопределённости, рискогенности, случайности, многовариантности и альтернативности. Показательны в этом плане прошедшие сессии: «Может ли быть постмодернистский универсализм?» (председатель – Дж. Александер); «Новые философии социальной науки» и «Аналогии с другими науками» (председатель сессий – П. Байерт, Кембриджский университет, Великобритания).

Во-вторых, в самом социологическом сообществе появились примечательные тенденции, связанные с *усложнением структуры знания и исследований*, что прямо сказалось на качественных изменениях в предмете исследований, который существенно расширился. Так, появились три новых исследовательских комитета – «Социокибернетика», «Социология профессиональных групп», «Социология детства». Возникли тема-

Практически ушли в прошлое попытки создания универсальной, всеобъемлющей социологической теории, которая бы давала ответы на все или хотя бы на большинство глобальных вызовов современности.

тические группы с новыми предметными полями. Среди них: «Тело в социальных науках»; «Социология локально-глобальных отношений»; «Социология Холокоста» (Дж. Александер сделал сообщение: «Прожорливость зла: Холокост от военного преступления до травматической драмы»); «Социальный надзор в информационных обществах»; «Переосмысление цивилизационного анализа» (Э. Тирикьян выступил с докладом: «Имеет ли “цивилизация” смысл после 11 сентября?»).

В-третьих, ряд особо актуальных *междисциплинарных проблем* был вынесен на объединительные сессии, среди которых: «Амбивалентность социального изменения». На других объединительных сессиях обсуждались проблемы новых вызовов, включая амбивалентности глобализации, новых реалий миграции и урбанизации; кто «мы» в контексте «Как мы это знаем»; проблемы гендера, работы и семьи в условиях преимущественной мужской занятости; этнический бизнес; брак, семья и проблемы рационального выбора; увеличивающиеся ожидания и амбивалентные протесты; влияние глобализации экономики на физическое и умственное здоровье; особо отметим – исследования природо-общественных отношений, получившие существенное развитие на последующих форумах.

В-четвёртых, произошла *институализация феминистского направления* в социологии. Состоялись более двадцати сессий, среди которых: «Женщины и социальное изменение», «Феминистское изучение мужчин и маскулинности», «Новые возможности феминистской активности», «Феминистские социологические парадигмы» и др.

В-пятых, новацией Конгресса стало проведение *сессий учёных, представлявших конкретные языковые сообщества*, что, на наш взгляд, уменьшило доминирование Американской социологической ассоциации при всех достижениях её представителей, чьи исследования вошли в социологические учебники всех стран. Был проведён «Русскоязычный форум» и сессия Российского общества социологов. По существу, это была первая реальная и достаточно эффективная попытка включения достижений российской социологии в контекст мировой социологической мысли.

Дурбан (2006): «переоткрытие» социо-природных реалий в материалах XVI Всемирного социологического конгресса

Во-первых, было констатировано *углубление процесса усложнения социокультурной динамики современного социума*, формы которого в значительной степени под влиянием глобализации стали развиваться нелинейно, с разными скоростями

Констатировано углубление процесса усложнения социокультурной динамики современного социума, формы которого в значительной степени под влиянием глобализации стали развиваться нелинейно, с разными скоростями и ритмами.

и ритмами. Не случайно первая президентская сессия была ознаменована дискуссией на тему «Разнообразие социального существования в глобализирующемся мире». Особо отметим то, что в инвайроментальной проблематике был сделан акцент на исследование механизма дисхроноза природной и социальной эволюции.

Во-вторых, *начался сложный процесс интернационализации социологии, что находит отражение в становлении её полицентричности.* Это проявляется по ряду направлений. Доминирование американской и европейской социологий, несомненно, присутствовало (большинство сессий возглавляли учёные из США и Европы). Однако и в других регионах мира появились и весьма активно развиваются социологические школы, становящиеся *весьма значимыми социологическими центрами.* Они, естественно, не приемлют евроцентризм, имеют не только *специфический социум* для анализа, но и во многом *свой теоретико-методологический инструментарий*, который, разумеется, основывается на общепризнанных международных научных стандартах. Полагаем, стало возможным говорить об институционализации *самостоятельных* австралийской, индийской, бразильской, африканских и, разумеется, российской социологий. Кроме того, само содержание мирового, европейского центра и их периферий «переоткрывается», что *касается центров социологической науки.* Речь шла о значимости научного влияния национальных школ.

В-третьих, нелинейная динамика социума, находящегося в разных темпомирах, естественно, не может не отразиться на развитии самой социологии, *которая обретает рефлексивный характер с отсутствием единого стержня, что неизбежно порождает целый ряд многогранных амбивалентностей.* Так, была выявлена следующая теоретико-методологическая амбивалентность: всевозможные «универсализмы» (логоцентризм, рационализм, прагматизм и т. д.), ещё вчера господствовавшие в науке, хотя и сохраняют влияние, уходят в историю социологической мысли. Их теснят *релятивизмы, виртуализмы, рефлексивности:* автопоэзис (Н. Луман, его теоретические подходы широко обсуждались во многих докладах), ризома («скрытый стебель», обладающий способностью развиваться в любом направлении, – метафорическое обозначение, предложенное Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, внеструктурного и нелинейного способа организации целостности), симулякр (Ж. Бодрийяр), след (Ж. Деррида), ничто (Дж. Ритцер) и т. п. Отметим некоторые доклады, связанные со становлением рефлексивной социологии: «Совмещение позиций Арчер и Бурдье в эмерджентистской теории действия», «Изучение человеческой рефлексивности: суждение с позиций междисциплинарных подходов», «Теория рефлексивности второго порядка», «Структуризация в противовес личной рефлекс-

сивности позднего модерна?», «Комплексный поворот в социальных науках», «Усложнение теории: постмодернистская парадигма для социологии?».

В-четвёртых, мужское и женское видение социума, его интерпретации стали *в равной степени валидными для многих представителей современной социологии*. Подтверждением тому служит тематика более двадцати сессий, среди которых: «Критическое изучение мужчин и маскулинности», «Женский труд в новой глобальной экономике», «Гендер и работа», «Гендер и права человека», «Транснациональные феминистские солидарности», «Женщины в науке и технологии», «Гендер, глобализация, образование и демократия», «Религия, духовность и политика: исследование разнообразных значений веры», «Гендер и публичная социология», «Эффект влияния гендерного участия в общественной жизни на качество социального существования».

В-пятых, само разнообразие социального существования подтолкнуло социологов, занимающихся изучением конкретных сфер социума, *к поиску диалога, более углублённого взаимодействия* ради понимания того, что же ныне происходит в глобализирующемся мире. Назовём несколько, на наш взгляд, наиболее интересных сессий: «Инвайронменталистские вызовы городских регионов в глобализирующемся мире», «Отчуждение и социальные движения: демократический партиципатив в эру глобализации», «Будущее и социальная теория», «Социологи без границ».

Гётеборг (2010): XVII Всемирный социологический конгресс о движении социологии к сетевому взаимодействию теоретико-методологических подходов

Девиз XVII Всемирного социологического конгресса – «Социология в движении» (Sociology on the Move) – определил состояние социологической науки как *весьма динамичное*. За этим стоит то, что прежде конкуренция теорий предполагала «диалектическое отрицание» одних теоретических подходов и создание других, которые становились *лидерами мировой социологической мысли*. Однако, как нам представляется, материалы Конгресса свидетельствовали о том, что развитие мировой социологической мысли обрело *принципиально иной*, во многом неожиданный вектор развития. Его суть: трансформация социологического теоретизирования стала обусловленной не столько *ускоряющейся*, сколько *усложняющейся* динамикой социума, о чём двумя годами ранее было

заявлено на VIII Конференции Европейской социологической ассоциации [Кравченко 2008]. XVII Всемирный конгресс социологии эту тенденцию особо акцентировал. *Социология начала движение к динамичному сетевому взаимодействию теоретико-методологических подходов, в котором практически невозможно выделить главенствующую теорию, своего рода методологический центр, задающий характер и направление развития мировой социологической мысли* [Кравченко 2011]. Выделим, на наш взгляд, главные инновации.

Во-первых, на президентскую сессию было вынесено *пять* весьма разных макротем, представляющих собой актуальные проблемы, связанные сетевой логикой взаимодействия учёных.

Во-вторых, сетевому взаимодействию способствует продолжающийся и набирающий силу *процесс интернационализации социологии*. По словам М. Вьевьорки, Президента Всемирной социологической ассоциации (2006–10 гг.), «социология не только присутствует, но процветает повсюду в мире, она становится глобализированной» [Wieviorka 2010: 15].

В-третьих, дело не только в расширении географии производства социологического знания, но и в формировании *новых научных школ со своим предметным полем*, чья роль в институализации конкретного социологического теоретизирования возрастает. Школы становятся *весьма значимыми социологическими центрами*. Они, естественно, имеют *специфический социум* для анализа и потому не приемлют евроцентризм и американоцентризм, делая ставку на создание своего собственного теоретико-методологического инструментария. Всё это ведёт к тому, что эффекты социологической «стрелы времени» ставят под вопрос само содержание мирового центра и периферий социологической науки. Как нам представляется, дан импульс тому, что в социологическом сообществе стали утверждаться сетевые взаимосвязи *ацентричного толка* без деления на «высшую» и «низшую» социологию.

В-четвёртых, Конгресс показал, что возрастает роль *невидимых колледжей* в сетевом взаимодействии учёных, которые институционализируют *регионально-особенные* аспекты социологического теоретизирования. Невидимые колледжи, объединяющие представителей *разных наук*, на своём *локально-предметном* научном поле вносят *нелинейный вклад* в развитие социологического знания. Полагаем, можно прогнозировать, что дифференциация и усложнение социологического знания неизбежно будут способствовать образованию подобного рода сообществ, причём не только на региональном, но и на глоболокальном уровнях.

В-пятых, «переоткрытие» *новых исследовательских полей* в силу усложняющейся динамики социума практически невозможно без сетевого взаимодействия *социологов различных*

Социология начала движение к динамичному сетевому взаимодействию теоретико-методологических подходов, в котором практически невозможно выделить главенствующую теорию.

поколений. Отнюдь не случайно оказались вновь востребованы теоретические достижения прошлого, которые, естественно, *наполняются новым содержанием* и предполагают *новое прочтение*. Так, были сделаны научные сообщения, специально посвящённые творчеству Л. Альтюссера, исследователя и критика тоталитаризма Х. Арендт, представителя феминистской постмодернистской теории Ю. Батлер, русского философа, чьё творчество выходит на постмодернистскую проблематику М. М. Бахтина и др.

В-шестых, востребованность *новых теорий* социологического воображения уже осознаётся мировым социологическим сообществом [Fuller 2008; Beck 2007]. На Конгрессе на эту тему было сделано 13 докладов, среди которых: С.-Дж. Хан «Почему мы нуждаемся в новом социологическом воображении?» [Нап 2010: 191]. Нами также была предпринята попытка показать динамику теоретизирования в контексте нового типа социологического воображения [Кравченко 2009: 14–24].

Приведённые данные в контексте эффектов социологической «стрелы времени» позволяют сделать следующие обобщения: традиционный, линейный подход к «старению» социального знания более не работает – усложнение социума побуждает учёных к постоянному «*переоткрытию*», казалось бы, исторически исчерпавших себя идей; социальное знание переходит из исторически-контекстуального во *вневременное время* существования, в новую доминирующую ныне рефлексивную темпоральность, адекватную сетевому социуму, создаёт возможности «избавления от контекстов своего существования», «*порождения систематической пертурбации в порядке следования явлений, совершаемых в том контексте*» [Castells 2010: 464, 494].

Йокогама (2014): XVIII Всемирный социологический конгресс о новых неравенствах

Конгресс констатировал возникновение новых социальных и культурных неравенств, сформировавшихся в результате побочных эффектов становления глобальных реалий. *Вне национального пространства и конкретного времени* появились сложные риски, уязвимости, потенциальные бедствия и катастрофы; принципиально новыми стали отношения общества и природы, что также обернулось новыми неравенствами. Анализировать эти усложняющиеся становящиеся реалии с позиций только национальных социологий или отдельных теоретико-методологических подходов стало невозможно. В этой связи оказалась востребована «глобальная, над-

Традиционный, линейный подход к «старению» социального знания более не работает – усложнение социума побуждает учёных к постоянному «переоткрытию», казалось бы, исторически исчерпавших себя идей.

Конгресс констатировал возникновение новых социальных и культурных неравенств, сформировавшихся в результате побочных эффектов становления глобальных реалий.

национальная, космополитическая» социология, предполагающая возведение «мостов, соединяющих всевозможные расколы социологии ради более равного мира» [Кравченко 2015: 29–38].

Выделим, на наш взгляд, наиболее значимые свидетельства усложняющейся динамики социологической «стрелы времени». Во-первых, на фоне величайших достижений науки и техники, развития информационных технологий, практически повсеместного распространения интернета и беспроводного телефона, которые потенциально могли бы быть использованы для гуманизации социальных отношений, минимизации социальных неравенств, возникли *реалии глобальных неравенств. Человечество в целом обрело облик неравного и несправедливого мира. Не просто количественно увеличивается разрыв* в доходах и благосостоянии между богатыми и бедными, который, как известно, флуктуирует в культурном и временном контекстах, а *качественно и по нарастающей тенденции* ухудшаются жизненные шансы, стили жизни миллионов людей. Как отметила Р. Соса, вице-президент, курирующая вопросы программы Конгресса, это проблема не отдельных стран – ныне отмечается увеличение факторов, способствующих производству, распространению и усложнению неравенств [Sosa 2014: 12]. Тема многогранности и сложности современных неравенств была вынесена на две президентские сессии: «Сталкиваясь с неравным миром» и «Альтернативы неравному миру».

Во-вторых, возникли *неравенства между возможностями влияния глобальной, по существу западной культуры, и национальными культурами*. При всех достоинствах глобальной культуры, в ней есть существенные *побочные эффекты*: глобальная культура потребительского типа посредством символического насилия способствует утверждению новых форм отчуждения: национальные системы образования примитивизируются, при этом возникают «невидимые неравенства в обучении» в виде макдональдизированных учебных программ, латентно способствующих свёртыванию креативных форм образования.

В-третьих, распространение получили *неравенства, обусловленные динамикой распределения усложняющихся рисков*. Специальную сессию на эту тему провёл У. Бек, автор теорий «Общества риска» и «Мирового общества риска», который показал явные и латентные последствия неравенств для жизни людей. Если в «обществе риска» люди были озабочены *бедностью* (данные неравенства были *ограничены, локальны*), то в «мировом обществе риска» – *беспокойством* относительно возможных сложных социо-природных бедствий. В результате, считает социолог, необходимо «переоткрыть социальное неравенство в глобализирующемся мире», ибо ныне «мы все оказываемся в одной лодке»; классовые, статусные,

национальные различия теряют смысл, заменяются различиями в отношении рисков и беспокойств, что им обозначается как «новое социальное неравенство».

В-четвёртых, появились *неравенства по отношению к усложняющимся уязвимостям*. Ранее социологи имели дело с относительно простыми уязвимостями социально незащищённых групп. Квинтэссенция современной уязвимости проявляется в *нарастании структурной дисфункциональности сложной системы социума, способной к деструктивной рефлексивности, что проявляется в потенциальной угрозе «новых, текущих катастроф», социальных страхах людей относительно возникающих неопределённостей в их жизнедеятельности*. Такие сложные системы могут как бы проявлять свою собственную «волю», деструктивную для общества рефлексивность [Кравченко, Перова 2017]. Вероятность перехода «текущих катастроф» в реальные бедствия выше там, где сложные технологические системы соседствуют с социально-экономической депривацией. Ч. Перроу особо подчеркнул связь уязвимостей с социальным неравенством, ныне усиливающимся «в силу изменений в распределении доходов» [Perrow 2011: 31].

В-пятых, возникли *новые неравенства между Севером и Югом*. Э. А. Тирикьян отметил, что будущее той или иной цивилизации зависит не только от результатов соперничества друг с другом – прослеживается рельефно выраженная тенденция стремления к доминированию цивилизаций Севера на Юга, что конкретно проявляется в сохранении «старых» и образовании новых неравенств и зависимостей, но и от формирования *отношений с природой*. Эти новые неравенства обусловлены изменением статуса природы, которая обретает *социетальный* характер и в значительной степени становится рукотворной. Данные процессы, по сути, разделили людей на тех, кто живёт в «экологически дружественной» среде, и тех, кто вынужден жить в местах, опасных для здоровья человека. В большинстве случаев эти места ранее были вполне пригодны для жизни людей, но экологически изменились под влиянием побочных эффектов человеческой деятельности. К этим неравенствам примыкают *неравенства по отношению к здоровой пище*, они обрели *глобальный рискогенный характер*, выступают мощным фактором политической власти, являются важнейшим компонентом гео- и биополитики [Кравченко 2014с]. Север имеет тенденцию устанавливать стандарты, которым Юг должен следовать, что объективно ущемляет традиционное производство. Но главное – традиционные сорта пшеницы, кукурузы, риса, картофеля стали вытесняться более «рациональными» и «эффективными» генно-модифицированными культурами.

В-шестых, стали актуальными *неравенства в формирующихся гражданских обществах*. Это действительно вновь возникающие неравенства, ибо речь идёт о странах (в частности, России), в которых в силу разных исторических причин гражданские общества находятся лишь в стадии формирования. С докладом на тему «Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики» выступил академик РАН М. К. Горшков, проанализировавший возникновение новых демократических ценностей, отношение к которым разделило общество. По его мнению, возникшие при этом неравенства следует интерпретировать в контексте двух основных факторов – сложившихся исторических реалий и модели идеального типа как потенциально возможного будущего нашего гражданского общества, которая вберёт в себя не только достижения западной, но и всех культур мира.

В-седьмых, возникли *неравенства в глобальных социальных сетях*. Ещё М. Кастельс показал, что неравенства *имманентно присущи* социальным сетям, ибо их распространение «крайне неравномерно и на планете, и внутри стран»; при этом повсюду любой их участник подвержен «инклюзии и эксклюзии одновременно, варьирующихся для каждого общества, что зависит от институтов, политики и политической практики» [Castells 2010: 161]. В силу данного обстоятельства глобальные социальные сети самого разного толка воспроизводят экономические, политические, культурные неравенства и несправедливости. Как же реагировать на эффекты «стрелы времени»? У. Бек, выступивший с докладом «Мы живём не в эру космополитизма, а в эру космополитизации», показал, что современный процесс принципиально отличен от прежнего философского космополитизма с его гуманистическим пафосом. Под влиянием *реальной* космополитизации возникают новые сложные неравенства, которые практически выходят из-под контроля национальных государств, такие как последствия климатических изменений, распространения синдрома приобретённого иммунодефицита, современный терроризм. Отмеченные неравенства, конечно, явились вызовом современному социологическому знанию. Очевидно, нужна *инновационная социология нового интегрального типа*. У. Бек ратует за «космополитическую социологию» [Beck 2010: 80]. М. Буравой, учитывая нынешнюю социальную и природную турбулентность, высказался за метапарадигмального толка «социологию бедствий, которая не только об обществе, не только в обществе, но также для общества» [Burawoy 2014: 9]. В документе «Послания миру», подготовленном Японским консорциумом социологических обществ, говорится, что ныне востребована «глобальная, наднациональная социология» [Messages to the World 2014]. Нам особенно симпатичны мысли

о перспективах развития мировой социологии, высказанные К. Хасегавой, руководителем японского организационного комитета Конгресса. Опираясь на идеи Г. Зиммеля о том, что мост представляет собой не только сооружение, соединяющее берега реки или чего-либо, но и нашу волю к социокультурным связям, японский социолог ратует за социологию, которая «станет мостом, связующим Восток и Запад, Юг и Север, женское и мужское, прошлое и будущее, молодое и старое, природу и общество; соединяющим всевозможные расколы социологии ради более равного мира» [Hasegawa 2014: 17]. Такое видение перспектив социологической «стрелы времени», несомненно, потребует развитие сетевых взаимоотношений с другими социальными и естественными и гуманитарными науками, что нами было обозначено *гуманистическим поворотом* [Гуманистический поворот... 2018].

Торонто (2018): XIX Всемирный социологический конгресс о новых реалиях власти, насилия, справедливости

Канадские социологи, принимавшие XIX Всемирный социологический конгресс, показали, что ныне происходит переход от постиндустриального к *цифровому обществу*. При всех явных достижениях процессов цифровизации, они латентно становятся главными факторами метаморфоз. Под ними мы понимаем *необратимые радикальные изменения*, предполагающие качественное усложнение природных и социальных реалий, связанное с изменением их структур и функций [Кравченко 2017а: 3–14]. Причём сами метаморфозы *усложняются*. Если раньше метаморфозы происходили в конкретных сферах, то ныне они распространяют своё влияние на *все* социо-природные реалии. Так, если К. Маркс раскрыл природу метаморфоз товарной формы в деньги и обратным превращением денежной формы в товар [Маркс 1960: 120] в *конкретной экономической сфере*, а Ж. Т. Тощенко – в *сфере сознания* в виде появления невиданных ранее *кентавризмов* и *фантомов* [Тощенко 2011; 2015], то У. Бек утверждает, что ныне *весь мир* подвержен метаморфозе [Beck 2016]. По мнению канадских социологов У. Х. Вандербурга, директора Центра технологии и социального развития при Торонтском университете, и В. Моски, профессора Королевского университета, автора или редактора двадцати трёх книг, чьи работы были презентованы на Форуме, трансформации столь велики, что для их интерпретации возникла востребованность перехода *всех* наук, включая социологию, на *новый тренд развития*, суть которого ими видится в формировании *трансдисциплинарных предметных полей с культурным стержнем*.

Исходя из того, что организаторы форума внесли в повестку дня проблематику власти, насилия и справедливости, отметим лишь те метаморфозы, которые непосредственно относятся к этим реалиям.

Во-первых, происходит *метаморфоза социальной власти в цифровую*. Власть всегда была *социально* обусловленной. Её характер и содержание изменялись по мере развития и усложнения социальной структуры общества. Под влиянием цифровизации власть радикально меняется, из неё выхолащиваются собственно социальный и культурный контексты. По мнению У. Х. Вандербурга, сформировавшийся в эпоху Просвещения подход исследования человеческой жизни и мира через призму предметного поля конкретной дисциплины и одной категории явлений, работал достаточно эффективно для изучения относительно простых социальных и природных реалий. «Но это очевидно плохо подходит для ситуаций, в которых сложные категории явлений оказывают нетривиальные воздействия». На ущербность формально-рационального и монодисциплинарного подходов впервые указали представители естественных наук. Н. Бор, А. Эйнштейн и др. отметили возникающую «необычайную сложность наших отношений с материей, энергией и окружающими средами». Явно и латентно новые реалии всё более воздействовали на характер и общества, и власти. «Однако социальные науки мало изменились под влиянием этих открытий и рекомендаций». Сегодня требуется «переоткрытие» подходов к интерпретации власти с учётом её обусловленности цифровизацией научного знания и технологий, чтобы утвердился «более жизненный и устойчивый мир» [Vanderburg 2016: 3, 4–5, 23–25, 32]. В. Моско также считает, что наука и технологии становящегося цифрового общества радикально изменяют реалии власти, лишая их собственно культурного содержания. Возникли невиданные ранее «значимые социальные проблемы концентрации власти несколькими глобальными компаниями и правительствами». Новые реалии цифрового общества «фундаментально изменяют отношения между людьми и цифровыми машинами», «означают постоянную интеграцию людей и машин». Но, главное, создаются принципиально новые властные структуры, являющиеся «силой в политико-экономических и геополитических конфликтах», а также «контролирующие индивидуальные тела и социальные отношения». Существует «пять наиболее значимых корпораций в мире», которые непосредственно связаны с американским правительством: Apple, Google, Microsoft, Amazon, Facebook. С ними конкурирует только китайская Alibaba. Власть мировых цифровых гигантов по существу осуществляет тотальный контроль над процессами цифровизации в мире, что «представляет фундаментальную угрозу демократии». Возникла реальная «перспектива сра-

жений в дистанционных войнах без задействования в них большого количества людей, что способствует росту военных роботов». «Дроны выбраны потому, что они относительно дешёвы, более быстры, чем пилотируемые аппараты, эффективно убивают». В этой связи канадский социолог ратует за то, чтобы «начать разработку двусторонних и многосторонних соглашений по контролю над растущей опасностью, исходящей от цифровых военных действий» [Mosco 2017: 6–12, 41, 133, 144, 199].

Во-вторых, *имеют место метаморфозы социального насилия в цифровое насилие*. В доиндустриальном обществе у людей сложились относительно устойчивые представления о насилии, которые были обусловлены символизацией, жизненным опытом, культурой. Материалы XIX Всемирного социологического конгресса свидетельствуют о том, что многие социологии продолжают судить о современных реалиях насилия, исходя из прежних социально-культурных критериев, не принимая во внимание, насколько радикальным изменениям они подверглись под влиянием цифровизации. Наибольшие вызовы культуре, существованию человеческой цивилизации несёт собственно *цифровое насилие*. У. Х. Вандербург сравнил цифровое насилие с «нашей войной с самими собой» [Vanderburg 2011]. По его мнению, в современном обществе утвердился социальный тип «гомо информатикус»: дети «стали зависимыми от “гугливания” всего... Мы начали перестраивать все культурные смыслы и ценности применительно к техническому миру, который не может поддерживать символические сущности и который неустойчив для планеты». Цифровое насилие «отфильтровывает» всё культурное. «Например, телефон “отфильтровывает” глазной этикет, выражение лица, ритмы тела, обусловленные разговорами лицом-к-лицу. Текстовые послания и электронная переписка отфильтровывают ещё больше». Таланты людей определяются их способностью оперировать дисциплинарным и цифровым знанием, а не культурой. «Последствия для семей, групп, дружеских отношений и других социальных связей ужасны». Тинэйджеры начинают жить, как будто у них нет культурных ресурсов, и, соответственно, «должны полагаться на другие многочисленные факты и мнения, доступные из их мобильных компьютеров... Шаг за шагом мир делается безопасным для техники и опасным для людей, сообществ и экосистем». Социолог заключает, что цифровизация создаёт «образ *не-жизни*, который, как представляется, имеет гораздо больший эффект на наше ментальное здоровье, чем люди готовы это признать». Минимизацию последствий цифрового насилия автор видит в преодолении духа капитализма посредством «борьбы за человеческий дух», ибо «чем более культуры подвержены десимволизации со стороны тех-

Цифровизация создаёт «образ *не-жизни*, который, как представляется, имеет гораздо больший эффект на наше ментальное здоровье, чем люди готовы это признать».

ники, тем более трудно использовать какие-либо культурные ресурсы (включая мораль и религию)» [Vanderburg 2016: 254, 256–257 и др.]. Цифровое насилие, считает В. Моско, способствует утверждению невиданного ранее типа *тотального надзора*. «"Умные" телевизоры записывают разговоры хозяев, даже если они выключены, и отправляют данные в аналитические центры». «Канадцы обеспокоены тем, что их информация накапливается на серверах США». Собираемая информация о пользователях «без их уведомления» накапливается в глобальных цифровых структурах: Возник новый тип паноптика: «Вездесущий надзор собирает столько данных, сколько возможно, создавая цифровую версию всевидящего паноптика». В итоге возникла «система, которую лучше всего назвать *надзорным капитализмом*» [Mosco 2017: 20, 22 и др.].

Трудно не согласиться с тем, что цифровые технологии имеют побочные эффекты для культуры. В этом направлении ведут исследования и российские социологи, ратующие за «переоткрытие» социальной реальности и, соответственно, переориентацию предметной сферы социологии на проблематику жизни, гуманизма, ненамеренные последствия воздействия науки и техники на человека, общество, биосферу [Тощенко 2016; Яницкий 1918; Кравченко 2014a].

В-третьих, осуществляются *метаморфозы культурно обусловленной справедливости в цифровую несправедливость*. Исторически справедливость была обусловлена культурно-локальным контекстом, касалась характера взаимодействия людей. Однако ныне в представления о Добре и Зле, справедливости и несправедливости включаются технологические, экономические, цифровые и даже климатические факторы, оставляя в стороне их собственно культурную составляющую. Так, канадский социолог Е. Т. Дерангер в выступлении на пленарной сессии сделал акцент на сути «климатической справедливости в канадском контексте» [Deranger 2018: 89].

По мнению У. Х. Вандербурга, в представления о современной справедливости вмешались экономические мифы о капитале, прогрессе, работе и счастье, о «новой секулярной "душе" членов общества... Замещение культурного подхода на экономический положило начало реорганизации человеческой жизни и общества по образу машины (т. е. не-жизни)», что, по существу, привело к умалению культурно обусловленной справедливости и становлению цифровой несправедливости. Её появление и доминирование социолог связывает с развитием сложной «техники, изменяющей людей» и «растущей зависимости от интернета». Процессы цифровизации привнесли новые несправедливости в характер работы; в частности, работы не только вытесняют людей с их рабочих мест, но и минимизируют «культурные связи людей». Кроме того, возникли про-

Ныне в представления о Добре и Зле, справедливости и несправедливости включаются технологические, экономические, цифровые и даже климатические факторы, оставляя в стороне их собственно культурную составляющую.

блемы со «здоровой работой». «Островки» здоровой работы находятся в опасности, ибо поглощаются океаном нездоровой работы». Роботизация создаёт «систему, лишённую смысла, потому что долговременные траты и риски значительно перевешивают приобретения» [Vanderburg 2016: 142, 144–145 и др.]. В. Моско новые формы несправедливости видит в том, что «всё больше люди работают как ассистенты роботов и других умных средств». Массовая безработица становится «возможностью», ибо «живой труд, как Маркс называл его, ускоренно вытесняется мёртвым трудом машин». Никогда в истории «не было большей угрозы для существования рабочих мест и качества труда, чем та, что вызвана мёртвым трудом роботов и искусственным интеллектом». Более того, мозг и мышление человека обретают характер функционирования цифровой техники [Mosco 2017: 55, 177].

Особо отметим, что российские социологии ранее указывали на актуальность проблемы «нового прочтения» труда [Тощенко 2005; 2008]. Со своей стороны, мы раскрыли новые проявления несправедливости, обусловленные «нормальной аномией», возникновение которой в значительной степени обусловлено сциентизмом, формальным рационализмом, меркантилизмом, и наметили шаги по минимизации её последствий [Кравченко 2017b: 3–13]. Полагаем, после Конгресса проблематика несправедливостей, обусловленных цифровизацией техники и экономики, получит новый импульс развития.

Резюме

Итак, можно констатировать, что социологическая «стрела времени» вступает в новую фазу развития. Сегодня «устаревает» тренд развития наук, выражающийся в признании практически полной валидности *знания монодисциплинарных наук*. Настоятельно обосновывается необходимость развития *новой междисциплинарности*, имеющей культурный и гуманистический стержень. Метаморфозы, обусловленные цифровизацией социума, востребовали становление *цифровой социологии*. Заметим, преподавание курса «Цифровой социологии» введено в процесс подготовки социологов в МГИМО-Университете. Цифровизация в виде побочных эффектов негативно влияет и на биосферу. «Большинство вызовов нашей цивилизации проистекает из столкновений, с одной стороны, между “миром” машин, а с другой – человеческой жизнью, обществом и биосферой» [Vanderburg 2016: 16–17]. Несомненно, материалы XIX Всемирного социологического конгресса свидетельствуют о новых трендах социологической «стрелы времени», дают новый импульс исследованиям в их контексте.

Библиографический список

Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации. Монография / Под общей редакцией С. А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2018. 209 с.

Кравченко С. А. 2009. Динамика социологического мышления и воображения // Социологические исследования. № 8. С. 14–24.

Кравченко С. А. 2008. К итогам VIII Конференции Европейской социологической ассоциации: теоретические и методологические новации // Социологические исследования. № 2. С. 3–9.

Кравченко С. А. 2017а. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании // Социологические исследования. № 10. С. 3–14.

Кравченко С. А. 2015. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира // Социологические исследования. № 2. С. 29–38.

Кравченко С. А. 2014с. Новые риски еды: необходимость гуманистической биополитики // Полис. Политические исследования. № 5. С. 139–152.

Кравченко С. А. 2014b. Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования. № 5. С. 27–37.

Кравченко С. А. 2017b. Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии» // Социологические исследования. № 2. С. 3–13.

Кравченко С. А. 2011. Социология в движении к взаимодействию теоретико-методологических подходов // Социологические исследования. № 1. С. 11–18.

Кравченко С. А. 2014а. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика. № 1. С. 110–124.

Кравченко С. А., Перова А. Е. 2017. «Новый катастрофизм» и будущее: востребованность нелинейного знания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 17. № 4. С. 449–459.

Маркс К. 1960. Капитал. Том I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. М.: Политиздат. 908 с.

Пригожин И., Стенгерс И. 2000. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС. 312 с.

Тощенко Ж. Т. 2011. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа): Монография. М.: Новый Хронограф. 552 с.

Тощенко Ж. Т. 2016. Социология жизни. М.: Юнити-Дана. 399 с.

Тощенко Ж. Т. 2008. Социология труда. М.: Юнити-Дана. 423 с.

Тощенко Ж. Т. 2005. Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль. 333 с.

Тощенко Ж. Т. 2015. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.

Яницкий О. Н. 1918. Глобализация. Город. Человек. М.: ФНИСЦ. 177 с.

Beck U. 2007. Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes // The Risk Society and Beyond. / Ed. by B. Adam, U. Beck, J. van Loon. L.: Sage Publication. 231 p.

Beck U. 2016. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press. 223 p.

Beck U. 2010. World at Risk. Cambridge: Polity Press. 240 p.

Burawoy M. 2014. Welcome address by the President of the International Sociological Association // XVIII ISA World Congress of Sociology. 13–19 July 2014. Yokohama, Japan. P. 9.

Castells M. 2010. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell. 656 p.

Deranger E. T. 2018. Indigenous Peoples, Climate Change, and Climate Justice in the Canadian Context // XXI ISA World Congress of Sociology, Toronto, Canada, July 2018. P. 89.

Fuller S. 2008. The New Sociological Imagination. L.: SAGE. 231 p.

Han Sang-Jin. 2010. Individual Sovereignty, Confucian Challenge and Human rights Community: Why do we Need a New Sociological Imagination // Book of Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology. Gotheberg, Sweden: ProQuest. P. 191.

Hasegawa K. 2014. Welcome from the Chair of the Japanese Local Organizing Committee // XVIII ISA World Congress of Sociology. 13–19 July 2014. Yokohama, Japan. P. 17.

Mosco V. 2017. Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society. Bingley: Emerald Publishing Limited. 227 p.

Perrow Ch. 2011. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press. 432 p.

Sosa R. 2014. Welcome from ISA Vice-President for the Congress Program // XVIII ISA World Congress of Sociology. 13–19 July 2014. Yokohama, Japan. C. 12.

Vanderburg W. H. 2016. *Our Battle for the Human Spirit*. Toronto: University of Toronto Press. 421 p.

Vanderburg W. H. 2011. *Our War on Ourselves*. Toronto: University of Toronto Press. 400 p.

Wieviorka M. 2010. Welcome address by the President of the International Sociological Association // XVII World Congress of Sociology. Programme. Göteborg, Sweden. P. 15.

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.540

The Sociological “Arrow of Time” in the XXI Century: Innovations in Materials from Global Sociology Convention

Kravchenko Sergey Alexandrovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow.
E-mail: sociol7@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the tendencies for the development and complication of sociological knowledge within the context of the effects of the sociological “arrow of time”. With this in mind, theoretical innovations provided by materials from the XV-XIX Global sociological conventions are put to use. Each worldwide sociology forum stimulated the expansion and complication of sociology: there is an ongoing “rediscovery” of social reality occurring, which in itself indicates the relevance of sociological knowledge. The XV convention (Brisbane) stimulated the development of sociology by way of increasing various theoretical-methodological approaches towards studying society, which implies the integration and widespread use of achievements by other social and physical sciences. The XVI convention (Durban) was marked by an internationalizing of sociology, which was reflected in the latter attaining its polycentricity. The XVII convention (Gothenburg) defined the fact that transformation of sociological knowledge became dependent not necessarily on an accelerating, but rather on an ever more complicated dynamic inherent to society. The XVIII convention (Yokohama) highlighted the emergence of new social and cultural inequalities, which occurred due to certain side effects of the development of current global realities. The XIX convention (Toronto) accentuated the analysis of the side effects which occur due to human activity, which basically change the socio-cultural nature of power, violence and justice. Special attention was devoted to the fact that today the sociological “arrow of time” is aimed towards studying the involuntary consequences of the digitalization of society, scientific knowledge, as well as the rise of digital technology. Unprecedented issues have emerged, which have to do with power being concentrated in the hands of a few global IT companies. The newfound realities of a digital society radically change the relationship between people and digital machines: an individual’s socialization and reasoning become subjugated to the function of “smart” machines. However, most importantly, fundamentally new power structures are emerging, which are determined by the digital realm and represent a formidable force in economical and geopolitical conflicts, as well as control individual bodies and social relations. Sociologists see a path to overcome the recent challenges faced by modern civilization in a transition towards interdisciplinary knowledge with a cultural backbone. This requires a humanistic shift in the development of all sciences.

Keywords: sociological “arrow of time”, world congresses of sociology, side-effects, knowledge, digitalization of society, metamorphosis, interdisciplinarity, humanistic turn.

References

Beck U. *Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programms*. The Risk Society and Beyond. Ed. by B. Adam, U. Beck, J. van Loon. London, Sage publ., 2007. 231 p.

Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge, Polity Press, 2016. 223 p.

- Beck U. *World at Risk*. Cambridge, Polity Press, 2010. 240 p.
- Burawoy M. Welcome address by the President of the International Sociological Association. XVIII ISA World Congress of Sociology papers. Yokohama (Japan), 2014, pp. 9–11.
- Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. 1: *The Rise of the Network Society*. Second edition. Oxford, Wiley-Blackwell, 2010. 656 p.
- Deranger E. T. Indigenous Peoples, climate change, and climate justice in the Canadian context. XXI ISA World Congress of Sociology papers. Toronto, 2018, pp. 89–96.
- Fuller S. *The New Sociological Imagination*. London, SAGE publ., 2008. 231 p.
- Gumanisticheskiy povorot: imperativ chelovecheskoy civilizatsii [Humanistic turn: the imperative of human civilization]. Ed. by S. A. Kravchenko. Moscow, MSIIR publ., 2018. 209 p. (in Russ.).
- Han Sang-Jin. Individual sovereignty, confucian challenge and human rights community: Why do we need a new sociological imagination. Book of Abstracts of XVII ISA World Congress of Sociology. Gotheborg (Sweden), ProQuest, 2010, p. 191.
- Hasegawa K. Welcome from the Chair of the Japanese Local Organizing Committee. XVIII ISA World Congress of Sociology papers. Yokohama (Japan), 2014, p. 17.
- Kravchenko S. A. Dinamika sociologicheskogo myshleniya i vobrazheniya [The dynamics of sociological thinking and imagination]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2009, no 8, pp. 14–24 (in Russ.).
- Kravchenko S. A. K itogam VIII Konferencii Evropeyskoy sociologicheskoy associatsii: teoreticheskie i metodologicheskie novatsii [To the results of the VIII Conference of the European Sociological Association: theoretical and methodological innovations]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2008, no 2, pp. 3–9 (in Russ.).
- Kravchenko S. A. Metamorfozy: sushchnost', uslozhniayushchiesia tipy, mesto v sociologicheskoy znaniya [Metamorphosis: essence, complicated types, place in sociological knowledge]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017, no 10, pp. 3–14 (in Russ.).
- Kravchenko S. A. Mosty, soedinyayushchie vsevozmozhnye raskoly sociologii radi bolee ravnogo mira [Bridges connecting all sorts of splits of sociology for the sake of a more equal world]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, no 2, pp. 29–38 (in Russ.).
- Kravchenko S. A. Novye riski edy: neobhodimost' gumanisticheskoy biopolitiki [New food risks: the need for a humanistic biopolitics]. *Politicheskie issledovaniya*, 2014, no. 5, pp. 139–152 (in Russ.).
- Kravchenko S. A. Pereotkrytie social'noy real'nosti kak pokazatel' validnosti sotsiologicheskogo znaniya [Rediscovery of social reality as an indicator of the validity of sociological knowledge]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014, no 5, pp. 27–37 (in Russ.).
- Kravchenko S. A. Sosushchestvovanie riskofobii i riskofilii – proyavlenie «normal'noy anomii» [The coexistence of riskophobia and riskophilia – an expression of “normal anomie”]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017, no 2, pp. 3–13 (in Russ.).
- Kravchenko S. A. Sotsiologiya v dvizhenii k vzaimodeystviyu teoretiko-metodologicheskikh podhodov [Sociology in the movement to the interaction of theoretical and methodological approaches]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2011, no 1, pp. 11–18 (in Russ.).
- Kravchenko S. A. Strela vremeni: sovremennyye vyzovy sociologicheskoy znaniya [The arrow of time: modern challenges to sociological knowledge]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2014, no 1, pp. 110–124 (in Russ.).
- Kravchenko S. A., Perova A. E. «Noviy katastrofizizm» i budushchee: vstrebovannost' nelineynogo znaniya [«New catastrophism» and the future: the demand for non-linear knowledge]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 449–459 (in Russ.).
- Marx K. *Kapital* [Das Kapital]. Marx K., Engels F. Sochineniya, Second edition. Vol. 1. Moscow, Politizdat, 1960. 908 p. (in Russ.).

Mosco V. *Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society*. Bingley, Emerald Publishing Limited, 2017. 227 p.

Perrow Ch. *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial and Terrorist Disasters*. Princeton, Princeton University Press, 2011. 432 p.

Prigozhin I., Stengers I. *Poriadok iz khaosa. Noviy dialog cheloveka s prirodoy* [Order from chaos. New dialogue of human being with nature]. Moscow, 2000. 312 p. (in Russ.).

Sosa R. Welcome from ISA Vice-President for the Congress Program. XVIII ISA World Congress of Sociology papers. Yokohama (Japan), 2014, p. 12.

Toshchenko Zh. T. *Fantomy rossiyskogo obshchestva* [Phantoms of the Russian society]. Moscow, Centr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2015. 668 p. (in Russ.).

Toshchenko Zh. T. *Kentavr-problema (Opyt filosofskogo i sotsiologicheskogo analiza)* [Centaur-problem (Experience of philosophical and sociological analysis)]. Moscow, Noviy Khronograf, 2011. 552 p. (in Russ.).

Toshchenko Zh. T. *Sociologiya truda* [Sociology of Labor]. Moscow, Yuniti-Dana, 2008. 423 p. (in Russ.).

Toshchenko Zh. T. *Sotsiologiya truda: opyt novogo prochteniya* [Sociology of Labour: the new experience of reading]. Moscow, Mysl', 2005. 333 p. (in Russ.).

Toshchenko Zh. T. *Sotsiologiya zhizni* [Sociology of Life]. Moscow, Yuniti-Dana, 2016. 399 p. (in Russ.).

Vanderburg W. H. *Our Battle for the Human Spirit*. Toronto, University of Toronto Press, 2016. 421 p.

Vanderburg W. H. *Our War on Ourselves*. Toronto, University of Toronto Press, 2011. 400 p.

Wieviorka M. Welcome address by the President of the International Sociological Association. The Program of XVII World Congress of Sociology. Gøteborg (Sweden), 2010, p. 15.

Yanitsky O. N. *Globalizaciya. Gorod. Chelovek* [Globalization. City. Human being]. Moscow, FCTAS RAS publ., 2018. 177 p. (in Russ.).

Транзит, модернизация, и н н о в а ц и и

Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех»

Лапин Николай Иванович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, руководитель Центра, Институт философии РАН, Москва

E-mail: lapini31@mail.ru

Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех»

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542

Аннотация. Статья¹ представляет собой опыт участия автора в дискурсе о содержании, результатах и перспективах постсоветской трансформации российского общества. Автор предварительно излагает результаты исследований, выполненных с позиций антропосоциокультурного эволюционизма и критического гуманизма. Он предлагает следующие выводы: (1) Перестройка и самораспад СССР подготовили возможность новой эпохи России. Однако новые властные элиты навязали населению реверсивно-гетерогенный переход (гибридный транзит) к «капитализму для своих», который создал вопиющие контрасты богатства и нищеты населения, блокирует саморазвитие общества, создает риски существованию страны: устойчиво воспроизводятся, но не решаются одни и те же острые проблемы; возникли новые опасные проблемы и рискогенные цивилизационные вызовы. (2) Автор полагает, что к настоящему времени в основном исчерпан конструктивный потенциал гибридного транзита. Нарастает потребность в «модернизации для всех», или гуманистическая модернизация. Автор использует известные ему результаты российских учёных, а также свои собственные. Опираясь на них, он предлагает содержательные ориентиры, очерчивающие диапазон желательных изменений жизни всего населения к лучшему, обосновывает актуальность концепта «реальный гуманизм», целесообразность федеральной целевой программы «Становление Российской Федерации как сильного социального государства», а также новой интерпретации концепта «цивилизма», формирующегося в результате конвергенции посткапитализма и постсоциализма. Характеризует институты рефлексивного саморазвития, которые могут вытеснить вседозволенность отношений властных элит с населением цивилизованными нормами: равенство стартовых возможностей для всех, национальное имущество и частная собственность, социальное государство, социально ориентированное рыночное хозяйство, социальная справедливость, реальный гуманизм. Для формирования научно обоснованных подходов к решению новой совокупности проблем необходимы не только междисциплинарные, но и трандисциплинарные исследования с участием социологов, экономистов, правоведов, политологов, психологов, специалистов в области философии истории, синергетики, системных исследований.

Ключевые слова: критический гуманизм; антропосоциокультурная трансформация, реверсивно-гетерогенный переход (гибридный транзит), «капитализм для своих»; «модернизация для всех», социальное государство, реальный гуманизм

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (исследовательский грант № 18-011-00386: «Антропосоциокультурный эволюционизм как принцип изучения сложности становления нового российского общества и его региональных сообществ»).

Как известно, человек (антропос, homo sapiens) есть синергично сложное, биосоциокультурное существо, которое само создало себя своей деятельностью, направленной на природу и на других людей. В результате взаимодействий людей возникли их *антропосоциокультурные сообщества*, среди которых общество обладает максимальной самодостаточностью. Синтезируя в себе три паритетные универсалии (природные качества, культуру, социальность), человек обретает синергичные характеристики целостности и уникальности (как индивид, личность). Каждый человек как деятельное существо стремится сохранить и/или повысить уровень и качество своей жизни, своё положение (социальный *статус*) среди других людей. Основу такой возможности составляет *культура*, ядро которой образует способность человека, в отличие от других живых существ на Земле, своей продуктивной деятельностью не только удовлетворять свои природные потребности, но и создавать новые, социокультурные потребности и способы удовлетворять их, а по мере их удовлетворения – создавать новые (не всегда более высокие) потребности и т. д. Инновационные действия индивидов по мере их распространения (диффузии) приобретают групповое и общественное значение, становятся процессами *модернизации* жизнедеятельности общества, всей цивилизации. Результаты модернизации могут быть полезными всем членам общества (социальные отношения мутуализма или кооперации) *или*, в соответствии с разными групповыми интересами, оказываются выгодными одним слоям общества и наносят ущерб другим (отношения паразитаризма); в рамках такой альтернативы выбор зависит от культуры (*ценностей*) большинства населения и определяет характер институтов общества. *Саморазвитие* деятельности человека, его потребностей, способов и результатов их удовлетворения совершается спонтанно и организовано. Траектории саморазвития общества нелинейны; возникают синергично сложные проблемы, успешное решение которых невозможно путём простых решений.

При этом люди осуществляют три основных вида действий: а) уясняют (понимают) реалии своей жизни; б) соотносят их с базовыми ценностными ориентациями и конструируют (придумывают) желаемое изменение реалий к лучшему; в) обдумывают способы, технологии, которые делают возможным достижение желаемого состояния, учитывая содействия и противодействия других людей, влияние природных и иных факторов. Потребность в осмыслении реального состояния своей жизни и обдумывании способов существенных её изменений к лучшему повышается по мере стабилизации этого состояния и в связи с рубежными событиями в истории общества и жизни граждан страны, аккумуляции их экзистенциального опыта.

Люди осуществляют три основных вида действий: а) уясняют реалии своей жизни; б) соотносят их с базовыми ценностными ориентациями и конструируют желаемое изменение реалий к лучшему; в) обдумывают способы, которые делают возможным достижение желаемого состояния.

Минули 100 лет после Великой русско-российской революции 1917 г., в результате которой возник СССР, и почти тридцать лет после его самораспада. О 100-летию революции уже немало написано (хотя официально сказано крайне мало). Из новых публикаций назову книгу Института философии РАН «Революция, эволюция и диалог культур» [Революция... 2018]. Вместе с тем, возникла потребность в научном и общественном дискурсе: к чему пришла постсоветская Россия и какое состояние её граждан и всего российского общества желательно в ближней и среднесрочной перспективе? Сегодня он конкретизируется вопросом: «Достигнут ли фундаментальный или промежуточный результат постсоветской трансформации России?» Настоящая статья представляет собой опыт участия автора в таком дискурсе с позиций антропосоциокультурного эволюционизма и критического гуманизма [Лапин 2015; 2016; 2018a].

Самораспад СССР и возможность разных векторов постсоветской трансформации

Самораспаду СССР предшествовала попытка его *перестройки*. На начальных её этапах она была воспринята значительной частью советского общества «как долгожданное событие, как возможность реализации надежд поколений, ещё помнивших «оттепель» 50–60-х гг.» [Горшков, Петухов 2005: 375]. Действительно, её архитектор тут же вступил в «прямой диалог с народом». Широкие слои населения пришли в состояние эйфории – вдруг здесь и теперь **начнут сбываться исторические надежды** на существенные и справедливые изменения жизни к лучшему.

Но в речах «прорабов перестройки» было немало слишком общих рассуждений. Раздражала нерешительность и просто бездействие в отношении практических задач. Это было обусловлено не только личными качествами инициаторов перестройки, но и плохим знанием того общества, которое они решили перестроить (об этом незадолго до перестройки мужественно сказал Ю. В. Андропов), тем более – самих способов перестройки. Например, отсутствием достоверных представлений о рыночной экономике, переход к которой был декларирован как одно из направлений поставленной задачи. Перестройка началась и продолжилась при незнании реалий. Не только у её инициаторов, но и у большинства советских учёных – экономистов и других обществоведов – были довольно смутные представления о логике и способах перехода к рыночной экономике.

В речах «прорабов перестройки» было немало слишком общих рассуждений. Раздражала нерешительность и бездействие в отношении практических задач. Это было обусловлено не только личными качествами инициаторов перестройки, но и плохим знанием того общества.

Опираясь на собственный опыт, академик А. Д. Некипелов впоследствии констатировал: «Ключевые вопросы, касающиеся формирования у хозяйственных субъектов подлинно рыночной мотивации, создания институтов рыночной экономики, обеспечивающей переток факторов производства в наиболее прибыльные области, в сущности оставались вне поля зрения советской экономической науки» [Некипелов 2005: 180]. В 1986 г. была официально поставлена задача формирования «объединённого социалистического рынка» и стали обсуждаться вопросы широкого развития рыночных отношений между соцстранами, включая микроуровень – «прямые связи» между предприятиями разных стран. Однако, «осознав необходимость рынка, мы всё ещё очень поверхностно представляли себе его суть, а потому наши действия носили отрывочный, не комплексный характер и зачастую осуществлялись не в той последовательности. Результатом стало попадание страны в своеобразное «межсистемье» – уже не плановая социалистическая экономика, но ещё и не рыночная». А. Д. Некипелов писал: «... довольно быстро я пришёл к выводу, что ключ к успеху преобразований состоит в формировании подлинно рыночной мотивации у предприятий государственного сектора, а также в создании адекватных новым хозяйственным условиям институтов, обеспечивающих необходимое перемещение труда и капитала между различными видами производства... И в конце концов я понял, что институциональные преобразования, связанные с формированием мотивации производителей, соответствующей новым условиям, а также созданием рынков труда и капитала, следовало проводить по возможности быстро, а вот либерализацию многих сторон хозяйственной деятельности – постепенно, как бы дозируя действие рыночных сил» [Некипелов 2005: 184–185].

Действия лидеров перестройки в условиях плохого знания перестраиваемой реальности и способов её изменений рождали у людей новые разочарования и неуверенность, открывали новые лазейки вседозволенности. Среди части властных и интеллектуальных элит союзных республик культивировалась трактовка СССР не как федерального государства-цивилизации, а как «Российской империи», возникали и получали распространение сепаратистские настроения в союзных республиках Прибалтики, Украины, в РСФСР. Политические деятели советской России, прежде всего Б. Н. Ельцин, стали акцентировать «ущемлённость» формального статуса её партийной и иных структур по сравнению с другими республиками Союза ССР и добиваться независимости от центрального ядра партийно-командной системы. Первоначально неявные, эти действия не получили противодействия, адекватного высокой сложности проблем, и быстро переросли в открытое противодействие союзной государственности.

Самораспад СССР произошёл буднично, даже цинично-прагматично. После провала августовского путча 1991 г., в сентябре самораспустился Съезд народных депутатов СССР. В октябре–начале ноября Ельцин подписал три указа, запретившие КПСС в РСФСР. 1 декабря 1991 г. Украина на референдуме высказалась за независимость. Б. Н. Ельцин от имени руководства России заявил о признании независимости Украины. 4 декабря на встрече с российскими депутатами Верховного Совета СССР Г. Бурбулис сообщил: «В субботу (8 декабря) мы выезжаем в Беларусь, где намерены подписать ряд соглашений» [Эпоха... 2011: 181]. Но умолчал, что в этом «ряду» есть проект соглашения президентов трёх славянских республик о том, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает своё существование». Вместо этой реальности было предложено создать Содружество Независимых государств – СНГ. Ельцин сразу же сообщил об этом Президенту США Бушу, а Президент СССР узнал о соглашении глав трёх республик через два дня от Шушкевича как главы страны-депозитария документа. Попытки Горбачёва бескровно спасти распадающийся Союз¹ оказались безрезультатными, и он заявил, что слагает с себя обязанности Президента. 12 декабря российский Верховный Совет подавляющим большинством голосов ратифицировал Беловежское соглашение и попутно по-новому назвал возникшее независимое государство: «Российская Федерация (Россия)». Другие республики также стали высказываться в пользу СНГ; на встрече в Алма-Ате 11 независимых государств учредили это Содружество. Все республики бывшего СССР обрели независимость *без потерь*, кроме исторически большой России, для которой этот акт означал крупнейший её *самораспад*.

Затем на съездах народных депутатов России развернулись бурные противостояния президента Б. Н. Ельцина и депутатов о законодательном оформлении государственного устройства независимой России, т. е. о внесении изменений в действовавшую Конституцию РСФСР о функциях органов законодательной и исполнительной власти, о переходе к рыночной экономике и другим вопросам. Впечатляющим итогом непримиримых противостояний стал свершившийся 3–4 октября 1993 г. факт беспощадной вседозволенности новых властных элит по отношению к оппозиции – *расстрел Белого дома*, в котором находились сопротивлявшиеся депутаты во главе с Р. Хазбулатовым, А. Руцким и некоторыми генералами, которые в свою очередь заявили об отстранении Б. Ельцина и предпринимали попытки вооружённого захвата президентской власти.

¹ Обсуждалась идея чрезвычайного Съезда союзных депутатов СССР, открытие которого предполагалось в Москве 25 декабря 1991 г. [Эпоха... 2011: 182], но формально съезд уже самораспустился.

Тем не менее, при всех противоречиях и катастрофном для СССР исходе, результаты перестройки создали возможность вступления России в новую эпоху – эпоху трансформации из прежнего, послеордынского (а не только советского) состояния¹ в качественное иное. По большому счёту, всматриваясь не в советское и досоветское прошлое, а в российское будущее, перестройку можно считать не только завершающим этапом существования страны Советов, но и подготовительной фазой её трансформации в новое состояние. Какой могла быть эта трансформация?

Один из первых и наиболее радикальных диагнозов предложил Б. А. Грушин. В статье «Смена цивилизаций?», опубликованной в последнем номере 1991 г. журнала «Свободная мысль», заменившего «Коммунист», он писал: «Главный корень всех совершённых реформаторами ошибок, всех их неудач – вопиющее несоответствие предлагаемых ими стратегий поведения действительным характеристикам той социальной материи, которая называется советским обществом образца 1917–91 гг.». Под реформаторами он имел в виду «прорабов перестройки» и иных активных её участников, которые не понимали, что «суть дела тогда заключалась в том, что общество, претенциозно связавшее себя с новой («высшей!») в истории человечества – так называемой социалистической – цивилизацией, к этому времени *полностью исчерпало себя как определённый тип человеческого общежития*, проиграв большинству иных цивилизаций по таким важнейшим показателям, как эффективность производства, уровень народного благосостояния, степень свободы личности, и тем самым обнаружив перед лицом всего мира свою всестороннюю историческую несостоятельность» [Грушин 1991: 27, 29].

Заканчивал Б. А. Грушин свою статью словами: «Что же касается последнего сформулированного мною вопроса относительно *основного направления*, главного вектора начавшихся в стране изменений, то он, на мой взгляд, не имеет пока однозначного ответа... Лишь в терминах теории вероятности следует оценивать ныне и возможности достижения любых, более конкретных целей... Какие из этих целей на самом деле будут достигнуты, реализованы, а какие так и останутся лишь «на бумаге» – покажет будущее». [Грушин 1991: 35, 36].

Этот вывод социолога находился в русле ранее высказанных размышлений его друга-философа М. К. Мамардашвили относительно антропологической катастрофы в СССР².

¹ Характеристика послеордынского состояния России не входит в задачи настоящей статьи.

² В первой половине 80-х гг. Мамардашвили говорил о «скрытой от глаз... антропологической катастрофе» и пояснял: «Система, называемая монополией, стоит вне цивилизации, так как разрушает само её тело, порождая тотальное опустошение человеческого мира» [Мамардашвили 1990].

Продолжением этих размышлений я считаю проект их единомышленника, философа и социолога Ю. А. Левады (в его ВЦИОМе) о социально-антропологических характеристиках советского и постсоветского человека [Левада 2006]. Вместе с тем большинство отечественных социологов, изучавших проблемы и перспективы макросоциальных (социетальных) преобразований в постсоветской России с гуманистических позиций, стали использовать термин «трансформация». В отличие от термина «модернизация», который активно использовали прагматично ориентированные экономисты¹.

Аргументы в пользу трансформации исходили от Т. И. Заславской и В. А. Ядова: в сравнении с модернизацией, трансформация не предполагает определённой цели и осуществляется преимущественно спонтанно, а это как раз и было характерным для радикальных социально-экономических преобразований, которые российские либералы осуществляли под флагом «рыночных реформ» [Заславская 2002; Ядов 2006]. Я вначале характеризовал эти процессы как социокультурную реформацию, а затем, при работе над книгой «Пути России», принял термин «социокультурная трансформация» [Лапин 2000]. Действительно, термин «трансформация» оставлял теоретически открытым вопрос о *векторе* осуществляемых преобразований (на его открытость ещё надеялись гуманистически ориентированные социологи и иные обществоведы, хотя для неолиберальных организаторов постсоветских преобразований этот вопрос быстро стал ясным – вектором должен быть и становится капитализм, но открыто говорить об этом решались немногие).

Вектор радикальной трансформации стал центром внимания международного симпозиума на тему «Куда идёт Россия?..». Он ежегодно проходил в Интерцентре (Междисциплинарном академическом центре социальных наук) и стал своего рода интеллектуальным мониторингом российских преобразований. В 1993–2003 гг. состоялись 10 симпозиумов. Достаточно устойчивый состав их участников консолидировался в неформальное дискурс-сообщество профессионалов в области социально-экономических наук, которое выступало как значимый интеллектуальный компонент гражданского общества в новой России.

Инициатором и организатором симпозиумов была академик Т. И. Заславская. Первые два симпозиума имели подзаголовок «Альтернативы общественного развития». Первый из них состоялся 17–19 декабря 1993 г., немногим более чем через два месяца после драматичных событий 3–4 октября

¹ Им противостояли многие «экономисты-академики», настаивавшие на необходимости гуманистических реформ в экономике (см.: [Гуманистические ориентиры... 2002]). О конструктивной позиции академика Д. С. Львова и его коллег я ниже скажу отдельно.

и через неделю после всенародного одобрения Конституции Российской Федерации и неожиданных результатов выборов Федерального Собрания (12 декабря). Открывая симпозиум, Заславская подчеркнула переломный характер переживаемого этапа российской истории: «В настоящее время Россия находится на развилке исторического пути, в «точке неопределённости», откуда могут быть проложены принципиально разные траектории». Будет ли новый этап «разумным и эффективным или самоубийственным, разрушительным? Этого пока не знает никто» [Заславская 1994: 4].

Через 10 лет, подводя итоги, она так резюмировала научно-гражданские смыслы радикальных реформ 90-х гг., выявленные участниками симпозиума: «В итоге сегодня мы имеем социально расколотое общество со слабо развитым средним слоем и депривированной, в значительной мере люмпенизированной основной массой граждан... На одном полюсе общества сосредоточился класс наёмных работников, практически лишённых частной собственности, а на другом – класс собственников и распорядителей капитала как самовозрастающей собственности... Чтобы *переломить* эту тенденцию, добиться гармонизации социальной структуры и эффективного использования сохранившегося человеческого потенциала, есть только одно средство – осуществить *новый, социально ориентированный цикл институциональных и структурных реформ*... Речь идёт о социально-демократических реформах» [Заславская 2003: 395, 396].

Проблема выбора вектора постсоветских преобразований была в центре внимания не только социологов, но и философов, политологов, правоведов, экономистов. Среди правоведов она ещё с перестроечных времён глубоко волновала выдающегося теоретика, историка и философа права В. С. Нерсисянца. К 2000 г., к рубежу тысячелетий, в контексте запроса властей на «национальную идею» и в самый разгар дискуссий на симпозиуме «Куда идет Россия?..», он подытожил свои поиски в виде «Манифеста о цивилизме». В первом его разделе «Социализм и постсоциализм» он выделил жирным шрифтом суть проблемы, возникшей в условиях радикальной смены двухполюсного миропорядка на однополюсный: «Глобальное значение в этой связи приобретает проблема постсоциализма. Характер постсоциализма во многом определит направление развития последующей истории... Если социализм – это историческая ошибка, то капитализм оказывается концом всемирной истории, и после социализма надо возвращаться к капитализму... Если же социализм, несмотря на связанное с ним зло, – не историческая ошибка, тогда у социализма должна быть своя (иная, чем капитализм) будущность и, следовательно, ошибочным в таком случае является представление о возврате к капитализму... Определяющее значение для

общества с социалистическим прошлым и, как оказалось, без коммунистического будущего имеет надлежащее **правовое преобразование социалистической собственности в индивидуализированную собственность всех членов общества**» [Нерсисянц 2000: 1–4]. И далее: «С позиций права все граждане – наследники социалистической собственности в равной мере и с равным правом... **Новый, постсоциалистический строй** с такой гражданской (цивильной, цивилитарной) собственностью и соответствующим цивилитарным правом можно в отличие от капитализма и социализма назвать **цивилизмом, цивилитарным строем** (от латинского слова *civilis* – гражданский)» [Нерсисянц 2000: 21–22].

Призыв выдающегося правоведа-гражданина не получил общественного резонанса. Но сами учёные затем избрали автора манифеста, член-корреспондента РАН действительным членом, академиком РАН.

Интенсивный поиск оптимального вектора экономического устройства постсоветской России вели в 1990-е гг. гуманистически ориентированные экономисты, работавшие преимущественно в научных учреждениях РАН. Широкую известность получили результаты исследований под руководством академика Д. С. Львова. В них обоснована **концепция национального имущества** и система управления им в интересах **всех членов общества**. Подытоживая многие публикации, Д. С. Львов в **тысячелетне-рубежном (2000-м) году** представил результаты широкой общественности в виде «Экономического манифеста» [Львов 2000], а в феврале 2002 г. – как научный доклад на заседании Президиума РАН [Львов 2002]. В развёрнутом виде аргументация содержится в подготовленных под его руководством коллективных монографиях «Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики)» 1999 г и «Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы» [Львов, Поршневу 2002].

Как автор одного из подразделов второй монографии, я обращаю внимание читателей на её третью главу (в ней нет моего авторства), в которой дан анализ институциональных факторов – сердцевины радикальных социально-экономических преобразований, и прежде всего на подраздел 3.3. «Концептуальные основы стратегии развития отношений собственности в России» (автор – д.э.н. В. Г. Гребенников). Здесь лаконично и чётко, доступным для неэкономистов языком представлена политэкономическая суть соотношения категорий «собственность» и «собственник», отличающаяся от популярного марксистского его понимания, воспринятого из «Капитала». В действительности излагаемая концепция восходит к тому осмыслению высокой

сложности соотношения названных категорий, которое имплицитно содержится в «Экономическо-философских рукописях» К. Маркса 1844 г.

Чтобы представить позицию аутентично, придётся дать слово автору цитируемой работы. «О собственности написано немало... Динамика требует связать генезис собственника с реальным экономическим процессом... Что собственность появляется в ходе присвоения – общеизвестно. Противоположное действие – отчуждение. Однако функциональное значение присвоения–отчуждения должно быть определено теперь более строго, чем это делалось до сих пор... Обычно присвоение толкуют как знаковое действие, некий юридический акт, что, безусловно, сужает представление об экономической роли собственника... Гипотеза о реальном включении, об интеграции в экономическую систему предполагает более широкий взгляд на проблему. Функции собственника расширяются до категории управления имуществом... Рядом с собственником возвышается не менее тщательно и выразительно выписанная фигура предпринимателя...

Однако, как это часто бывает в экономике, внутриличностное противоречие между собственником и предпринимателем со временем принимает вид противостояния и сотрудничества самостоятельных хозяйственных персонажей, т. е. собственник и предприниматель выступают как разные лица. Дело в том, что присвоение перестаёт быть единственным способом включения в систему. Наряду с этим появляются аренда и кредит... Ещё более усложняется и обостряется ситуация в связи с формированием фиктивного капитала – акций и облигаций, а также разделением экономики на два сектора – реальный и финансовый... *Происходит удвоение собственности.*

В тандеме предприниматель–собственник позиции собственника оказываются значительно ослабленными по сравнению с моделью аренды или денежной ссуды. Ослаблены и общественные функции защиты собственности. Собственник фиктивного капитала (в отличие от собственника-предпринимателя) лишён реального контроля и ориентирован целиком на фондовую биржу. У контролирующей группы появляется возможность манипулирования доходами, в ходе которого сохранение собственности уже не является граничным условием. Более того, превращая собственность в доход (т. е. просто-напросто расхищая её), манипулятор в состоянии вести игру на повышение финансовой стоимости фирмы, поскольку котировка акций учитывает именно динамику распределяемого дохода. В обществе возникает аберрация сознания: наблюдая расхищение собственности, оно видит в этом увеличение богатства. И дело здесь, конечно, не в эффекте «пирамиды».

Эффект «ножниц» между фиктивным и реальным капиталом неуклонно усиливается от десятилетия к десятилетию» [Гребенников 2002: 204–206].

Близкая позиция изложена во второй главе той же коллективной монографии. Глава называется «Уроки», а её первый подраздел – «От аномальной экономики к эффективному рыночному хозяйству» (автор – академик А. Д. Некипелов). Предпочитаю также воспроизвести интересующую меня позицию словами её автора: «Есть обстоятельства, которые заставляют усомниться, что мы имеем дело с более или менее нормальной рыночной экономикой. Налицо невиданный разрыв между финансовой и производственной сферами... Бюджетный дефицит держался на высоком уровне не потому, что сохранялись недопустимо высокие расходы, а потому, что снижение расходов сопровождалось ещё более быстрым падением доходов бюджета. На мой взгляд, эти и другие подобного рода явления свидетельствуют о том, что *в России сформировалась квазирыночная хозяйственная система, функционирующая по законам, весьма существенно отличающимся от законов нормальной рыночной экономики*» [Некипелов 2002: 114–115] (Здесь и далее курсив автора статьи – Н. Л.).

Далее автор пояснил: «Практика российских реформ свидетельствует, что проблема рыночной экономики не решается автоматически с приватизацией государственной собственности, по крайней мере такой приватизацией, какая была проведена в России... Дело в том, что цели, преследуемые хозяйственным субъектом, непосредственно зависят не от формы собственности, а от прав собственности, т. е. от характера взаимоотношений, складывающихся прежде всего между собственниками капитала и управляющими предприятий... В применявшейся у нас модели приватизации имелся целый ряд элементов, способствовавших формированию на крупных и средних предприятиях нерациональной системы корпоративного управления...

Убеждён, что *деформация прав собственности – это не частный дефект российской хозяйственной системы, а фактор, имеющий системный характер*; именно он определяет в конечном счёте всю специфику функционирования нашей экономики.

Из уже сказанного ясно, что при отсутствии эффективного контроля всех собственников капитала над деятельностью предприятия последнее превращается из объекта приложения созидательных усилий в объект примитивного растаскивания со стороны менеджмента и/или отдельных акционеров. Механизм такого растаскивания приобретает форму рыночных сделок, в обслуживание которых вовлекается финансовая сфера. Процентная ставка начинает формироваться не под воздействием спроса на капитал, необходимый для

Деформация прав собственности – это не частный дефект российской хозяйственной системы, а фактор, имеющий системный характер; именно он определяет в конечном счёте всю специфику функционирования нашей экономики.

созидательной деятельности, а под влиянием спроса на кредиты, применяемые в многообразных схемах увода капитала с предприятий. Здесь следует искать глубинные корни отрыва финансовой сферы от реальной экономики, удивительного на первый взгляд несоответствия между отдачей инвестиций в реальном секторе экономики и процентной ставкой» [Некипелов 2002: 116–117].

«Из изложенной версии деформации российской хозяйственной системы следует, что для её перевода в режим нормального рыночного функционирования *необходимо прежде всего внести коррективы в права собственности, обеспечивающие ориентацию предприятий на максимизацию прибыли в краткосрочном плане и чистой стоимости фирмы – в долгосрочном*. Важной составной частью этой задачи является формирование эффективного механизма управления (включая приватизацию) государственными активами...

Наш анализ свидетельствует, что в результате серьёзных ошибок, допущенных в ходе так называемых радикальных реформ, в России возникла крайне нерациональная хозяйственная система, функционирование которой качественным образом отличается от функционирования нормальной рыночной экономики. В этих условиях надеяться на то, что стандартные для рыночной системы меры экономической политики, снятие сохранившихся ограничений свободы хозяйственной деятельности, а также частные «структурные реформы» способны нормализовать ситуацию, значит заниматься самообманом...

Таким образом, водораздел между двумя основными подходами к экономической стратегии проходит не по линии «сторонники – противники прогресса рыночных реформ». В рамках сформировавшейся хозяйственной системы простое расширение экономической свободы не в состоянии перевести экономику в нормальный рыночный режим функционирования; точно также в этих условиях невозможно добиться действительности государственного регулирования. Единственная разумная альтернатива состоит, на мой взгляд, в том, чтобы, *«реализуя меры по переводу экономики в подлинно рыночный режим функционирования, одновременно вводить в действие отвечающие общественным предпочтениям инструменты пассивной и активной социальной и промышленной политики»* [Некипелов 2002: 118–119].

На мой взгляд, изложенная профессиональными экономистами концепция раскрывает основания феномена финансирования экономики, о котором я скажу ниже, и заслуживает того, чтобы, наконец, быть понятой лицами, принимающими стратегические решения в России. Она может быть положена в основу того перспективного образа институционального строения российской экономики, который кратко представлен в цитированной монографии. Это трёхсекторная структура,

составляющая основу концепции управления национальным имуществом, которую хотел довести до сознания российских властей академик Львов. Чтобы быть услышанным, он концентрировал внимание на необходимости налогового изъятия *природной ренты, которая составляет около половины национального дохода страны*, из карманов владельцев фиктивных капиталов в пользу всего населения. Но власти не захотели его услышать.

Неолибералы, утвердившиеся в экономическом блоке правительства России и поддерживаемые прагматически ориентированными экономистами в созданных правительством центрах, не придавали серьёзного значения дискуссиям и выводам «академиков». Для них было важно иное: не бедствия широких слоёв населения («совки того заслужили»), а практические вопросы-задачи: каким образом осуществить *переход (transit) России к капитализму?*

Инициаторы постсоветских реформ были ещё меньше подготовлены к ответам на эти вопросы, чем прорабы перестройки – на её исторические вопросы. Наиболее подготовленные из них надеялись на теоретические представления, почерпнутые из западных «экономикс»-учебников. Они полностью доверяли рекомендациям Международного валютного фонда (МВФ) и обязались следовать правилам «вашингтонского консенсуса». Тем более что за их выполнение МВФ выделял правительству России долларовые кредиты (не столь значительные по сравнению с необходимыми, но ощутимые для кошельков отдельных получателей).

Альтернативные рекомендации российских и зарубежных экспертов оставались без внимания, многие вовсе не рассматривались. Как вспоминают ближайшие помощники и советники Б. Н. Ельцина, сразу же после объявления о рыночных реформах, принятых правительством Ельцина по предложениям Е. Т. Гайдара, их катастрофическими последствиями «президента пугали со всех сторон: коммунисты, директора заводов, бывшие друзья из стана демократов, лоббисты военно-промышленного комплекса, руководство силовых структур. Заметно оживилась и группа экономистов-академиков из бывшего окружения Горбачёва... В августе 1992 г. Институт социально-политических исследований Российской академии наук, руководимый Г. Осиповым, подготовил аналитический доклад «О социально-политической ситуации в России по итогам первого полугодия 1992 г.» ... Весь доклад был пронизан политическим и социальным пессимизмом». «Доклад «академиков» был воспринят помощниками президента однозначно критически – как стремление повернуть реформы в замедленное русло». В таком ключе помощники подготовили дайджест доклада для Ельцина [Эпоха... 2011: 219–220].

Среди альтернативных вариантов, предлагавшихся *зарубежными* экспертами, весьма авторитетными были рекомендации группы независимых экспертов, которая включала учёных с мировым именем. Она возникла в марте–апреле 1992 г. по инициативе профессора Мануэля Кастельса (Испания/США), провела интенсивные дискуссии с членами российского правительства (Е. Т. Гайдаром, Г. Э. Бурбулисом, А. Н. Шохиним). В её итоговом докладе, направленном правительству, содержались такие оценки: «Резюмируя всё сказанное, мы утверждаем, что существующая концепция массовой приватизации является главной ошибкой, которую Россия может совершить в ближайший год реформ»; выполнение государством комплекса своих функций «возможно только тогда, если само государство сумеет убедить себя в том, что его главной задачей является сбор налогов и их эффективное использование для обеспечения общественных услуг и осуществления инвестиций, а не примитивное обогащение через владение ненужными активами. В противном случае правительство долго не просуществует» [Отчёт... 2010: 3–18]. От правительства России не последовало ответа, а текст доклада был опубликован почти через 20 лет профессором О. И. Шкаратаном, который прежде, в качестве советника правительства РФ, содействовал работе этой инициативной группы.

Реверсивно-гетерогенный переход (гибридный транзит) к «капитализму для своих», с 1992 г.

Как вскоре выяснилось, фактически постсоветская Россия осуществляла *переход-transit* не к новому для неё типу общества, а к уже существовавшему со второй половины XIX в., но 100 лет назад погубленному буржуазному обществу. Это стал *возврат (реверсия) к своему*, но утраченному прошлому, которое воспринималось в упаковке *современных западных* институтов, т. е. возврат имел *гетерогенное* (и «своё», и «чужое») происхождение. Поэтому вернее будет назвать этот *гибридный* процесс *реверсивно-гетерогенным переходом* или *гибридным транзитом*. Напомню, что трансформация – более широкое понятие, нежели транзит; она может иметь несколько разных векторов, а после исчерпания потенциала транзита может нелинейно эволюционировать от одного вектора к другому уже иными способами. Об этом пойдёт речь в следующих разделах статьи. Но прежде уточню своё понимание стадий гибридного транзита.

Фактически постсоветская Россия осуществляла *переход-transit* не к новому для неё типу общества, а к уже существовавшему со второй половины XIX в., но 100 лет назад погубленному буржуазному обществу.

Радикальный транзит, 1990-е годы

Первая стадия гибридного транзита, последовавшая за перестройкой, была реализована по-большевистски радикально: как безжалостная вседозволенность новых властных элит по отношению к населению «этой страны». Её основу составила революционно-хаотичная приватизация, результатом которой стал «бандитский капитализм» (термин, используемый не только российскими, но и западными экспертами).

Эйфория внезапной победы радикальных реформаторов над прорабами перестройки вселяла в них уверенность, что капиталистическую рыночную экономику можно построить в постсоветской России «с нуля», импортировав институты западных стран, прежде всего США. Правовое обеспечение рыночных реформ виделось прежде всего в том, чтобы принять законы, которые легализуют создание институтов, соответствующих западным. В коллективном докладе руководства ГУ ВШЭ, который открывал её апрельскую конференцию 2005 г., с полным знанием дела отмечено: «Создание стимулов и механизмов конкуренции было одной из главных целей реформ во всех странах с переходной экономикой. Для российских реформаторов и их западных советников в начале 1990-х гг. был характерен расчёт на то, что конкуренция будет привнесена вместе с внедрением рыночных механизмов и демократических институтов. При этом ставка была сделана на политику импорта институтов с ориентацией на «лучшие образцы», характерные для наиболее развитых стран. Однако на практике мы столкнулись с серьёзными проблемами приживаемости таких институтов. Поскольку реформы в подавляющем числе случаев сводились к принятию пакета нормативных актов, соответствующие практики экономических акторов не изучались и не корректировались. Реформы шли (и до сих пор идут) «от закона до закона», не обращая внимания на то, что происходит их систематическое игнорирование либо оппортунистическое использование экономическими акторами...» [Кузьминов и др. 2005: 11, 60, 61].

Негативные результаты этих действий хорошо известны. Интересующихся могут адресовать к книге академика Н. Я. Петракова «Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней» [Петраков 1998]. Возникшее вопиющее материально-экономическое неравенство аргументированно обобщил в одной из недавних публикаций ординарный профессор НИУ ВШЭ О. И. Шкаратан [Шкаратан 2018].

Доведя в 1998 г. экономику страны до дефолта, неолибералы сменили стратегию радикального гибридного транзита на тактику эволюционной его модернизации или рационализации.

Модернизация гибридного транзита, с 1999 г.

Вторая стадия реверсивно-гетерогенного транзита началась после кризисного дефолта и стала эволюционной модернизацией гибридного транзита. Она стабилизировала хаотические результаты первой стадии и продолжает *рационализировать* их, адаптируя институты развитых стран Запада к российским условиям.

Напомню понимание М. Вебером содержания **рациональности** как предпосылки самовозникавшего капитализма и создававшегося им общества, его нового качества – **модерна**: «Самой общей предпосылкой этого новейшего капитализма является рациональный расчёт капитала как норма для всех крупных промышленных предприятий, работающих на удовлетворение повседневных потребностей. Дальнейшими предпосылками являются: 1) *Присвоение автономными частными промышленными предприятиями свободной собственности на вещные средства производства* (землю, приборы, машины, орудия и т. п.). 2) *Вольный рынок*, т. е. свобода рынка от нерациональных стеснений обмена. 3) *Рациональная*, т. е. строго рассчитанная и поэтому механизированная *техника* как производства, так и обмена, причём не только в области издержек выработки, но и в области обращения благ. 4) *Рациональное*, т. е. твёрдо установленное право. 5) *Свободный труд*, т. е. наличие таких людей, которые не только имеют право свободно продавать на рынке свою рабочую силу, но и экономически принуждены к этому. 6) *Коммерческая организация хозяйства*, под которой здесь разумеется широкое применение ценных бумаг для установления прав участия в предприятиях и прав на имущество, словом: возможность исключительной ориентировки при покрытии потребностей на рыночный спрос и доходность предприятия» [Вебер 2001: 255–256].

Следует подчеркнуть, что Вебер дал характеристику **честной частной рационализации**, которая в принципе может согласовываться с интересами общества, основанного на капиталистической экономике. Об этом свидетельствует и его акцент на роли протестантской этики в возникновении капитализма. Но возможна и **иная рационализация** – **приватная**, абсолютизирующая личные интересы, достигаемые любой ценой, в том числе антиобщественными, криминальными способами, т. е. **лукавая**.

Возникает вопрос: *какой характер приобрела рационализация гибридного транзита на второй его стадии? В какой мере она была честной частной и в какой – лукавой приватной?*

В настоящей статье нет возможности обстоятельно ответить на этот вопрос. Но можно предположить, что ответ будет не однозначным: «или – или», а тоже гибридным: «и то, и другое».

О содержании российской модернизации-рационализации гибридного транзита можно судить по упомянутым ежегодным, «апрельским» конференциям ГУ(НИУ) ВШЭ, которые проводятся под председательством профессора Е. Г. Ясина с рубежного 2000-го года. Напомню: в этом году были опубликованы правовой и экономической «манифесты» учёных РАН, регулярно публиковались материалы симпозиумов «Куда идёт Россия?..». Можно было ожидать, что позиции «академиков» будут предметом обсуждений на конференциях ГУ ВШЭ. Но этого не произошло. Представленные выше позиции почти не упоминались, а их аргументация не рассматривалась на конференциях. Редко встречался там и термин «трансформация», но широко использовался термин «модернизация». Внимание сосредоточивалось на прагматичных способах повышения эффективности рыночных институтов, предлагаемых правительством и легализуемых Федеральным собранием и президентом страны. С 2003 г., когда закончились симпозиумы «Куда идёт Россия?..», несколько конференций ГУ ВШЭ были посвящены теме «Модернизация экономики России». Основным конструктивным направлением развития модернизации стала идея *выращивания институтов рыночной экономики*. Она предполагала два способа направленных изменений: «облагораживание существующих институциональных образцов» и «культивирование новых образцов» [Кузьминов и др. 2005: 60, 61].

Вместе с тем тематика конференций логично расширялась. Основной темой 8-й конференции (2007 г.) стала «Модернизация экономики и общественное развитие». Наряду с экономистами, в ней более активно участвовали социологи и специалисты других областей социальных наук. Её материалы опубликованы в трёх книгах. Конференцию открыл большой доклад Е. Г. Ясина «Модернизация и общество», который был роздан участникам и представлен автором в кратком устном сообщении. В контексте эволюции пяти цивилизаций он охарактеризовал 7 условий перехода к инновационной экономике, а также институциональные изменения, необходимые для их создания, и пришёл к выводу: по многим объективным условиям Россия среди стран БРИКС более всех готова начать переход к инновационной экономике, но этому препятствуют консервативные ценности и ухудшающееся состояние демократизации институтов [Ясин 2007: 9–99, 160–174].

В 2011 г., в связи с участием в подготовке государственной «Стратегии 2020», Е. Г. Ясин предварительно опубликовал свою независимую позицию в небольшой книге о сце-

нариях развития России на долгосрочную перспективу. Её открывал лаконичный раздел «Основные развилки развития России». Вот основные его положения:

«... Только со времён перестройки пройдено три развилки исключительной важности...

1. *Демократизация или империя*: выбор сделан М. С. Горбачёвым, в итоге распался СССР;

2. *Централизованное планирование или рыночная экономика*: выбор сделан Б. Н. Ельциным, и в итоге либеральных реформ мы имеем рыночную экономику. Не такую эффективную, как хотелось бы, но работающую;

3. *Бюрократия или олигархия*: выбор сделан В. В. Путиным... В результате победила бюрократия...

А все мы стоим перед четвёртой развилкой: *модернизация сверху (авторитарная) или снизу (демократическая)*.

Окончательный выбор ещё не сделан» [Ясин 2011: 5].

Далее автор, используя игровые модели процесса формирования культуры как совокупности социальных норм, приведённые профессором Принстонского университета (США) Э. Маскиным на симпозиуме ГУ ВШЭ (2010 г.), сформировал три сценария, которые он оценивает не как прогнозы, а как размышления о возможных будущих процессах и событиях на перспективу 2010–50 гг.

1. *Инерционный сценарий*, или модернизация сверху, без заметных институциональных изменений. Реализуется после кризиса 2008–09 гг. «Этот сценарий означает, что серьёзная модернизация не получится».

2. «С какого-то момента, например, с 2018 г., в силу того или иного стечения обстоятельств движение по инерции переходит на траекторию *модернизации снизу с постепенным развитием*». Происходят преобразования, в том числе входящие в пакет либеральной демократии... Происходит также масштабная приватизация, и в итоге доля госсектора сокращается с 50 до 15–20%». Переход растягивается на 4–5 лет.

3. *Пессимистический* сценарий допускает неблагоприятные события: снижение цен на нефть, отток капиталов и др. [Ясин 2011: 39–44].

В «Заключении» автор так фиксировал свою позицию: «... Два обрисованных альтернативных сценария («модернизация сверху» и «модернизация снизу – постепенное развитие») являются, на мой взгляд, наилучшей основой для выбора политики... В действительности вероятнее всего развитие пойдёт между этими альтернативными сценариями... Моё глубокое убеждение – сценарий постепенной модернизации с отложенной демократизацией близок к оптимальному с точки зрения национальных интересов» [Ясин 2011: 45–46].

На мой взгляд, это – реалистично смягчённые варианты *продолжения модернизации гибридного транзита*, как они виделись в условиях до 2012 г. Фактически же в настоящее время не реализуется сценарий 1, поскольку отсутствует модернизация сверху и возникли неблагоприятные условия, толкающие к сценарию 3. Вместе с тем исподволь реализуется сценарий 2 – происходит замедленная модернизация снизу, но в ином варианте: модернизация мотивируется потребностями бизнеса на уровне фирм, предприятий, но без демократизации, т. е. при ограничениях возможностей бизнеса удовлетворять свои потребности в увеличении прибыли, а наёмных работников – в повышении оплаты труда. В таких модификациях продолжается гибридный транзит.

Однако всё больше экспертов признают негативные социальные последствия такого транзита и исчерпание его конструктивного потенциала. Среди населения сохраняется высокий уровень недоверия институтам власти, а среди экспертов активизируются дискурсы о вопиющем материальном неравенстве населения, о невыполнении даваемых сверху обещаний, о сохранении традиционной болезненности для России проблемы социальной справедливости [Данилова 2018] – это *сигналы* о синергичной сложности существующих проблем, прежде всего о продолжающейся *вседозволенности* отношений властных элит (в государстве и бизнесе) к рядовым гражданам страны, и о необходимости поиска более адекватных российским условиям способов их решения, чтобы не повторить судьбу перестройки СССР.

Исчерпание потенциала гибридного транзита, потребность в модернизации, отвечающей условиям России

Прошло более четверти века с начала гибридного, экзогенно-реверсивного транзита России к капитализму, который в «лихие 90-е годы» называли «бандитским», а после его модернизации стали именовать «капитализмом для своих», точнее – паразитарным капитализмом. Существуют как минимум три группы факторов, которые свидетельствуют, что к настоящему времени в основном исчерпан потенциал гибридного транзита.

Во-первых, сформировалась группа проблем, приоритетный характер которых не меняется более 10 лет. Среди них на первом месте находится необходимость создавать новые рабочие места, прежде всего высокой квалификации. Синергично комплексный характер приобрела проблема социально-экономического неравенства, которая неуклонно обостряется. Очевиден вывод: **актуальные проблемы не решаются, а вос-**

Существуют как минимум три группы факторов, которые свидетельствуют, что к настоящему времени в основном исчерпан потенциал гибридного транзита.

производятся. Такой вывод подтверждается повторением одних и тех же проблем, которые звучат в вопросах во время ежегодных телевизионных общений президента с населением. Это свидетельствует о социально-экономическом тупике гибридного транзита.

Во-вторых, возникли новые, не менее опасные проблемы. Важнейшей из них, на мой взгляд, является так называемая «финансиализации экономики», которая обозначает тот факт, что предпринимательская деятельность многих сверхбогатых людей приобрела преимущественно спекулятивно-финансовый характер. Влияя на динамику мировых валют, сверхбогатые «граждане мира» используют это своё влияние на быстрое получение сверхдоходов за счёт меняющейся разницы курсов валют в заранее известном им направлении; изобретаются и используются и другие финансовые инструменты спекулятивного обогащения, так называемые деривативы. Как пояснил американский специалист по финансиализации, «покупка и продажа финансовых активов и обязательств по большей части предназначена для спекуляций» [Эпштейн 2017: 156]. Практика финансиализации воплощает новый глобальный феномен: глобальные финансовые элиты полностью пренебрегают культурными, нравственными нормами всего человечества. В России в условиях радикального транзита и последовавшей его модернизации также возникли несколько десятков банковских и иных финансово-корпоративных магнатов, которые тесно срослись с бюрократией высоких уровней и извлекают сверхдоходы не только из ренты от добычи природных ресурсов, но и за счёт «свободного плавания» рубля по отношению к доллару. По подсчётам академика С. Ю. Глазьева, «когда рубль в 2014 г. обвалился до 80 рублей за доллар, спекулянты на этом получили до 40 миллиардов долларов прибыли на курсовых колебаниях»; речь идёт о действиях не только российских, но и международных спекулянтов, получающих информацию от своих российских партнёров [Глазьев 2018: 8]. Выше были изложены позиции экономистов, характеризующие основы пагубной финансиализации в России.

В-третьих, на современном этапе глобального развития перед Россией возникли *новые большие вызовы*. Президент В. В. Путин неоднократно сформулировал их в документах стратегического характера.¹ Но пока видны предпосылки для достойного ответа на эти вызовы лишь в оборонно-технической сфере, не в социально-экономической и не в области человеческого потенциала и качества жизни населения.

¹ См.: Указы Президента Российской Федерации: от 31 декабря 2015 г. «Стратегия национальной безопасности»; от 1 декабря 2016 г. «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»; от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и др.

Словом, существует потребность в переходе от гибридного транзита к собственно антропосоциокультурной трансформации, адекватной условиям России.¹ Это должна быть эволюция не назад, а вперёд, причём не гетерогенная, а гомогенная, прежде всего эндогенно российская, не исключаяющая приемлемого зарубежного опыта. Напомню вывод Т. И. Заславской по итогам симпозиума «Куда идёт Россия?..»: «Есть только одно средство – осуществить *новый, социально ориентированный цикл институциональных и структурных реформ...* Речь идёт о социально-демократических реформах». Этот вывод был подтверждён в совместном докладе Т. И. Заславской и В. А. Ядова «Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений» на юбилейном пленарном заседании Всероссийского социологического конгресса (2008 г.). Авторы полагали, что современные трансформационные процессы протекают в трёхмерном социетальном пространстве, оси которого взаимосвязаны и образуют социальный механизм этого пространства.

«Закончилась ли трансформация российского общества?» – с таким вопросом обратился к аудитории В. А. Ядов, который устно представил совместный доклад. И ответил: «Официальная точка зрения – социетальная трансформация российского общества завершена. Я же полагаю, хотя либерально-демократическое реформирование институциональной системы России приостановлено, социетальную трансформацию общества ещё рано считать завершённой. Дело в том, что общественная потребность в дальнейшей либерализации и демократизации базовых институтов российского общества сегодня не менее остра, чем в конце 1980-х гг., и спонтанное возникновение и развитие новых социальных практик продолжается». В заключение докладчик сказал: «Сложившаяся к настоящему времени социально-групповая структура российского общества характеризуется вопиющим разрывом между зажиточными и бедствующими слоями граждан. Она не легитимна в глазах населения и не обеспечивает ни эффективной реализации, ни достаточно быстрого роста человеческого потенциала страны. Между тем положение стран в современном мире во многом определяется именно этой важнейшей характеристикой. Повышение человеческого потенциала и его эффективное использование как были, так и остаются главным модернизационным шансом России» [Заславская, Ядов 2010: 104–106].

Я считаю, что совместная позиция мэтров отечественной социологии, которые специально изучали проблему постсоветской трансформации России, была и остаётся обоснованной.

¹ Обоснование такой потребности требует дополнительных исследований, которые автор намерен осуществить в рамках гранта РФФИ, названного в начале статьи. Желательно – и в более широком круге моно- и трансдисциплинарных исследований.

Для использования «модернизационного шанса России» ныне требуется полнее выявить эндогенный её потенциал как государства, общества, цивилизации. Эффективное решение этой сложной задачи, способное справиться с застарелыми проблемами и дать достойные ответы на новые большие вызовы, возможно, если начать реальный переход к антропосоциокультурной трансформации, а началу этого перехода придать характер «модернизации для всех», обеспечивая становление *институтов рефлексивного саморазвития*. Это более сложный процесс, чем гибридный транзит к «капитализму для своих», но уклонение от начала его осуществления обостряет риски, опасные для существования России. Пока страна не начнёт осуществлять этот процесс, она не сможет достойно отвечать на большие вызовы и ей будет угрожать новый самораспад, не менее катастрофный, чем распад СССР. Отмеченные выше группы застарелых проблем и риски новых больших вызовов можно рассматривать как зреющие предпосылки неприемлемого исхода.

«Модернизация для всех», или гуманистическая модернизация» – требуемый переход к антропосоциокультурной трансформации

Из сказанного выше можно заключить, что перестройка стала подготовительной фазой, а постсоветский гибридный транзит к «капитализму для своих» – промежуточной фазой квази-перехода к **новой эпохе** в истории России как государства, общества, цивилизации. Собственно, содержание новой эпохи я понимаю как *антропосоциокультурную трансформацию* (АСК-трансформацию), адекватную условиям самой России.

В понимании общего, идеально-типического её содержания я исхожу из концепта молодого Маркса о *реальном гуманизме*, но в современной его интерпретации – не как только пролетарского идеала, сформулированного К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии», а как *общедемократического* мировоззренческого идеала и ценностной позиции, основу которой составляет триединство фундаментальных ценностей: жизни человека, его свободы, достоинства и ненасилия в отношениях с другими людьми. Общество, цивилизация **РЕАЛЬНОГО ГУМАНИЗМА** позволят каждому индивиду саморазвиваться как **целостному** человеку в единстве его природных, культурных и социальных качеств, минимизируя самоотчуждение и отчуждение.

Для использования «модернизационного шанса России» ныне требуется полнее выявить эндогенный потенциал трансформации как государства, общества, цивилизации.

Содержание новой эпохи я понимаю как антропосоциокультурную трансформацию, адекватную условиям самой России.

Речь о реальном гуманизме молодого Маркса, но в современной его интерпретации – как общедемократического мировоззренческого идеала и ценностной позиции, основу которой составляет триединство фундаментальных ценностей: жизни человека, его свободы, достоинства и ненасилия в отношениях с другими людьми.

Движение к такому идеалу целесообразно как эволюционный, в основном спонтанно саморазвивающийся процесс. Но он может иметь стадии, которые характеризуются оформленными структурами. Такие структуры можно рассматривать как сознательно формируемые стратегические цели, для достижения которых совершается трансформация на данной её стадии. *Стратегическая цель* становится консолидирующим фактором, значимым для успешности трансформации.

Переходом к гуманистической трансформации современного российского общества, реальным её началом должна стать **«модернизация для всех»**, или **гуманистическая модернизация**, потребность в которой обоснована выше выводами гуманистически ориентированных социологов, экономистов, правоведов. Важными аргументами для меня служат также результаты теоретических и эмпирических исследований социокультурных процессов в постсоветской России и её регионах, которые я вместе с коллегами веду с 1990 г. Пространственно и эпистемологически значимая систематизация этих результатов представлена в «Атласе модернизации России и её регионов» [Атлас... 2016]. Этот теоретический выбор одновременно является и *ценностным выбором*, о необходимости которого я сказал в первом разделе статьи. Предпочитаю именно такой выбор, потому что он в интересах **всего населения** России (как и других стран), а не того или иного узкого слоя, т. е. выбор, традиционный для русской, российской социологии, можно сказать, для всей мировой социологии.

Предварительно можно предложить ориентиры, очерчивающие *диапазон желаемых изменений* в рамках «модернизации для всех» (конечно, потребуется их конкретизация). Общий ориентир: существенное изменение жизни к лучшему для **всего населения** России. При этом исключается ухудшение для всех его категорий (по доходам), кроме высшей части (2–3%) верхнего дециля, от которой ожидается компромиссное понимание в обмен на повышение легитимности статуса этой сверхбогатой части населения в общественном сознании. В то же время обеспечивается максимальное стимулирование потенциальных участников инновационных процессов (бизнесменов, специалистов, квалифицированных работников, госслужащих), создание сети курсов инновационной переподготовки (бесплатных и платных) для всех желающих.

Не вторгаясь в область политических структур и процессов, я вижу содержание «модернизации для всех» прежде всего в создании эффективной системы управления национальным имуществом, экономическое обоснование которой приведено выше. Необходимы также институты рефлексивного саморазвития, которые станут центрами переосмысления гибридного транзита и эволюционного формирования адекват-

Переходом к гуманистической трансформации современного российского общества, реальным её началом должна стать «модернизация для всех», или гуманистическая модернизация.

ных российским условиям институтов, реализующих охарактеризованные выше ориентиры. Одним из таких институтов должна стать давно декларированная, но не реализованная *национальная инновационная система* (НИС). Для успешной реализации она должна стать рефлексивно-многоуровневой, начиная с первичных *региональных инновационных систем* (РИС), которые обеспечат эволюционно-инновационное саморазвитие регионов, учитывающее особенности каждого региона и рефлексивно регулируемое «сверху» и «снизу» (государством и гражданским обществом). Не менее важна легитимация института частного венчурного предпринимательства, прежде всего венчурных фондов и малых венчурных фирм.

Одновременно следует использовать возможности повышения рефлексивности активной части *гражданского общества* путём дальнейшей его интеллектуализации. Я имею в виду не только повышение уровня и качества образования, но также формирование и активное функционирование *дискурс-сообществ профессионалов* – специалистов в области социальных и гуманитарных наук. Выше я ссылался на результаты их экспертной деятельности (подробнее см.: [Лапин 2018b]). Необходима достаточно широкая их сеть, обеспечивающая необходимые уровни рефлексии процессов новой модернизации, используя методологию критического гуманизма. И, конечно, необходимо ответственное, нормативно регулируемое взаимодействие органов власти со структурами этой сети – не выборочное (только со «своими»), а многостороннее.

Ключевой становится задача модернизации отношений властных элит (не только политических, но и экономических) с населением, повышения уровня этих отношений до современно цивилизованного. Это значит: предстоит преодолеть азиатские нормы вседозволенности, укоренённые среди некоторых слоёв госслужащих и акторов бизнеса в их отношении к рядовым гражданам, а работодателей – к наёмным работникам (а также в семейных и иных бытовых отношениях), как это уже осуществлено за последние 100 лет в развитых странах (скандинавских и других). Это создаст предпосылки и для того, чтобы преодолеть пассивное подчинение вседозволенности властных «элит», сохраняющееся среди значительных слоёв населения. На это должны переориентировать свою деятельность СМИ.

Содержанию «модернизации для всех» будет адекватно сильное **социальное государство**. Его следует оценивать не просто как фиксированное в одной (7-й) статье Конституции Российской Федерации, а как выражающее один из важнейших *конституционных принципов*, который незаслуженно, возможно, намеренно забыт. На обществоведах

Ключевой становится задача модернизации отношений властных элит (не только политических, но и экономических) с населением, повышения уровня этих отношений до современно цивилизованного.

лежит определённая доля ответственности за это. До сих пор отсутствуют междисциплинарные исследования комплекса условий и предпосылок формирования социального государства в России. Проведение таких исследований, включая выявление предпочтений различных слоёв населения – одна из первоочередных задач институтов Отделения общественных наук РАН. В числе мало изученных направлений таких исследований можно назвать модернизацию экономики на основе принципов социально-ориентированного рыночного хозяйства; модернизацию взаимодействий между разными социально-экономическими укладами путём ежегодных договоров о партнёрстве, ориентированном на национальные интересы; смешанно-партнёрскую рыночную экономику и базовые ценности цивилизации реального гуманизма как предпосылки формирования социального государства. Результаты междисциплинарных исследований должны стать научной основой *федеральной целевой программы* «Становление сильного социального государства в Российской Федерации». Формирование такого государства можно рассматривать как стратегическую цель первой стадии антропосоциокультурной, гуманистической модернизации.

Одной из стадий или стратегических целей эволюции к реальному гуманизму может стать состояние **цивилизма**, идею которого, кратко охарактеризованную выше, предложил академик В. С. Нерсисянц. Недавно справедливо напомнила о ней доктор юридических наук В. В. Лапаева [Лапаева 2018]. Обоснованием этой идеи служат не только изложенные выше, но и многие иные предпосылки, которые трудно перечислить в статье.

Конечно, сегодня идея цивилизма требует новой интерпретации, учитывающей постсоветский опыт России и постсоциалистический опыт всех стран прежнего «второго мира» (он не исчез, а существует именно как постсоциалистический мир, отчасти ещё и как социалистический). А также и посткапиталистический опыт наиболее развитых стран мира. Предварительно изложу свои интерпретации идеи В. С. Нерсисянца.

Цивилизм – это такое состояние сообщества граждан, при котором они являются равноправными собственниками национального имущества и консолидированы в гражданское общество, саморазвивающееся путём конвергенции посткапитализма и постсоциализма; основную его проблему составляет создание реально контролируемой гражданами системы управления использованием национального имущества. Латинский корень термина *цивилизм* – *civilis*, что в наше время может означать одновременно и гражданин, и гражданское общество, и цивилизация. Эта интерпретация соответствует пред-

Цивилизм – это такое состояние сообщества граждан, при котором они являются равноправными собственниками национального имущества и консолидированы в гражданское общество, саморазвивающееся путём конвергенции посткапитализма и постсоциализма.

лагаемой «модернизации для всех», которую в такой интерпретации можно назвать «*цивилистской модернизацией*». Её содержание относится не только к России, но и к другим странам любой цивилизации. Но также требуются дальнейшие исследования научных оснований цивилизма и способов движения в этом направлении.

В целом в социально-гуманитарных науках возрастает роль не только междисциплинарных, но и трансдисциплинарных исследований. Этому способствует новая, консолидирующая ситуация в наших науках, которая возникает отчасти благодаря препятствиям, создаваемым государством. Уходят в прошлое расколы в российской социологии. Повышается роль крупных и потому научно более независимых исследовательских центров, таких как Федеральный центр социологических исследований, возникший на базе Института социологии РАН, значимый юбилей которого мы все отметили. При этом должны сохраниться небольшие исследовательские структуры в различных НИИ и университетах как источник разнообразия и высокой новизны проблематики и результатов исследований.

Библиографический список

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. 357 с.

Вебер М. 2001. Происхождение современного капитализма. Глава 4 // История хозяйства. Город. М.: КАНОН-пресс-Ц. 576 с.

Горшков М., Петухов В. 2005. Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ) / Сост. В. В. Кувалдин. М.: Альпина Бизнес Букс. С. 375.

Гребенников В. Г. 2002. Концептуальные основы стратегии развития отношений собственности в России // Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы. М.: Экономика. 702 с.

Грушин Б. А. 1991. Смена цивилизаций? // Свободная мысль. № 18. С. 27–36.

Гуманистические ориентиры России / Под. ред. Абалкина Л. А. и др. М.: Институт экономики РАН, 2002. 391 с.

Данилова Е. Н. 2018. Трансформация социальной политики и дискурса социальной справедливости в России // Мир России. Социология. Этнология. № 2. С. 36–61).

Заславская Т. И. 1994. Открытие симпозиума // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. Международный симпозиум 17–19 декабря 1993 г. М.: Интерпракс. С. 3–8.

Заславская Т. И. 2002. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело. 568 с.

Заславская Т. И. 2003. К десятилетию международного симпозиума «Куда идет Россия?..» // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН. С. 12–15.

Заславская Т. И., Ядов В. А. 2010. Социальные трансформации России в эпоху глобальных изменений // Социология и общество: пути взаимодействия. Всероссийский социологический конгресс. 21–24 октября 2008 г. Материалы пленарного заседания. М.: Вече. С. 91–107.

Кузьминов Я. И., Радаев В. В. и др. 2005. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений // Модернизация экономики и выращивание институтов. В 2 кн. / Отв. ред. В. Г. Ясин. М.: ГУ ВШЭ. Кн. 1. С. 7–64.

Лапаева В. В. 2018. Социология права в России: послесталинский, перестроечный и постсоциалистический периоды // Социологические исследования. № 3. С. 98–112.

Лاپин Н. И. 2018а. Антропологический эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. № 3. С. 3–12.

Лاپин Н. И. 2016. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социологические исследования. № 5. С. 23–34.

Лاپин Н. И. 2018b. О поиске способов существенных перемен жизни к лучшему: дискурсы профессионалов и алгоритм изучения способов, предпочитаемых населением // Экономические и социальные перемены. № 4. С. 77–89.

Лاپин Н. И. 2000. Пути России: социокультурные трансформации. М.: Ин-т философии РАН. 194 с.

Лاپин Н. И. 2015. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть 2. Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // Вопросы философии. № 6. С. 3–17.

Левада Ю. А. 2006. Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство. 383 с.

Львов Д. С. 2002. Концепция управления национальным имуществом. (Научный доклад на заседании Президиума Российской академии наук 12 февраля 2002 г.). М.: ИНЭС. 34 с.

Львов Д. С. 2000. Экономический манифест: будущее российской экономики. М.: Экономика. 79 с.

Львов Д. С., Поршнева А. Г. (рук.). 2002. Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы. М.: Экономика. 702 с.

Мамардашвили М. К. 1990. Как я понимаю философию. М.: Прогресс. 368 с.

Некипелов А. Д. 2005. Легко ли поймать черную кошку в темной комнате, даже если она там есть? // Размышления о недавнем прошлом. Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ) / Сост. В. В. Кувалдин. М.: Альпина Бизнес Букс. С. 176–187.

Некипелов А. Д. 2002. От аномальной экономики к эффективному рыночному хозяйству // Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы. М.: Экономика. 704 с.

Нерсисянц В. С. 2000. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М.: Норма. 64 с.

Отчет российскому правительству от международной группы советников по социальным и политическим проблемам экономических реформ и структурных преобразований в России / Ф. Э. Кардозу, М. Карной. М. Кастельс, С. С. Коэн, А. Турен // Мир России. 2010. № 2. С. 3–18.

Петраков Н. Я. 1998. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика. 286 с.

Революция, эволюция и диалог культур. Доклады к 100-летию русской революции на Всемирном дне философии в Институте философии РАН 14–16 ноября 2017 г. / Отв. ред. А. В. Черняев. М.: Гнозис, 2018. 624 с.

Сергей Глазьев о бенефициарах проводимой экономической политики // Аргументы недели. 2018. № 35. 6 сент. С. 8.

Шкаратан О. И. 2018. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. Социология. Этнология. № 2.

Эпоха Ельцина. Очерки политической истории / Колл. авт. Изд. 2-е. М.: Вагриус, 2011. 815 с.

Эпштейн Дж. 2017. Финансиализация превратила глобальную экономику в карточный домик // Мир перемен. № 3. С. 156–169.

Ядов В. А. 2006. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис. 108 с.

Ясин Е. Г. 2007. Модернизация и общество; Модернизация необходима. Готово ли общество? // Модернизация экономики и общественное развитие / Под. ред. Ясина Е. Г. Материалы VIII Международной научной конференции. В трех книгах. Книга 1. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ. С. 9–98.

Ясин Е. Г. 2011. Сценарии развития России на долгосрочную перспективу. М.: Фонд «Либеральная миссия». 48 с.

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542

Hybrid Transition and a Demand for “Modernization for All”

Lapin Nikolay Ivanovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Main Researcher, Head of the Centre, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: lapini31@mail.ru

Abstract: This article showcases the author’s participation in a discussion on the content, results and prospects of Russian society’s post-Soviet transformation. The author provides a preliminary report on the results of studies conducted from an anthropological socio-cultural evolutionism and critical humanism standpoint. He offers the following conclusions: 1) the Perestroika and the self-destruction of the USSR made way for a new era for Russia. However, the new commanding elites imposed onto the population a reverse-heterogeneous approach (hybrid transition) aimed towards “capitalism for their own”, which led to an appalling contrast between rich and poor groups of the population, while preventing society from developing, and to some extent even putting the country’s very existence at risk: the same problems continue to emerge over and over again without being resolved, and that’s not to mention an onset of new and highly critical issues, as well as certain risky challenges faced by for our civilization. 2) The author reckons that the constructive potential of a hybrid transition is for the most part exhausted. There is an ever growing demand for “modernization for all”, or a humanistic modernization. The author utilizes results gathered by Russian scientists who he knows of, as well as his own results. Based on them, he offers informative guidelines which outline the scope of desired positive changes in the lives of the population, while substantiating the relevance of such a concept as “real humanism”, the feasibility of the special federal program “Establishing the Russian Federation as a strong social state”, as well as a new interpretation of the notion of “civilism”, coming forth as a result of converging post-capitalism and post-socialism. That while describing institutions of reflexive self-development, which have the potential to eliminate lawlessness in terms of how the elite treat the population, by means of implementing civilized norms such as equality of opportunity for all, national assets and private property, social state, socially orientated market economy, social justice, real humanism. In order to develop science-based approaches towards resolving multitudes of new problems, it is essential to conduct not only interdisciplinary, but also transdisciplinary studies with participation by sociologists, economists, legal experts, political analysts, psychologists, and experts fields such as philosophy, history, synergetics and system research.

Keywords: critical humanism, anthroposociocultural transformation, reversible-heterogeneous transition (hybrid transition), «crony capitalism»; «modernization for all», social state, real humanism.

References

Atlas modernizatsii Rossii i eyo regionov: sotsioeconomicheskie i sotsiokul’turnye tendentsii i problem [Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems]. Ed. by N. I. Lapin. Moscow, Ves’ mir, 2016. 357 p. (in Russ.).

Danilova E. N. Transformatsiya sotsial’noy politiki i diskursa sotsial’noy spravedlivosti v Rossii [Transformations in the Welfare Regime and Discourse on Social Justice in Russia]. Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya, 2018, no 2, pp. 36–61 (in Russ.).

Epoha El'tsina. Ocherki politicheskoy istorii [The era of Yeltsin. Political history essays]. Second edition. Moscow, Vagrius, 2011. 815 p. (in Russ.).

Epshtein G. Finansializatsiya prevratila global'nuyu ekonomiku v kartochny domik [Financialization has turned the global economy into a house of cards]. Mir peremen, 2017, no 3, pp. 156–169 (in Russ.).

Gorshkov M. K., Petuhov V. V. Perestroyka glazami rossiyan: 20 let spustia [Reconstruction through the eyes of Russians: 20 years later]. Proryv k svobode: O perestroyke dvadtsat' let spustia (kriticheskiy analiz). Moscow, Al'pina Business Books, 2005. 375 p. (in Russ.).

Grebennikov V. G. Kontseptual'nye osnovy strategii razvitiya otnosheniy sobstvennosti v Rossii [Conceptual basis of the development strategy of property relations in Russia]. Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem Rossii: kontseptsii, tseli, mehanizmy. Moscow, Ekonomika, 2002. 702 p. (in Russ.).

Grushin B. A. Smena tsivilizatsiy? [Is it the change of civilizations?]. Svobodnaya mysl'. 1991, no 18, pp. 27–36 (in Russ.).

Gumanisticheskie orientiry Rossii [Humanistic orientations of Russia]. Ed. by L. A. Abalkin. Moscow, IE RAS publ., 2002. 391 p. (in Russ.).

Kuz'minov Y. I., Radaev V. V. and oth. Instituty: ot zaimstvovaniya k vyrashchivaniyu. Opyt rossiyskikh reform i vozmozhnosti kul'tivirovaniya institutsional'nykh izmeneniy [Institutions: from borrowing to growing. The experience of Russian reforms and the possibility of cultivating institutional changes]. Modernizatsiya ekonomiki i vyrashchivanie institutov. 2 vols. Ed. by E. G. Yasin. Moscow, SU HSE publ., 2005, vol. 1, pp. 7–64 (in Russ.).

Lapaeva V. V. Sotsiologiya prava v Rossii: poslestalinskiy, perestroechnyy i postsotsialisticheskiy periody [Sociology of law in Russia: post-stalin, perestroika and post-socialist periods]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2018, no 3, pp. 98–112 (in Russ.).

Lapin N. I. Antropologicheskiy evoliutsionizm – metateoreticheskiy printsip izucheniya soobshchestv liudey [Anthroposociocultural evolutionism – a metatheoretical principle of studying human communities]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2018, no 3, pp. 3–12 (in Russ.).

Lapin N. I. Fundamental'nye tsennosti tsivilizatsionnogo vybora v XXI stoletii [Fundamental values of civilization choice in the XXI century]. Chast' 2. Aksiologicheskie predposylki tsivilizatsionnogo vybora Rossii // Voprosy filosofii, 2015, no 6, pp. 3–17 (in Russ.).

Lapin N. I. Gumanisticheskiy vybor naseleniya Rossii i tsentry vnimaniya rossiyskoy sotsiologii [The humanistic choice of the Russian population and the centers of attention of Russian sociology]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2016, no 5, pp. 23–34 (in Russ.).

Lapin N. I. O poiske sposobov sushchestvennykh peremen zhizni k luchshemu: diskursy professionalov i algoritm izucheniya sposobov, predpochitaemykh naseleniem [Finding ways to substantial life changes for the better: professional discourses and algorithm to study ways preferred by the population]. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, 2018, no 4, pp. 77–89 (in Russ.).

Lapin N. I. Puti Rossii: sotsiokul'turnye transformatsii [Ways of Russia: socio-cultural transformations]. Moscow, IPH RAS, 2000. 194 p. (in Russ.).

Levada Y. A. Ishchem cheloveka. Sotsiologicheskie ocherki. 2000–2005 [We Search a Human. Sociological Issues 2000–2005]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2006. 383 p. (in Russ.).

L'vov D. S. Ekonomicheskiy manifest: budushchee rossiyskoy ekonomiki [Economic manifesto: the future of the Russian economy]. Moscow, Ekonomika, 2000. 79 p. (in Russ.).

L'vov D. S. Kontseptsiya upravleniya natsional'nym imushchestvom [National Property Management Concept]. Moscow, INES, 2002. 34 p. (in Russ.).

L'vov D. S., Porshnev A. G. Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem Rossii: kontseptsii, tseli, mehanizmy [Management of social and economic development of Russia: concepts, goals, mechanisms.]. Moscow, Ekonomika, 2002. 704 p. (in Russ.).

Mamardashvili M. K. Soznanie i tsivilizatsiya [Consciousness and civilization]. M. K. Mamardashvili: Kak ya ponimayu filosofiyyu. Moscow, Progress, 1990. 368 p. (in Russ.).

Nekipelov A. D. Legko li poymat' chernuyu koshku v temnoy komnate, dazhe esli ona tam est'? [Is it easy to catch a black cat in a dark room, even if it is there?]. Razmyshleniya o nedavnem proshlom. Proryv k svobode: O perestroyke dvadtsat' let spustia (kriticheskiy analiz). Moscow, Al'pina Business Books, 2005, pp. 176–187 (in Russ.).

Nekipelov A. D. Ot anomal'noy ekonomiki k effektivnomu rynochnomu hoziaystvu [From abnormal economy to efficient market economy]. Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem Rossii: kontseptsii, tseli, mehanizmy. Moscow, Ekonomika, 2002. 702 p. (in Russ.).

Nersesiants V. S. Natsional'naya ideya Rossii vo vseмирno-istoricheskom progresse ravenstva, svobody i spravedlivosti. Manifest o tsivilizme [The national idea of Russia in the world historical progress of equality, freedom and justice. The manifesto of civilism]. Moscow, Norma, 2000. 64 p. (in Russ.).

Otchiot rossiyskomu pravitel'stvu ot mezhdunarodnoy gruppy sovetnikov po sotsial'nyim i politicheskim problemam ekonomicheskikh reform i strukturnykh preobrazovaniy v Rossii [Report to the Russian government from international group of advisers on social and political issues of economic and structural reforms in Russia]. Mir Rossii, 2010, no 2, pp. 3–18. (in Russ.).

Petrakov N. Y. Russkaya ruletka. Ekonomicheskii experiment tsenoyu 150 millionov zhizney [Russian roulette. Economic experiment at the cost of 150 million lives]. Moscow, Ekonomika, 1998. 286 p. (in Russ.).

Revoliutsiya, evoliutsiya i dialog kul'tur [Revolution, evolution and dialogue of cultures]. Doklady k 100-letiyu russkoy revoliutsii na Vsemirnom dne filosofii v Institute filosofii RAN 14–16th november 2017. Ed. by A. V. Cherniaev. Moscow, Gnosis, 2018. 624 p. (in Russ.).

Sergey Glaz'ev o benefitsiarah provodimoy ekonomicheskoy politiki [Sergey Glazyev about the beneficiaries of the economic policy]. Argumenty nedeli, 2018, no 35, p. 8 (in Russ.).

Shkaratan O. I. Sotsial'no-ekonomicheskoe neravenstvo v sovremennom mire i stanovlenie novykh form sotsial'nogo rassloeniya v Rossii [Socio-economic Inequality in the Modern World and the Forming of New Kinds of Social Stratification in Russia]. Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya, 2018, no 2, pp. 6–35. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-2-6-35/> (in Russ.).

Veber M. Proiskhozhdenie sovremennogo kapitalizma [The Genesis of Modern Capitalism]. Istoriya hoziaystva. Gorod. Moscow, KANON-press-C, 2001. 576 p. (in Russ.).

Yadov V. A. Sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya kak kontseptual'naya baza issledovaniya rossiyskikh transformatsiy [Modern theoretical sociology as a conceptual base for the study of Russian transformations]. Saint-Petersburg, Intersotsis, 2006. 108 p. (in Russ.).

Yasin E. G. Modernizatsiya i obshchestvo. Modernizatsiya neobhodima. Gotovo li obshchestvo? [Modernization and society]. Modernizatsiya ekonomiki i obshchestvennoe razvitie. Ed. by E. G. Yasin. Vol. 1. Moscow, SU HSE publ., 2007, pp. 9–98 (in Russ.).

Yasin E. G. Stsenarii razvitiya Rossii na dolgosrochnuyu perspektivu [Russia's long-term development scenarios]. Moscow, «Liberal'naya missiya» Foundation, 2011. 48 p. (in Russ.).

Zaslavskaya T. I. K desyatiletiyu mezhdunarodnogo simpoziuma «Kuda idiot Rossiya?..» [By the decade of the international symposium “Where Does Russia Go?”]. Kuda prishla Rossiya? Itogi sotsietal'noy transformatsii. Ed. by T. I. Zaslavskaya. Moscow, MHSSES publ., 2003, pp. 12–15 (in Russ.).

Zaslavskaya T. I. Kuda idiot Rossiya? [Where Does Russia Go?]. Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya. Mezhdunarodnyy simpozium 17–19th December 1993. Moscow, Interpraks, 1994. 320 p. (in Russ.).

Zaslavskaya T. I. Sotsietal'naya transformatsiya rossiyskogo obshchestva: deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya. Moscow, Delo, 2002. 568 p. (in Russ.).

Zaslavskaya T. I., Yadov V. A. Sotsial'nye transformatsii Rossii v epohu global'nykh izmeneniy [Russian Social Transformations in the Global Changes Era]. Sotsiologiya i obshchestvo: puti vzaimodeystviya. Vserossiyskiy sotsiologicheskii kongress. 21–24th October 2008. Moscow, Veche, 2010, pp. 91–107 (in Russ.).

Транзит, модернизация, и н н о в а ц и и

Государственная инновационная политика, технолоббизм и группы интересов

Трофимова Ирина Николаевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социологии образования, науки и культуры, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: itnmv@mail.ru

Хамидуллина Екатерина Юрьевна – младший научный сотрудник, Центр социологии образования, науки и культуры, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: Katerinatitikaka@gmail.com

Государственная инновационная политика, технолоббизм и группы интересов

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.543

Аннотация. Статья¹ посвящена проблеме реализации государственной инновационной политики в контексте существующих противоречий между основными участниками инновационной деятельности, представляющими сферы бизнеса, образования и науки. Особое внимание уделено конфликту интересов в процессе разработки, производства и коммерциализации технологических инноваций. Теоретико-методологической основой исследования являются положения, рассматривающие инновационную деятельность как комплексный феномен, включающий разнородные отношения, интересы и стратегии их реализации. Подчёркивается наличие скрытых консервативных стратегий, обусловленных неравенством и неустойчивостью позиций групп интересов в отношениях с государством и его институтами. Эмпирическую базу составили результаты 90 интервью с российскими экспертами (проведены в 2016–18 гг.), что определило актуальность, новизну и экспериментальный характер исследования. Было выявлено, что участники инновационной деятельности в большей степени ориентированы на взаимодействие с государственными институтами, чем между собой, что объясняется доминирующей ролью государства в становлении и развитии инновационной среды. Ключевыми партнёрами государства на данном этапе реализации инновационной политики являются корпорации – именно им приписывается способность повысить восприимчивость экономики и общества к инновациям, преодолеть разомкнутость инновационной среды через объединение разрозненных ресурсов и повышение наукоёмкости производства. Результаты конкретных инновационных проектов зависят прежде всего от масштабов участия государства на всех этапах инновационного процесса – от финансирования проекта до государственного заказа. Показано, что особенностью лоббирования технологической инновации является высокая степень риска её разработки, трансфера и коммерческой реализации, поэтому значение приобретают такие составляющие лоббистской деятельности, как прогнозирование, аналитика и экспертиза. Отмечается, что в большинстве случаев теневой лоббизм компенсирует низкое качество государственного управления, по сути финансируя риски управленческих решений, а не риски, связанные с разработкой и производством технологических инноваций. Вместе с тем инновационная деятельность способствует институционализации технолоббизма, актуализируя его экспертно-аналитические и прогностические функции.

Ключевые слова: инновационная политика, инновационные технологии, государство, бизнес, наука, образование, группы интересов, технолоббизм

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 16-18-10420, проект «Непрерывное образование и наукоемкие производства: институты и практики взаимодействия») в Институте социологии ФНИСЦ РАН.

Создание основ инновационной экономики является сегодня первоочередной задачей российского государства – от этого зависят устойчивый экономический рост, социальное благополучие населения, обеспечение национальной безопасности. Содержание принятых за последние годы стратегических и нормативно-правовых документов показывает, что для её решения правительством разрабатывались различные подходы – от наступления «широким фронтом» до прорыва по наиболее перспективным направлениям. Однако результаты их практической реализации можно назвать, скорее, противоречивыми, чем однозначно положительными. Несмотря на увеличение объёма финансирования, развитие институтов поддержки науки и технологий, сохраняется проблема невосприимчивости экономики и общества к инновациям. Подтверждением тому является низкая инновационная активность как на «входе» (объёмы инвестиций, затраты на исследования и разработки), так и на «выходе» (доля производимых инновационных товаров и услуг, доходы от инноваций), что особенно заметно в международных сравнениях [Индикаторы... 2018: 314–319].

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации одной из основных причин сложившейся ситуации называет несогласованность приоритетов и инструментов поддержки на национальном, региональном, отраслевом и корпоративном уровнях [Стратегия... 2016]. При этом остаётся в стороне вопрос о существенном неравенстве участников инновационной деятельности, основанном на различии их формального и неформального статусов – прежде всего в отношениях с государственными институтами. Содержание этих отношений во многом определяет специфику интересов, стратегий и поведения конкретных участников. При этом даже благоприятные условия в виде доступа к финансовым, инфраструктурным, информационным и другим инструментам государственной поддержки не гарантируют результативности и конкурентоспособности исследований и разработок. Гипотезой исследования является предположение о негативном влиянии противоречий интересов бизнеса, науки и образования на эффективность государственной инновационной политики.

Теория и методология исследования

Взаимоотношения государства и групп интересов являются предметом политико-экономического анализа, поскольку их содержание составляют власть и контроль над распределением ресурсов. Основные модели этих отношений – плюралистическая, корпоративистская и сетевая – описывают

Несмотря на увеличение объёма финансирования, развитие институтов поддержки науки и технологий, сохраняется проблема невосприимчивости экономики и общества к инновациям.

диспозиции государства как центра принятия политических решений и групп интересов в координатах «демократия/этакратия – конкуренция/монополия – рынок/протекционизм». В данных координатах определяется текущий баланс интересов, задаётся скорость и направленность будущих реформ (изменений). Наиболее консервативным с данной точки зрения является корпоративизм, закрепляющий функциональную дифференциацию и неравенство групп интересов. По мнению многих авторов, взаимоотношения государства и групп интересов в современной России описывает именно корпоративистская модель, которая характеризует тесное переплетение интересов государства и крупного бизнеса, высокую степень централизации и отсутствие открытых «правил игры» [Павроз 2009; Бизнес и власть ... 2010; Меньшенина, Пантелеева 2016].

Корпоративизм стал результатом трансформации отношений государства и групп интересов на протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. [Перегудов 2000]. Причём «номенклатура» ключевых групп интересов определялась не только расстановкой сил, но и актуальной повесткой дня [Shatilov, Seleznev 2015; Семченков 2017]. Доминирование отраслевых и функциональных интересов сменила инновационная повестка, которая обозначила потребность в новом – интеграционном – типе отношений, в том числе и на региональном уровне [Дынкин, Соколов 2002; Воробьев 2016]. Этому способствовали следующие процессы: 1) обострение глобальной конкуренции и растущая роль государства в определении и поддержке приоритетных направлений экономического развития; 2) заинтересованность бизнеса в технологической и структурной модернизации; 3) институционализация инновационной деятельности и появление новых групп интересов (научные, экспертные, образовательные институты), репрезентирующих более широкий спектр социальных и экономических отношений. При всей позитивной направленности эти процессы обнажили высокую степень укоренённости консервативных стратегий: бюрократизма, патерналистских установок, рентных ожиданий, низкой инвестиционной активности, слабом взаимодействии субъектов инновационной деятельности, имитации инноваций и др. [Лапин 2011; Дежина, Пономарев 2014].

Главная особенность взаимодействий в сфере технологических инноваций заключается в открытости рискам и способности функционировать в условиях высокой неопределённости, что в свою очередь «нейтрализуется» непрерывным образованием, ростом и конвергенцией компетенций их участников. Это придаёт особую остроту отношениям инноваций с государством и его институтами (формальными и неформальными), по природе своей стремящихся к сохранению существующего порядка [Сухарев 2017]. По мере того, как вокруг инноваций складываются новые социальные и экономические отноше-

Корпоративизм стал результатом трансформации отношений государства и групп интересов на протяжении 1990-х – начала 2000-х гг.

ния и виды деятельности, которые выходят за рамки существующих режимов регулирования, происходит нарастание эндогенных институциональных изменений [Edelman 2007]. Противоречие между потребностью в инновациях, сопровождающихся растущим объёмом научных, технологических и инженерных знаний, и стремлением поддержать последовательность, социальный порядок и стабильность, порождает, с одной стороны, технофобию, сопротивление новым технологиям [Juma 2016: 5–6], а с другой – принуждает институты совершенствоваться [Werle 2011]. Провозглашая инновационную повестку, государство вынуждено поддерживать баланс интересов, сохраняя позиции ключевых институтов и оставляя пространство для назревших изменений.

Одним из механизмов регулирования баланса интересов является лоббизм, функционирующий в России как неформальная, неинституциональная деятельность, основными участниками и бенефициариями которой являются отдельные чиновники и крупные бизнес-компании [Меньшенина, Пантелеева 2016: 91]. Причём в последние годы отмечается усиление корпоративных начал в отношениях власти и бизнеса, что нашло своё отражение в констатации ограниченного эффекта проводимой инновационной политики и необходимости приоритетной инноватизации крупного бизнеса [Национальный доклад... 2016: 4]. Причиной тому стала необходимость ускорения процесса инноватизации экономики и общества. Многие государственные инициативы имели отложенный (наука, образование, инновационная среда) либо ограниченный эффект в условиях разомкнутой инновационной системы (стартапы, венчурные инвестиции). Именно корпорациям сегодня приписывается способность преодолеть разомкнутость инновационной среды через объединение разрозненных ресурсов и повышение наукоёмкости производства. Однако данная перспектива не выглядит однозначно бесспорной. Как отметил заместитель Министра экономического развития РФ О. Фомичев, государство для обеспечения инновационного роста экономики начало привлекать крупные компании ещё в 2010 г., но инновационные блоки в них по сути так и не прижились [Как пробудить... 2017]. Ставя во главу угла свои интересы, крупные компании рассматривают своё участие в реализации государственной инновационной политики прежде всего как возможность получения финансовой и иной поддержки от государства, а не прибыли от реализации инновационного продукта.

В контексте противоречий между инновациями и институтами продвижение новых технологий, включая их разработку, внедрение в производство и коммерческое использование, предполагает как адаптивные, так и консервативные стратегии [Edquist 1993]. Адаптивные стратегии в большей степени ориентируются на будущую ситуацию, переход к кото-

Провозглашая инновационную повестку, государство вынуждено поддерживать баланс интересов, сохраняя позиции ключевых институтов и оставляя пространство для назревших изменений.

Ставя во главу угла свои интересы, крупные компании рассматривают своё участие в реализации государственной инновационной политики прежде всего как возможность получения финансовой и иной поддержки от государства, а не прибыли от реализации инновационного продукта.

рой сопровождается наращиванием потенциала, ростом компетенций и постепенным снятием рисков и неопределённости. Консервативные стратегии, напротив, сдерживают появление новых продуктов и секторов производств, которые пока не могут быть репрезентированы мощными группами интересов. В экономическом плане адаптивность объясняется рыночными ожиданиями прибыли от появления новых производств и продуктов, в то время как его консервативность – рентными ориентациями групп интересов в существующей структуре экономики. Когда государство само инициирует инновации и определяет их в качестве приоритетного направления развития, конфликт адаптивных и консервативных стратегий смягчается смешанными практиками, которые формально и содержательно не конфликтуют с задачами государственной инновационной политики, но «встроенные» в них противоречия ограничивают её эффективность.

Для выявления этих противоречий были использованы результаты 90 интервью с российскими экспертами (проведены в 2016–18 гг.), что определило актуальность, новизну и экспериментальный характер исследования. В качестве экспертов выступили руководители федеральных и региональных министерств и ведомств, отвечающих за инновационное развитие регионов; руководители инновационных проектов и инжиниринговых центров; руководители ведущих вузов страны, готовящих специалистов в сфере инновационных технологий; руководители инновационных производственных объединений. Анализ спектра и содержания интересов и взаимных претензий был направлен на выявление причин, по которым участники инновационной деятельности отдают предпочтение прямым – формальным и неформальным – отношениям с государственными институтами, даже если это не способствует продвижению инноваций.

Противоречия интересов в сфере инноваций

В соответствии с устоявшимся определением, технологические инновации представляют собой конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового либо усовершенствованного продукта или услуги, внедрённых на рынке; нового либо усовершенствованного процесса или способа производства (передачи) услуг, используемых в практической деятельности. Уровень технологических инноваций оценивается в зависимости от приближённости к глобальному технологическому фронтиру – своеобразной границе между старыми и новыми, передовыми технологиями, а также институтами и отношениями, их поддерживающими, включая науку, образование, экспертизу, финанси-

рование, рынок и т. д. Сегодня фронтир движется в сторону развития и освоения таких технологий, как искусственный интеллект, Big Data, блокчейн, 3D печать, генетическое прогнозирование, квантовые системы и др., продвижение которых требует взаимодействия материальных, интеллектуальных и социокультурных ресурсов не только по причине экспериментального характера разработок, но и сквозного применения в разных отраслях экономики. Взаимодействия в такой среде основаны на специфических установках и компетенциях её участников – готовности к рискам, открытости, адаптивности, мультикоммуникативности [Ключарев и др. 2016]. Однако, судя по результатам экспертного опроса, имеет место институционализация групп интересов, подтверждением чему являются взаимные претензии бизнеса, образования и науки.

Бизнес – образование

Помимо общих организационно-культурных претензий (рутина, бюрократизм, закрытость, консерватизм) бизнес критически относится к желанию университетов заниматься инновационным предпринимательством. В представлении бизнеса участие вузов в инновационных проектах должно быть точечным, т. е. связанным с *решением конкретной технологической проблемы*, и не должно распространяться на итоговые результаты разработок и, тем более, на прибыль от их коммерческой реализации. Такая точка зрения основана на том, что бизнес не просто выводит технологию на рынок, но и закладывает в неё соответствующий сервис, зачастую формируя будущие предпочтения потребителей, что даёт возможность получать дополнительную прибыль.

Возможно, этой проблемы не существовало бы, если бы в России была развита практика патентования, как, например, в США, где к тому же законодательство защищает университетские разработки в рамках совместных проектов. В России же, по мнению экспертов, только опережающие технологии позволяют занимать выигрышные позиции как на внутреннем, так и на глобальном рынке в течение определённого времени – в среднем 6–8 лет. В сложившейся ситуации стимулы для инновационной активности в учреждениях высшего образования достаточно высоки, но лишь в той части, которая связана с созданием прорывных и конкурентных технологий. Только вуз, обладающий репутацией серьёзного научно-образовательного центра, сможет выстраивать результативные взаимосвязи с другими организациями, работающими в рамках инновационного рынка: производственными компаниями, корпорациями, научно-исследовательскими организациями, другими университетами [Ключарев и др. 2017: 357]. В целом вузовские разработки пока далеки

от коммерциализации. По мнению трети опрошенных экспертов, основная причина заключается в отсутствии спроса на результаты со стороны промышленных предприятий. Около 20% указали на несовершенство законодательства, 15% – на отсутствие опыта для выхода на рынок интеллектуальной продукции и 12% – на отсутствие специалистов для вывода продукции на рынок. И лишь немногим более 20% экспертов указали на то, что вузовские разработки в той или иной степени коммерциализируются.

Прямое взаимодействие бизнеса с вузами ограничивается ещё и тем, что основным источником финансирования инноваций является государство, поэтому, как отмечают эксперты, корпорации и вузы, как правило, не интересны друг другу. Гораздо более важной для бизнеса видится перспектива снижения бюрократических ограничений и чрезмерной регламентации образовательной деятельности. Одним из шагов в этом направлении могла бы стать *педагогика инноваций*, концептуально и организационно интегрирующая инновационную деятельность в образовательный процесс. По этому пути уже идут многие вузы, создавая условия для стартапов, малых инновационных предприятий (МИПов), малых грантов и др., в рамках которых решаются небольшие локальные задачи (энергосбережение, автоматизация, моделирование и т. п.) и которые приветствуются бизнесом именно как практики, формирующие у будущих специалистов необходимые для инновационной деятельности компетенции. Пока же 91% работодателей отмечают недостаток практических навыков у молодых специалистов, 55% оценивают качество подготовки выпускников отечественных вузов на среднем и 28% на низком уровне¹. В целом перспективы взаимодействия бизнеса и образования связаны, прежде всего, с подготовкой высококвалифицированных кадров, имеющих знания и навыки, необходимые для инновационной деятельности.

Бизнес – наука

Что касается отношений бизнеса и науки, то, казалось бы, присущие как научно-исследовательской, так и предпринимательской деятельности риски предопределяют возможности успешного партнёрства в инновационной сфере. Например, это заметно в более высоком, по сравнению с вузами, уровне коммерциализации разработок – в 2016 г. на это указали около 50% представляющих НИИ экспертов. Однако противоречие между институтами и инновациями специфическим образом проявляется и здесь. Речь идёт о требовании целевого расхо-

¹ ВЦИОМ. Высшее образование: контроль не ослаблять, качество повышать. Пресс-выпуск. 13 июля 2016 г. № 3152. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=%20115775> [Дата посещения: 30.05.2018].

Прямое взаимодействие бизнеса с вузами ограничивается тем, что основным источником финансирования инноваций является государство, поэтому корпорации и вузы, как правило, не интересны друг другу.

Требование целевого расходования бюджетных средств, а значит, и успешного выполнения НИР, заставляет выбирать заведомо консервативные решения и искажает экономические стимулы в сфере разработок и производства высокотехнологичной продукции.

дования бюджетных средств, а значит, и успешного выполнения НИР, что заставляет выбирать заведомо консервативные решения и искажает экономические стимулы в сфере разработок и производства высокотехнологичной продукции. Для некоторых корпораций выполнение опытно-конструкторских работ по госзаказу является источником доходов, сравнимым и нередко даже более привлекательным, чем последующее производство, продажа и послепродажное обслуживание, поскольку это – высокорисковые и затратные виды деятельности [Селезнева, Клочков 2017: 155].

В этих условиях корпорации рассматривают научные организации в первую очередь как конкурентов на получение государственных бюджетных ресурсов, а не как партнёров. Отчасти этим объясняется положительная оценка некоторыми экспертами со стороны бизнеса перспектив передачи исследовательских функций университетам. Но становление конкурентоспособных исследовательских университетов – это задача не одного дня, а научные организации, прежде всего прикладной науки, уже сегодня располагают необходимыми компетенциями и экспериментальной базой. О «лукавстве» бизнеса говорит и то, что абсолютное большинство инновационных предприятий сферы услуг и обрабатывающей промышленности (87 и 76% соответственно) никогда не использовали научно-технические результаты, полученные научно-исследовательскими институтами и вузами [Александрова и др. 2014: 2].

Основной довод в пользу бюджетного финансирования исследований и разработок силами самих корпораций основан на том, что они отвечают за конкурентность инновационного продукта и его рыночную реализацию. Противоположная точка зрения базируется на том, что подобное финансирование приводит к дублированию, а зачастую имитации инноваций. В целом все участники инновационной деятельности предпочитают апеллировать к государству для утверждения и продвижения своих интересов, мотивируя это необходимостью повысить эффективность мероприятий в рамках реализации государственной инновационной политики. При этом результаты инновационных проектов зависят прежде всего от масштабов участия государства на разных этапах инновационного процесса – от финансирования проекта до государственного заказа.

Региональный фактор

Одним из измерений противоречий интересов бизнеса, науки и образования является региональная инновационная политика. С одной стороны, перспективы партнёрства на региональном уровне более очевидны – оно поддерживается инте-

Абсолютное большинство инновационных предприятий сферы услуг и обрабатывающей промышленности (87 и 76% соответственно) никогда не использовали научно-технические результаты, полученные научно-исследовательскими институтами и вузами.

ресами региональной экономики, а значит, более практико-ориентировано и востребовано. Однако нерешённые проблемы регионального развития и прежде всего глубокая дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития способствуют концентрации и в определённой степени анклавизации инновационной деятельности, что заведомо сужает сферу и масштабы внедрения инновационных разработок.

Примером тому может быть Томская область, где действуют шесть государственных университетов, два из которых имеют статус национального исследовательского университета – Томский государственный университет и Томский политехнический университет; шесть институтов Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, другие образовательные и научные организации. Первый в стране технопарк также был открыт в Томской области в 1990 г. Удельный вес организаций, осуществлявших исследования и разработки, в 2016 г. составил 70,4% (в 2014 г. – 61,8%). Это самый высокий показатель среди регионов и намного превосходящий средний по стране показатель 40,8% (в 2014 г. – 42,9%) [Индикаторы... 2018: 266–270; Индикаторы... 2016: 252–256]. Но и здесь мощный научно-образовательный потенциал не конвертируется в качество экономического роста [Стратегия... 2015]. В 2016 г. объём инновационных товаров, работ и услуг составил всего 4,2% от общего объёма отгруженных товаров и выполненных работ и услуг (в 2015 г. – 5,2%), что почти в два раза меньше, чем в среднем по стране (8,5%) [Регионы... 2017: 1146–1147].

На региональном уровне противоречия, связанные с неравным статусом участников инновационной деятельности, более заметны. Эксперты, представляющие регионы, в целом принимают тот факт, что *«государство – это не единое целое, а определённые лоббистские группы, связанные с определённой идеологией, которые играют ключевую роль»*. В такой ситуации актуальной становится проблема управления развитием научно-исследовательского и образовательного потенциала страны и отдельных регионов. В масштабах страны выбор приоритетов определяется участием в глобальной «гонке технологий», а в рамках региона – в большей степени потребностями социально-экономического развития территории. Устранение противоречия между этими, условно говоря, «техническим» и «социальным» подходами эксперты видят в выравнивании возможностей для развития инновационного потенциала как в региональном измерении, так и в возможностях отдельных учреждений образования и науки.

Среди мер в этом направлении – отказ от приоритетной поддержки узкого круга участников инновационной деятельности в пользу его расширения и развития научно-исследовательской среды в целом. В основе такой точки зрения лежит

В масштабах страны выбор приоритетов определяется участием в глобальной «гонке технологий», а в рамках региона – в большей степени потребностями социально-экономического развития территории.

мнение о невозможности догнать мировых лидеров инноваций, преимущества которых складывались в течение многих десятилетий, а в ряде случаев и столетий, и включают не только условия для инновационной деятельности, но широкий спектр социальных и экономических возможностей [Подцероб 2017]. В данном контексте само участие в глобальной гонке инноваций в конечном счете ведёт к утверждению либеральной модели инновационной политики, которая давно уже не знает национальных границ. С этим связаны опасения экспертов по поводу «утечки мозгов» за рубеж, равно как и скепсис по поводу их возвращения.

Пока же имеет место продолжающаяся концентрация научно-исследовательского потенциала в отдельных регионах, научных и образовательных центрах. Как показал опрос экспертов, такой подход действительно во многом способствует локальному сотрудничеству бизнеса, науки и университетов. Это особенно заметно на примере региональных инновационных кластеров, создание которых помогло осознать, артикулировать и продвигать общие интересы в органах власти. Однако недостатком такого подхода является зависимость от многоуровневой административной поддержки – от муниципалитета до федерации. Действие административного ресурса при этом проявляется в создании эксклюзивной среды из инвестиций, информации, рекламы, инфраструктуры, логистики, государственного (муниципального) заказа и др. – всего того, что в рыночной экономике образуется естественным конкурентным путём. Как отмечают участники таких партнёрств, без административной поддержки у них не было бы возможности выпускать востребованную и конкурентную на глобальном рынке продукцию. В большинстве же регионов местный административный ресурс способен обеспечить инновации лишь меньшего масштаба и уровня, даже несмотря на имеющийся научно-исследовательский и производственный потенциал.

Особенности лоббирования технологических инноваций

Противоречия между интересами основных участников инновационной деятельности во многом определили специфику лоббирования технологических инноваций. По некоторым оценкам, около 90% лоббистской деятельности составляют теневые неформальные отношения власти и бизнеса [Рынок... 2012]. Другой особенностью российского лоббизма является разветвлённое посредничество на разных уровнях управленческой вертикали при высокой степени централизации и персонализации процесса принятия решений. Так, к категории «эффективных» лоббистов относят «первых лиц» государствен-

Особенностью российского лоббизма является разветвлённое посредничество на разных уровнях управленческой вертикали при высокой степени централизации и персонализации процесса принятия решений.

ных, коммерческих и общественно-политических структур, региональных лидеров и так называемых лоббистов-профессионалов [Туранов 2018]. Всё это обуславливает неустойчивость позиций самих лоббистов и многоступенчатость и разноректорность лоббистских стратегий.

Особенностью лоббирования технологических инноваций является высокая степень риска на всех этапах – от разработки до коммерческой реализации, поэтому каждый этап требует своей стратегии и механизмов её реализации. В этих условиях значение приобретают такие составляющие лоббистской деятельности, как прогнозирование, аналитика и экспертиза. Исследователи и разработчики имеют больше шансов получить поддержку своих проектов, если их проблемы, принципы и решения будут соответствовать наиболее перспективным направлениям в рамках «Прогноза научно-технологического развития», которые учитываются при разработке, реализации и корректировке документов государственного стратегического планирования социально-экономического развития РФ [Прогноз... 2014: 219–220].

По причине растущих рисков при принятии решений и ограниченности ресурсов в последнее время всё больший вес приобретает *экспертный лоббизм*. Экспертные советы при Президенте РФ, Государственной Думе, Совете Федерации, Российском научном фонде и других федеральных и региональных структурах, равно как и ведущие образовательные и научные, в том числе корпоративные институты, не только конкретизируют направления технологической политики, но и формируют определённый публичный имидж инновационной деятельности. Уже сегодня экспертный лоббизм можно рассматривать как альтернативу теневым отношениям и важный шаг в сторону становления в России цивилизованного лоббизма, тем более что экспертная деятельность регламентирована соответствующими законодательными и нормативными актами.

Что касается лоббирования интересов частного бизнеса, то сегодня единственным объединением предпринимателей, действующим на основе законодательной базы, является система торгово-промышленных палат, работа которой регулируется ФЗ № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» от 7 июля 1993 г. с последующими изменениями и дополнениями. Этот закон наделяет Торгово-промышленную палату РФ правом осуществлять независимую экспертизу законопроектов, представлять и защищать интересы входящих в неё отраслевых союзов и ассоциаций в органах государственной власти. Важным обстоятельством является также наличие разветвлённой региональной сети торгово-промышленных палат.

Однако в силу целого ряда причин главными лоббистами в сфере инноваций в России являются крупные предприятия. Имея значительные ресурсы, крупный бизнес стремится закрепить своё экономическое положение через взаимодействие с государственными институтами или непосредственное вхождение во властные структуры, что позволяет минимизировать существующие риски в сфере инноваций, но одновременно затрудняет доступ к государственной поддержке для малого и среднего бизнеса (МСБ). Данные исследований показывают, что 35% крупных предприятий использовали хотя бы один механизм государственной поддержки инноваций, в то время как среди малых и средних предприятий эта доля не превышает 10% [Александрова и др. 2015: 4–5]. К тому же инновационную активность МСБ сдерживает целый ряд недавних законодательных и нормативных инициатив, связанных с импортозамещением, антимонопольной политикой, удовлетворением государственных и муниципальных нужд и др. Чрезмерная регламентация деятельности и ограничение доступа к дешёвым финансовым ресурсам – то, с чем столкнулись малые и средние инновационные предприятия.

Лоббизм технологических инноваций имеет различные формы. В большинстве случаев теневой лоббизм компенсирует низкое качество государственного управления, по сути финансируя риски управленческих решений, а не риски, связанные с разработкой и производством инноваций. Вместе с тем инновационная деятельность сама по себе способствует развитию институционального лоббизма, принося в него экспертно-аналитические и прогностические функции.

Заключение

Основные участники инновационной деятельности в большей степени ориентированы на взаимодействие с государственными институтами, чем между собой, что объясняется доминирующей ролью государства в становлении и развитии инновационной среды. Ключевыми партнёрами государства на данном этапе реализации инновационной политики являются корпорации – именно им приписывается способность преодолеть разомкнутость инновационной среды через объединение разрозненных ресурсов и повышение наукоёмкости производства. При этом результаты конкретных инновационных проектов зависят прежде всего от масштабов участия государства на разных этапах инновационного процесса – от финансирования проекта до государственного заказа. Одновременно идёт процесс институционализации групп интересов в сфере инновационной деятельности. Наука, бизнес и образование в равной степени «пробуют свои силы» в смежных отраслях, что способствует конвергенции компетенций и ресурсов.

В большинстве случаев теневой лоббизм компенсирует низкое качество государственного управления, по сути финансируя риски управленческих решений, а не риски, связанные с разработкой и производством инноваций.

Ключевыми партнёрами государства на данном этапе реализации инновационной политики являются корпорации – именно им приписывается способность преодолеть разомкнутость инновационной среды через объединение разрозненных ресурсов и повышение наукоёмкости производства.

Библиографический список

Александрова Е. А., Кузнецова Т. Е., Рудь В. А. 2014. Кооперация российских предприятий и научных организаций // Инновационная активность субъектов инновационного процесса. Бюллетень. № 3. 4 с.

Александрова Е. А., Кузнецова Т. Е., Рудь В. А. 2015. Особенность государственной поддержки инноваций // Инновационная активность субъектов инновационного процесса. Бюллетень. № 4. 7 с.

Бизнес и власть в современной России: теория и практика взаимодействия / Под ред. П. А. Толстых. М.: РАГС, 2010. 286 с.

Воробьев А. А. 2016. Развитие интеграционного взаимодействия субъектов региональной инновационной деятельности. Воронеж: Научная книга. 164 с.

Дежина И., Пономарев А. 2014. Перспективные производственные технологии: новые акценты в развитии промышленности // Форсайт. Т. 8. № 2. С. 16–29.

Дынкин А. А., Соколов А. А. 2002. Интегрированные бизнес-группы в Российской экономике // Вопросы экономики. № 4. С. 78–95.

Индикаторы инновационной деятельности: Стат. сб. 2016 / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг и др. М.: НИУ ВШЭ. 320 с.

Индикаторы инновационной деятельности: Стат. сб. 2018 / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг и др. М.: НИУ ВШЭ. 344 с.

Как пробудить спящих гигантов. 2017. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depino/2017130114> [Дата посещения: 20.05.2018].

Ключарев Г. А., Диденко Д. В., Латова Н. В., Латов Ю. В., Шереги Ф. Э. 2016. Образование, наука и бизнес в создании наукоёмких сред. СПб.: Нестор-История. 288 с.

Ключарев Г. А., Попов М. С., Савинков В. И. 2017. Образование, наука и бизнес: новые грани взаимодействия. М.: Институт социологии РАН. 488 с.

Лапин Н. И. 2011. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. № 9. С. 3–18.

Меньшенина Н. Н., Пантелеева М. В. 2016. Лоббизм: курс лекций. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 136 с.

Национальный доклад об инновациях в России. М: МЭР РФ, ОП РФ, РБК. 2016. 104 с.

Павроз А. В. 2009. Соискание ренты как категория политического анализа // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. № 2. С. 84–94.

Перегудов С. 2000. Крупная российская корпорация как социально-политический институт (опыт концептуально-прикладного исследования). М.: ИМЭМО РАН. 139 с.

Подцероб М. 2017. Почему российские вузы не поднимаются высоко в международных рейтингах // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/10/17/738144-vuzi-ne-podnimayutsya> [Дата посещения: 25.05.2018].

Прогноз научно-технологического развития: 2030 / Под ред. Л. М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 244 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2017. 1402 с.

Рынок лоббистских услуг в России: результаты исследования взаимодействия GR-компаний с органами государственной власти (на примере Москвы). М.: Фонд содействия изучению практики принятия правовых и управленческих решений, 2012. URL: <http://lobbyinst.org/images/moscowmarket%20lobbying%20services.pdf> [Дата посещения: 20.05.2018].

Селезнева И. Е., Ключков В. В. 2017. Институциональные проблемы организации прикладных исследований и разработки высокотехнологичной продукции // Проблемы управления научными исследованиями и разработками. Труды III науч.-практ. конф. 26 октября 2017 г. Москва: ИПУ РАН: НИЦ «Ин-т им. Н. Е. Жуковского». С. 151–157.

Семченков А. С. 2017. Взаимоотношения с государственными структурами и технологии лоббирования. М.: МАКС Пресс. 128 с.

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642. 2016. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> [Дата посещения: 20.05.2018].

Стратегия социально-экономического развития Томской области до 2030 года, утвержденная Постановлением Законодательной Думы Томской области от 26.03.2015 № 2580. 2015. URL: <http://old.duma.tomsk.ru/page/29000/> [Дата посещения: 20.05.2018].

Сухарев О. С. 2017. Эволюционная экономическая теория институтов и технологий (проблемы моделирования). М.: Ленанд. 144 с.

Туранов С. 2018. Лучшие лоббисты России – четвертый квартал и итоги 2017 года // Независимая газета. 30 января. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-01-30/5_7161_lobby.html [Дата посещения: 30.05.2018].

Edelman L. B. 2007. Overlapping fields and Constructed Legalities: The Endogeneity of Law // Private Equity, Corporate Governance and the Dynamics of Capital Market Regulation. London: Imperial College Press. P. 55–90.

Edquist C. 1993. *Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations*. London: Routledge. 408 p.

Juma C. 2016. *Innovation and Its Enemies: Why People Resist New Technologies*. Oxford: OUP. 432 p.

Shatilov A., Seleznev P. 2015. Innovation policy in contemporary Russia and the struggle for influence between the leading groups within the establishment // *Review of business and economic studies*. № 3(4). P. 5–12.

Werle R. 2011. *Institutional Analysis of Technical Innovation. A Review*. Stuttgart: University of Stuttgart. 32 p.

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.543

State Policy on Innovation, Techno-Lobbyism and Interest Groups

Trofimova Irina Nikolaevna

Doctor of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: itnmv@mail.ru

Khamidoullina Ekaterina Yuryevna

Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: Katerinatitikaka@gmail.com

Abstract. This is an article on the issues with implementing state innovational policy within the context of conflict between the main players in the sphere of innovation, represented by the fields of business, education and science. Special attention is paid to the conflict of interest occurring throughout the process of developing, producing and commercializing technological innovations. As for the theoretical-methodological basis for this study, it consists of clauses which consider innovational activity to be a complex phenomenon, it including relations and interests of various nature, as well as strategies for their implementation. Highlighted is the presence of hidden conservative strategies caused by inequality and instability in terms of how interest groups stand in relation to the government and government institutions. The empirical basis consists of results from 90 interviews with Russian experts (conducted in 2016–2018): this fact defines the relevance, novelty and experimental nature of the study. It is revealed that those parties which partake in innovational activity are inclined more towards collaborating with government institutions than with one another, which explains the dominant role of the state in growing and developing the innovational environment. The government's main partners at this particular stage of implementing innovation policy are corporations: it is considered that they are the ones able to increase the economy's and society's receptiveness of innovations, to overcome the innovation sphere's open state via combining scattered resources and incorporating more science into the production process. The results of specific innovation projects primarily depend on the degree of government involvement in the innovation process at any given stage, from financing a project to government contracts. It is revealed that lobbying technological innovations has a certain peculiarity to it, as in high levels of risk when it comes to development, transfer and commercial implementation. Therefore, value is gained by such aspects of lobbying activity as prediction, analysis and expert evaluation. Indicated is the fact that, in most cases, "shadow lobbying" compensates the poor quality of government management, by basically funding risks associated with executive decisions, not those associated with developing and producing technological innovations. Innovation activity also promotes the institutionalization of techno-lobbying, actualizing its expert-analytical and predictive functions.

Keywords: innovation policy, innovative technologies, state, business, science, education, interest groups, technology.

References

Alexandrova E. A., Kuznetsova T. E., Rud' V. A. Osobennost' gosudarstvennoy podderzhki innovatsiy [Feature of state support of innovation]. *Innovatsionnaya aktivnost' sub"ektov innovatsionnogo processa: Bulletin*, 2015, no 4, pp. 1–7 (in Russ.).

Alexandrova E. A., Kuznetsova T. E., Rud' V. A. Kooperatsiya rossiyskikh predpriyatii i nauchnykh organizatsiy [Cooperation of Russian enterprises and scientific organizations]. *Innovatsionnaya aktivnost' sub"ektov innovatsionnogo processa: Bulletin*, 2014, no 2, pp. 1–4 (in Russ.).

Biznes i vlast' v sovremennoy Rossii: teoriya i praktika vzaimodejstviy [Business and power in modern Russia: theory and practice of interaction]. Ed. by P. A. Tolstykh. Moscow, RAPA publ., 2010. 286 p. (in Russ.).

Dezhina I., Ponomarev A. Perspektivnye proizvodstvennye tekhnologii: novye akcenty v razvitiy promyshlennosti [Perspective production technologies: new accents in the development of industry]. *Forsite*, 2014, no 8 (2), pp. 16–29 (in Russ.).

Dynkin A. A., Sokolov A. A. Integrirovannyye biznes-gruppy v Rossiyskoy ekonomike [Integrated business groups in the Russian economy]. *Voprosy ekonomiki*, 2002, no 4, pp. 78–95 (in Russ.).

Edelman L. B. Overlapping fields and Constructed Legalities: The Endogeneity of Law. Private Equity, Corporate Governance and the Dynamics of Capital Market Regulation. London, Imperial College Press, 2007, pp. 55–90.

Edquist C. *Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations*. London, Routledge, 1993. 408 p.

Indikatory innovatsionnoy deyatel'nosti [Indicators of innovation]. Ed. by N. V. Gorodnikova, L. M. Gohberg et al. Moscow, NRU HSE publ., 2016. 320 p. (in Russ.).

Indikatory innovatsionnoy deyatel'nosti [Indicators of innovation]. Ed. by N. V. Gorodnikova, L. M. Gohberg et al. Moscow, NRU HSE publ., 2018. 344 p. (in Russ.).

Juma C. *Innovation and Its Enemies: Why People Resist New Technologies*. Oxford, Oxford University press, 2016. 432 p.

Kak probudit' spiashchikh gigantov [How to awaken the sleeping giants]. The Official website of Russian Ministry of economic development. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depino/2017130114> [date of visit: 20.05.2018] (in Russ.).

Kliuchariov G. A., Didenko D. V., Latova N. V., Latov Y. V., Sheregi F. *Obrazovanie, nauka i biznes v sozdaniy naukoymkih sred* [Education, science and business in the creation of science-intensive environments]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya, 2016. 288 p. (in Russ.).

Kliuchariov G. A., Popov M. S., Savinkov V. I. *Obrazovanie, nauka i biznes: novye grani vzaimodejstviya* [Education, science and business: new facets of interaction]. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017. 488 p. (in Russ.).

Lapin N. I. *Sociokul'turnye faktory rossiyskoy stagnatsii i modernizatsii* [Sociocultural factors of the Russian stagnation and modernization]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2011, no 9, pp. 3–18 (in Russ.).

Men'shenina N. N., Panteleeva M. V. *Lobbizm* [Lobbyism]. Ekaterinburg, Ural university publ., 2016. 136 p. (in Russ.).

Natsional'ny doklad ob innovatsiyah v Rossii [National report on innovations in Russia]. Moscow, Russian Ministry of Economic Development, Public Chamber of the Russian Federation, RBC, 2016. 104 p. (in Russ.).

Pavroz A. V. *Soiskanie renty kak kategoriya politicheskogo analiza* [Rent seeking as a category of political analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 12 (Politicheskie nauki)*, 2009, no 2, pp. 84–94 (in Russ.).

Peregudov S. P. *Krupnaya rossiyskaya korporatsiya kak social'no-politicheskiy institut (opyt konceptual'no-prikladnogo issledovaniya)* [Large Russian corporation as a socio-political institution]. Moscow, IWEIR RAS publ., 2000. 139 p. (in Russ.).

Podcerob M. Pochemu rossiyskie vuzy ne podnimayutsya vysoko v mezhdunarodnykh reytingah [Why are Russian universities not raised high in international rankings]. Vedomosti Official website, release 17.10.17. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/10/17/738144-vuzi-ne-podnimayutsya> [date of visit: 25.05.2018] (in Russ.).

Prognoz nauchno-tehnologicheskogo razvitiya: 2030. [Forecast of scientific and technological development: 2030]. Ed. by L. M. Gohberg. Moscow, NRU HSE publ., 2014. 244 p.

Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Moscow, Rosstat, 2017. 1402 p. (in Russ.).

Rynok lobbistskih uslug v Rossii: rezul'taty issledovaniya vzaimodeystviya GR-kompaniy s organami gosudarstvennoy vlasti (na primere Moskvy) [The market of lobbying services in Russia: the results of a study of the interaction of GR companies with state authorities (on the example of Moscow)]. Fond sodeystviya izucheniyu praktiki priniatiya pravovykh i upravlencheskih resheniy. URL: <http://lobbyinst.org/images/moscowmarket%20lobbying%20services.pdf> [date of visit: 20.05.2018] (in Russ.).

Selezniova I. E., Klochkov V. V. Institucional'nye problemy organizacii prikladnyh issledovaniy i razrabotki vysokotekhnologichnoy produkcii [Institutional problems of organization of applied research and development of high-tech products]. Problemy upravleniya nauchnymi issledovaniyami i razrabotkami – 2017. Moscow, IPU RAN, Zhukovsky Institute, 2017, pp. 151–157 (in Russ.).

Semchenkov A. S. Vzaimootnosheniya s gosudarstvennymi strukturami i tekhnologii lobbirovaniya [Relations with state structures and technology of lobbying]. Moscow, MAKS Press, 2017. 128 p. (in Russ.).

Shatilov A., Selezniov P. Innovation policy in contemporary Russia and the struggle for influence between the leading groups within the establishment. Review of business and economic studies, 2015, no 3 (4), pp. 5–12 (in Russ.).

Strategiya nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federacii 2016 [The strategy of scientific and technological development of the Russian Federation 2016]. The Russian President Official website. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> [date of visit: 20.05.2018] (in Russ.).

Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Tomskoy oblasti do 2030 goda, utverzhdannaya Postanovleniem Zakonodatel'noy Dumy Tomskoy oblasti ot 26.03.2015 no 2580 [The strategy of socio-economic development of the Tomsk region until 2030]. Tomsk region parliament Official website. URL: <http://old.duma.tomsk.ru/page/29000> [date of visit: 20.05.2018] (in Russ.).

Suharev O. S. Evoliucionnaya ehkonomicheskaya teoriya institutov i tekhnologij (problemy modelirovaniya) [Evolutionary economic theory of institutions and technologies]. Moscow, Lenand, 2017. 144 p. (in Russ.).

Turanov S. Luchshie lobbisty Rossii – chetvertyj kvartal i itogi 2017 goda [The best lobbyists of Russia – the fourth quarter and the results of 2017]. Nezavisimaya gazeta, release 30.01.2018. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-01-30/5_7161_lobby.html [date of visit: 30.05.2018] (in Russ.).

Vorobiov A. A. Razvitie integratsionnogo vzaimodeystviya sub"ektov regional'noy innovacionnoy deyatel'nosti [Development of integration interaction of actors of regional innovation activity]. Voronezh, Nauchnaya kniga, 2016. 164 p. (in Russ.).

Werle R. Institutional Analysis of Technical Innovation. A Review. Stuttgart, University of Stuttgart, 2011. 32 p.

Транзит, модернизация, и н н о в а ц и и

Московская реновация: анализ российских СМИ

Абрамова Надежда Владиславовна – аналитик,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; преподаватель,
Государственный академический университет
гуманитарных наук, Москва

E-mail: nabramova@hse.ru

Московская реновация: анализ российских СМИ

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.544

Аннотация. Статья посвящена анализу публичных дискуссий о реновации в Москве. Эмпирической базой анализа послужили публикации в СМИ. В 2017 г. слово «реновация» упоминалось в 9935 публикациях (по данным «Integrum»). Основой анализа стали материалы федеральных СМИ, включённых в «Integrum». Работа проводилась за период с марта по август 2017 г. Теоретико-методологическим основанием исследования являются ключевые понятия диалогической модели социальной коммуникации Т. Дридзе: «смысловые ножницы», «квазикоммуникация», в которой рассматриваются причины возникновения «смысловых ножниц». В процессе анализа выделены участники процесса реновации: политики, жители домов, градостроительные организации, строители. На основе анализа СМИ можно сделать вывод, что в процессе пересмотра «общественного договора» произошло расхождение смысловых «фокусов» у политиков и жильцов. И оно было устранено политиками благодаря корректировке информационной кампании, посвящённой реновации, и созданию площадок для диалога с жителями.

Ключевые слова: реновация, диалогическая модель социальной коммуникации, «смысловые ножницы», «квазикоммуникация», контент-анализ

В 2017 г. после запуска процесса реновации Москвы в средствах массовой информации прошло бурное обсуждение этого процесса, и его представление городскими властями в СМИ оказалось в фокусе нашего внимания.

Социология городского пространства интересовала многих известных социологов: Э. Дюркгейма, П. Бурдьё, Г. Зиммеля, Р. Парка, Э. Бёрджеса, А. Лефевра. Этому вопросу также посвящены работы градостроителей К. Линча, В. Глазычева.

Реализация программы реновации в Москве, начатая в феврале 2017 г., была сопряжена с появлением необходимости пересмотра «общественного договора» между органами власти и населением [Тихонов, Мерзляков, Богданов 2017]. Программа реновации стала ключевой темой в СМИ в 2017 г.; нами был проведён анализ публикаций, чтобы понять расхождение взглядов (у политиков и населения) на пересмотр «общественного договора».

При анализе представления процесса реновации в СМИ мы обратились к ключевым понятиям, которые используются в диалогической модели социальной коммуникации Т. Дридзе, поскольку «диалог» и «диалогическая коммуникация» наиболее важны для анализа изучаемого процесса. Автор при написании текста продуцирует интенцию, а читатель воспринимает эту интенцию при чтении. Под коммуникативной интенцией подразумевается «равнодействующая мотива и цели деятельности, общения и взаимодействия людей с окружающим их миром» [Дридзе 1996: 145]. В зависимости от того, произошло ли понимание авторской интенции читателем, можно судить об успешности коммуникации. Так, если произошло расхождение смысловых «фокусов», то используется понятие «псевдокоммуникация», т. е. «попытка диалога, не увенчавшаяся адекватными интерпретациями коммуникативных интенций», или «квазикоммуникация» – «ритуальное «действие», применяющее общение и не предполагающее диалога по исходному условию» [Дридзе 1996: 147]. «Смысловые ножницы» можно описать «как ситуацию возникновения смыслового «вакуума», вызванного несовпадением смысловых «фокусов» текстовой деятельности партнёров в ходе знакового общения» [Дридзе 1996: 149]. Выявление причин возникновения «смысловых ножниц» является важным этапом анализа процесса коммуникации. С этой целью проводится их диагностика и даются рекомендации по устранению сбоя.

При возникновении разногласий между властью и населением в процессе реализации программы реновации власть может осуществить организованное вмешательство в социальное взаимодействие. А. Тихонов даёт следующее определение: в «качестве онтологических оснований научно-исследовательской программы социологии управления выступает

Смысловые ножницы» можно описать «как ситуацию возникновения смыслового «вакуума», вызванного несовпадением смысловых «фокусов» текстовой деятельности партнёров в ходе знакового общения». Выявление причин возникновения «смысловых ножниц» является важным этапом анализа процесса коммуникации.

позитивная практика вмешательства органов власти и управления в социальные процессы без их разрушения, способствующая достижению продуктивных целей и поддержанию самих процессов в диапазоне управляемости» [Социология управления... 2015: 193].

В других работах российских социологов также проводится анализ стратегий и взаимодействий между властью и группами гражданских активистов: принципы информирования жителей при реализации градостроительных проектов [Цой, Сергеев 2006], публичные слушания [Постоленко, Чернова 2007], обоснование роли технологии социального участия в социальном управлении и возможности технологизации такого участия [Акимкин 2014], изменения взаимоотношений населения и городских властей в ситуациях вмешательства строительных организаций в городскую среду [Расходчиков 2017], работа градозащитных движений Петербурга [Гладарев 2012], дискурс-анализ реконструкции Саратова [Карпов 2013], методы бесконфликтной реконструкции территорий [Стадников 2010]. Большой теоретический вклад в налаживание диалога между властью и обществом внесли исследования властно-управленческой деятельности [Тихонов 2017], коммуникативной структуры гражданского общества [Шилова 2013].

Методология

Цель данной работы – проанализировать публичные дискуссии о реновации, используя в качестве ресурса интерпретации диалогическую модель социальной коммуникации Т. Дридзе. Также мы обратились к неопрагматистской социологии Л. Болтански и Л. Тевено, поскольку это позволило получить новое знание о проблеме реновации при возникновении «смысловых ножниц».

В фокусе внимания оказались дискуссии, возникающие вокруг проведения реновации. Этой теме было посвящено множество публикаций в СМИ. В 2017 г. слово «реновация» упоминалось в 9935 публикациях (по данным «Integrum»). Основой анализа стали материалы федеральных СМИ, включённых в «Integrum» (Коммерсантъ, Московский комсомолец, Российская газета, Аргументы и Факты, Ежедневная деловая газета РБК, Аргументы и Факты (Приложения), Известия, Независимая газета). Именно в этих изданиях было наибольшее количество публикаций, посвящённых реновации. Анализ отобранных СМИ проводился с марта по август 2017 г. Слово «реновация» стало упоминаться в федеральных СМИ в марте–апреле – в среднем 145 публикаций в месяц. Максимум активности в мае–июне – около 400 публикаций в месяц, а затем последовало снижение. Поэтому для проведения контент-анализа было выделено три этапа: первый – март–апрель, второй – май–июнь, третий этап – июль–август. Анализировались

439 публикаций. Единица анализа – публикация. Анализ проводился в основном с помощью манифестного (открытого) кодирования, но при анализе позиции жителей было применено также и латентное (скрытый семантический анализ) кодирование. Контент-анализ позволил отследить изменения в информационной кампании в СМИ на трёх выделенных этапах, выявить проблемные ситуации и темы, вызывающие социальное напряжение, а также альтернативные варианты решений и общественные инициативы. Помимо этого, был использован сводный обзор по итогам встреч глав управ с местными жителями, подготовленный Фондом «Петербургская политика» и компанией «Медиалогия»¹. Обзор был использован для уточнения позиции жителей по вопросу реновации на первом этапе контент-анализа.

Применительно к обсуждению реновации в СМИ мы опирались на диалогическую модель социальной коммуникации Т. Дридзе, дополненную шестью мирами из неопрагматической социологии. В ситуации расхождения смысловых «фокусов» каждая сторона опирается на свою систему ценностей. Л. Болтански и Л. Тевено выделяют шесть миров, которые охватывают весь спектр оправданий и критики: гражданский мир, мир вдохновения, патриархальный мир, мир известности, мир рынка, индустриальный мир [Болтански, Тевено 2013]. Такие ситуации могут быть улажены при условии, что спорящие вступят в диалог и озвучат свои убеждения и ценности, но необходима коммуникативная площадка для обсуждения. Только на этой площадке может сложиться возможность для диалога и поиска конструктивных решений.

Анализируемый случай (кейс-стади)

Возможности использования диалогической модели социальной коммуникации Т. Дридзе мы продемонстрируем на примере анализа публичных дискуссий о реновации в Москве. Эта реновация представляется интересным и содержательным предметом для анализа. В данном исследовании в фокус внимания попали причины возникновения «смысловых ножиц» в понимании реновации между жильцами и политиками. Согласно Постановлению Правительства № 245 «Об учёте мнения населения по проекту реновации жилищного фонда в городе Москве», на портале «Активный гражданин» был проведён опрос. Список домов был скорректирован после проведения голосования на портале «Активный гражданин», в центрах государственных услуг «Мои документы», на

¹ Встречи в управах 19 апреля по вопросам реновации в Москве и новая столичная повестка. Свободный обзор // Петербургская политика <https://fpp.spb.ru/fpp-review-2017-04-26> [Дата посещения: 20.09.2018].

общих собраниях собственников помещений. В опросе приняли участие жильцы домов, подлежащих сносу. Голосование проходило с 15 мая по 15 июня 2017 г. По правилам голосования, если более 2/3 квартир дома отдадут свои голоса в пользу сноса, то дом остаётся в списке на реновацию.

В целом можно выделить несколько участников реновации: политики, жители домов, архитектурные службы, строители. В процессе дискуссии они использовали различные обоснования для своей позиции по данному вопросу. Опираясь на ключевые понятия диалогической модели социальной коммуникации Т. Дридзе, был проведён анализ федеральных СМИ.

Позиция политиков

Контент-анализ проводился для трёх этапов (март–апрель, май–июнь, июль–август). В процессе проведения контент-анализа публикаций были выделены следующие этапы. На первом политики часто упоминали о 250 тысяч обращений жителей о проведении капитального ремонта в «хрущёваках», но так как это жильё ветхое, то целесообразнее проведение реновации. И, по мнению политиков, необходимо организовать голосование на портале «Активный гражданин» о включения дома в программу реновации. На втором этапе эксперты давали интервью о проведении реновации, во время голосования на портале «Активный гражданин» появились «молчуны», то есть жильцы, не принявшие участие в голосовании о сносе дома. На третьем публикации были посвящены созданию программы реновации. Частое упоминание в СМИ на первом и втором этапе портала «Активный гражданин» связано с тем, что на этом портале проводилось голосование жильцов, что позволило политикам легитимизировать проведение реновации. Политиками при обосновании своей позиции о необходимости проведения реновации в процессе коллективного обсуждения используются гражданский (250 тысяч обращений жителей, голосование) и научно-технический миры (энергоэффективность, ветхое жильё).

Контент-анализ также позволил отследить изменения в информационной кампании в СМИ. На первом этапе политики утверждали, что реновация социально значима, то есть представляет ценность с позиции гражданского мира. Соответственно, в фокус внимания попадал не сам процесс реновации, а та польза, которую принесёт этот процесс для общества с точки зрения политиков. При обсуждении вопроса необходимости реновации политики апеллировали к большому количеству обращений граждан, то есть прибегали к аргументации из гражданского мира. Депутаты Московской городской Думы и Общественной палаты пришли к выводу, что «хрущёвки» непригодны для капитального ремонта из-за вет-

хости и аварийности, а потому их проще снести. То есть они обращались к дискурсу с позиций научно-технического мира. В это же время началась разъяснительная работа властей среди населения – стали проводиться первые встречи глав управ с предполагаемыми переселенцами.

Во второй половине апреля 2017 г. были проведены встречи с населением по вопросам, связанным с реновацией. Главы управ, по мнению экспертов, были не готовы к проведению дискуссии. Так, многие главы управ «не знали текста законопроекта, продемонстрировали неготовность брать на себя ответственность за городскую повестку»¹. На основе анализа встреч выявлен ряд вопросов, волновавших жителей, и перечень этих вопросов отличался от позиции политиков в СМИ, то есть можно говорить о возникновении «смысловых ножниц». И так как был сделан обзор анализа встреч, то одновременно была проведена диагностическая процедура по выявлению причин несовпадения смыслов у жильцов и политиков о процессе реновации.

На втором этапе (май–июнь) власть, желая исправить негативную реакцию населения на реновацию, начала вносить корректировки в информационную кампанию и совершенствовать своё взаимодействие с жителями (встречи с префектами). Так, на первом этапе, при реализации проекта реновации возникли разногласия между жителями сносимых домов и политиками по вопросам о правовых гарантиях жильцов, которые отражены в законодательстве, а также по вопросу голосования о сносе домов. На втором этапе проводилась большая разъяснительная информационная кампания по процедуре голосования в «Активном гражданине» о включении дома в список на снос. Затем Правительство Москвы вывесило материалы голосования в «Активном гражданине». Кроме того, обсуждалась ситуация по вопросу учёта мнения «молчунов». Для обоснования своей позиции политики также обращались к дискурсу научно-технического мира: упоминали об энергоэффективности и долговечности новых домов.

Параллельно с этим проводилась доработка закона о реновации, в процессе которой учитывались замечания горожан. Так, в закон было включено дополнение, что ни один дом не может быть снесён без согласия собственников, которые смогут получить равноценное помещение или денежную компенсацию. Новую квартиру с ремонтом будут предоставлять только в районе проживания. Отчуждение собственности можно оспорить на любом этапе реализации программы. Московские власти по закону возьмут на себя организацию переезда для тех, кому это сложно сделать самостоятельно.

¹ Встречи в управах 19 апреля по вопросам реновации в Москве и новая столичная повестка. Свободный обзор // Петербургская политика <https://fpp.spb.ru/fpp-review-2017-04-26> [Дата посещения: 20.09.2018].

Программу реновации обсуждали с жителями и экспертами в управах и Общественной палате Москвы. Все конструктивные вопросы легли в основу поправок в федеральный закон. 17 мая столичные депутаты приняли отдельный городской законодательный акт, который удовлетворил требования собственников. Член Общественной палаты Москвы П. Данилин описал изменения в законодательстве и информационной кампании:

Безусловно, произошло качественное изменение законопроекта, в первую очередь в вопросе гарантии судебной защиты, а также в критериях отнесения жилья к реновационному фонду. Та информационная работа, которую проводили московские власти, в том числе в районах и во дворах, дала хорошие плоды – число протестующих снизилось. Это была правильная политика – продолжать работу, но не игнорировать претензии людей. Мы видели, что на митинг 14 мая вышло порядка 25 тысяч человек, а на митинг 12 июня – значительно меньше, около двух тысяч. Это ли не наглядный пример? За месяц количество протестующих уменьшилось почти в десять раз. По своей открытости и готовности строить диалог с жителями политика московской мэрии была беспрецедентной для любого региона нашей страны, для любой политической и социальной кампании. Это и позволило добиться успеха»¹.

Позиция жильцов сносимых домов

При анализе позиции жильцов на основе контент-анализа СМИ выделены следующие этапы. На первом у жильцов сносимых домов возник ряд опасений о законодательных гарантиях при сносе дома и последующем переезде, появились слухи о переселении в Новую Москву и необоснованность взносов на капитальный ремонт. На втором этапе появились публикации о митингах по внесению дома в список реновации и вопросы по голосованию на портале «Активный гражданин». А на третьем уже стали подниматься вопросы о качестве отделки квартир. Жильцы сносимых домов при обосновании своей позиции по поводу реновации обращаются к дискурсу гражданского мира.

На основе контент-анализа можно сказать, что на первом этапе у жителей появились вопросы по проведению реновации, в первую очередь по поводу отсутствия законодательных гарантий. Для более полного анализа вопросов, которые волновали жителей, мы обратились к сводному обзору по итогам встреч глав управ с местными жителями, где была описана

¹ Объяснять, не давить, отвечать: что доказало принятие закона о «реновации» // Московский комсомолец, 16 июня 2017.

реакция москвичей на новую столичную повестку¹. В обзоре основные моменты недовольства жителей сводились к «отсутствию законодательных гарантий, тревожности по поводу района переезда, неустановленности количества вариантов квартир для просмотра, недоверию к процедуре голосования, тревоге за судьбу района, неудовлетворённости запроса на изменение размера квартиры, отсутствию специальных решений для особых категорий, непрояснённости обстоятельств и условий переезда»². Многие вопросы жителей не были освещены в СМИ на первом этапе, так как в фокус внимания политиков они ещё не попали. То есть можно сделать вывод о возникновении «смысловых ножниц», так как произошло несовпадение смысловых «фокусов» у политиков и жителей.

Контент-анализ показал, что на втором этапе появилось много публикаций о митингах. Во всех анализируемых источниках, за исключением «Коммерсанта», практически нет информации о митингах против реновации, но много публикаций о митингах о необходимости включения дома в реновацию. То есть в первоначальный список не попали дома, находящиеся в аварийном состоянии, и жильцы вышли на митинги.

В этот период вопрос о реновации воспринимался жителями как проблемная жизненная ситуация. Жителей волновали вопросы об отсутствии законодательных гарантий:

*Живу в пятиэтажке, попавшей в список на реновацию. На днях собрание собственников, но я не могу решить, «за» я или «против». Я же не понимаю, какая квартира мне достанется и где! И что делать, если она мне не понравится? А решить надо быстро, разве это дело? Ещё я запуталась: вроде московские депутаты приняли закон о гарантиях для «переездунгов», а Госдума ещё нет. Разве так бывает? (О. Латышева, Кузьминки)*³.

Также жителям было важно понять, в каких квартирах им предстоит жить. Они указывали на необходимость консультаций со специалистами по данному вопросу:

*Я пришла на этот приём от имени целого дома за информацией и профессиональными советами. Мы попали в программу реновации, но у нас ещё есть масса сомнений. Когда речь идёт о собственном жилье, хочется железобетонных гарантий и досконального понимания: какая тебя ждёт квартира в случае переселения; что будет, если откажешься от участия в программе. Нам предстоит сделать нелёгкий выбор*⁴.

¹ Встречи в управах 19 апреля по вопросам реновации в Москве и новая столичная повестка. Свободный обзор // Петербургская политика <https://fpp.spb.ru/fpp-review-2017-04-26> [Дата посещения: 20.09.2018].

² Там же.

³ Что гарантирует новый закон? // Аргументы и Факты, 24 мая 2017.

⁴ Адвокаты ответят на вопросы москвичей по программе реновации // Московский комсомолец. 30 мая 2017

Ещё одной проблемой с точки зрения митингующих против реновации, помимо нарушения конституционных прав собственников, является изменение исторического облика города и экологический коллапс.

В реновацию политики зашли с совершенно другой стороны, и зашли несколько неуклюже. Жители сносимых домов воспринимали реновацию как проблемную жизненную ситуацию, требующую разрешения, и высказывали свои тревоги на встречах с префектами.

Позиция градостроительных организаций

Контент-анализ СМИ дал возможность судить о позиции градостроительных коммуникаций по следующим категориям: на первом этапе – высотность зданий, назначение земель, пожарные и санитарные требования, инженерные системы, Фонд содействия реновации; на втором – квартальная планировка, инженерные системы, серия ЛСР; на третьем этапе – стандарты отделки, класс-комфорт. Свои позиции относительно реновации градостроительные организации обосновывают преимущественно на основе научно-технического мира. Порядок в этом мире основан на эффективности зданий и пространства, что обеспечивает нормальное функционирование и отвечает потребностям градостроительной политики.

На первом этапе (март–апрель) градостроительными организациями обсуждались вопросы, связанные с законопроектом о реновации, который был внесён в Госдуму. В документе предлагалось разрешить властям Москвы по своему усмотрению устанавливать в зонах реновации высотность зданий, менять назначение земель и даже пожарные и санитарные требования.

На втором этапе градостроительные организации обсуждали возможность квартальной застройки. Так, с их точки зрения, реновация способствует полному обновлению квартала, замене коммунальных сетей с учётом новой нагрузки, улучшению социальной инфраструктуры, благоустройству дворов и общественных зон, исходя из современных требований.

В реновации, которая ведёт дом под снос, можно применить новую мировую систему формирования квартальной застройки, – считает Аракелян (руководитель архитектурного бюро Wall). – Это чёткое разделение на приватное и общественное пространство, формирование развитых систем первых этажей, общественные пункты, обеспечивающие жизнь людей, формирование замкнутых, компактных дворов одноэтажной силуэтной застройки, входов в общественные пространства и жилые холлы с уровня первых этажей и т. д.¹

¹ Тихие улочки, спокойные дворы: какой будет архитектура города // МК, 7 июня 2017.

Жители сносимых домов воспринимали реновацию как проблемную жизненную ситуацию, требующую разрешения, и высказывали свои тревоги на встречах с префектами.

Свои позиции относительно реновации градостроительные организации обосновывают преимущественно на основе научно-технического мира. Порядок в этом мире основан на эффективности зданий и пространства, что обеспечивает нормальное функционирование и отвечает потребностям градостроительной политики.

На третьем этапе градостроительными организациями были рассмотрены вопросы отделки квартир, построенных в рамках реновации.

Всё жильё в Москве возводится по новым энергосберегающим технологиям из более современных материалов, по проектам, которые дают возможность формировать разнообразный архитектурный облик города. Но качество отделки в домах для переселенцев будет выше – класса «комфорт», «комфорт плюс» вместо «эконом» и «эконом плюс». Это значит, что на пол в квартирах по программе реновации положат вместо линолеума ламинат 32 класса, на стены наклеят вместо бумажных флизелиновые обои, которые новосёлы при желании смогут перекрасить по своему вкусу. Повышенного качества установят и двери – из бруса или слоёного шпона. А ещё улучшенная сантехника, прочее оборудование¹.

Позиция строителей

В СМИ позиция строительных организаций практически не представлена, за исключением публикаций в газете «Коммерсант». На первом и втором этапах небольшое число публикаций не позволило провести контент-анализ. На третьем этапе выделена только одна категория – экономическая целесообразность.

На втором этапе говорилось, что девелоперы не участвовали в подготовке проекта реновации, и что реновация строителям невыгодна.

Если бы инвесторы имели возможность проголосовать против реализации программы, они бы проголосовали и руками, и ногами, поскольку она для них невыгодна. Любой экономист скажет, что строителям выгодно заниматься возведением и реконструкцией дорог, развязок, метро. Но никак не сносом и последующим волновым переселением. Это огромная тяжёлая повседневная работа².

На третьем этапе также обсуждалось, что девелоперы не спешат участвовать в реновации, объяснялись принципы экономической целесообразности их участия в процессе реновации.

«Если строить жильё для переселенцев за счёт средств инвестора, то для обеспечения экономической целесообразности под программу нужно выделять около 30% квартир», – отмечает директор по стратегическому развитию ФСК «Лидер» Павел Брызгалов, добавляя, что компания готова быть привлечённым генподрядчиком при условии финансирования работ из бюджета города³.

¹ Развязка впереди // Российская газета, 26 июля 2017.

² Шесть главных вопросов о программе реновации // МК, 4 мая 2017.

³ «Крост» вписывается в реновацию // Коммерсант, 21 августа 2017.

На основе контент-анализа позиция девелоперов в отношении городской среды выражена слабо и основывается на принципах мира рынка.

Заключение

Анализ материалов СМИ позволил говорить, что на первом этапе реновации (март–апрель 2017 г.) нет информации о каком-либо взаимодействии властей с жителями сносимых домов. Большая часть всех материалов этого периода носит информативный характер, то есть этот этап можно назвать «квазикоммуникацией». Однако во второй половине апреля прошли встречи в управах и был подготовлен сводный обзор по результатам этих встреч и анализ социальных сетей. В обзоре в качестве причин возникновения «смысловых ножниц» назывались следующие: отсутствие законодательных гарантий, тревожность по поводу района переезда, количество вариантов квартир для просмотра, недоверие к процедуре голосования и т. д. В то же время на основе анализа СМИ позиция политиков в большей степени была посвящена пропаганде необходимости проведения реновации (250 тысяч обращений жителей, ветхое жильё). То есть можно говорить о возникновении «смысловых ножниц», так как появились разночтения в понимании процесса реновации между жильцами и политиками. На этом же этапе проведена диагностика возникновения этого сбоя. Правительство Москвы столкнулось с необходимостью согласовать градостроительный проект с жителями.

На втором этапе (май–июнь) были предприняты шаги для устранения «смысловых ножниц». Правительство Москвы вступило в диалог с жителями столицы. Каждый москвич получил возможность высказать своё мнение – на общественных слушаниях, встречах с депутатами и представителями Общественной палаты Москвы. Были организованы площадки для встречи жителей и представителей префектов городских районов. А также были внесены поправки в московский закон о реновации, учитывающий основные замечания горожан. Кроме того, проведена большая информационная кампания по процедуре голосования на сайте «Активный гражданин».

На третьем этапе (июль–август) «смысловые ножницы» были устранены благодаря мониторингу жалоб жителей на первом этапе и последующей корректировке информационной кампании в СМИ. Перечисленные действия привели к снижению накала протеста жителей и позволили перевести процесс в конструктивное русло.

Анализ материалов СМИ позволил говорить, что на первом этапе реновации (март–апрель 2017 г.) нет информации о каком-либо взаимодействии властей с жителями сносимых домов. Большая часть всех материалов этого периода носит информативный характер.

На втором этапе (май–июнь) были предприняты шаги для устранения «смысловых ножниц». Правительство Москвы вступило в диалог с жителями столицы. Каждый москвич получил возможность высказать своё мнение – на общественных слушаниях, встречах с депутатами и представителями Общественной палаты Москвы.

На третьем этапе (июль–август) «смысловые ножницы» были устранены благодаря мониторингу жалоб жителей на первом этапе и последующей корректировке информационной кампании в СМИ. Эти действия привели к снижению накала протеста жителей и позволили перевести процесс в конструктивное русло.

Библиографический список

Акимкин Е. М. 2014. Что изменилось после «Кутузовской развязки» в правовом поле и практике городского управления Москвы // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII–XIII Дридзеvских чтений. М.: Институт социологии РАН. С. 106–108.

Болтански Л., Тевено Л. 2013. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение. 576 с.

Гладарев Б. 2012. Градозащитные движения Петербурга накануне «зимней революции» 2011–2012 гг. // Мониторинг общественного мнения. № 4. С. 29–42.

Дридзе Т. М. 1996. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. № 3. С. 145–150.

Карпов Ю. В. 2013. Капиталистическая реконструкция исторического центра Саратова // Журнал социологии и социальной антропологии. № 3. С. 124–136.

Постоленко И., Чернова Е. 2007. Конфликтологические разработки в территориальном планировании // Управление развитием территории. № 2. С. 91–102.

Расходчиков А. Н. 2017. Диагностика последствий изменения отношений населения и городских властей в ситуациях вмешательства строительных организаций в городскую среду как среду проживания // Социология. № 1. С. 160–167.

Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: КРАСАНД. 2015. 480 с.

Стадников В. Э. 2010. Метод бесконфликтной реновации типового регулярного квартала исторического российского города // Архитектон. № 4. С. 112–121.

Тихонов А. В. 2017. Реформирование работы органов власти и управления как неотложная национальная проблема // Научный результат. Серия: Социология и управление. Т. 3. № 4. С. 70–106.

Тихонов А., Мерзляков А., Богданов В. 2017. Новый «общественный договор». Московский стандарт реновации. Создание комфортной городской среды // Город. Аналитический альманах. № 2. С. 60–64.

Цой Л., Сергеев С. 2006. Принципы информирования жителей при реализации градостроительных проектов // Социальное управление, коммуникация и социальные проектные технологии. Материалы Всероссийской конференции 2005 г. М.: Институт социологии РАН. С. 359–370.

Шилова В. А. 2013. Исследование гражданского общества России через призму проблемных жизненных ситуаций граждан // Модернизационный потенциал и социальные практики – основа конкурентоспособности и консолидации российских регионов. Тюмень: Тюменская Городская Дума. С. 762–768.

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.544

Moscow's Renovation Program: An Analysis of Russian Media

Abramova Nadezhda Vladislavovna

Researcher, National Research University Higher school of economics; teacher, State Academic University humanities, Moscow, Russia. E-mail: nabramova@hse.ru

Abstract. This article focuses on analyzing the public discourse concerning Moscow's renovation program. Articles in Russian media outlets were used as an empirical base for this study. In the year 2017 the word "renovation" was mentioned in 9935 articles (according to "Integrum"). Articles in federal media outlets involved with "Integrum" were used as a basis for analysis. All the work was carried out during the period from March and until August 2017. The theoretical-methodological basis for this study is represented by the key concepts of T. Dridze's dialogical model of social communication, i.e. "semantic scissors" and "quasi-communication", the latter considering the reasons why "semantic scissors" came about in the first place. The analysis allowed for identifying the participants of the renovation process: politicians, residents of buildings, urban development organizations, construction companies. Based on analyzing media publications, it can be concluded that a contradiction of semantic "focal points" occurred between politicians and residents, while the "public agreement" was being reevaluated. This contradiction was resolved by politicians thanks to them making a few corrections to the informational campaign on the renovation program, as well as creating platforms which allowed for negotiating with residents.

Keywords: renovation, dialogical model of social communication, "semantic scissors", quasi-communication, content analysis.

References

Akimkin E. M. Chto izmenilos' posle «Kutuzovskoy razviazki» v pravovom pole i praktike gorodskogo upravleniya Moskvy. [What has changed in the legal field after the "Kutuzov interchange" in the legal field and practice of municipal government in Moscow] Modernizaciya otechestvennoy sistemy upravleniya: analiz tendency i prognoz razvitiya. Moscow, IS RAS publ., 2014, pp. 106–108 (in Russ.).

Boltanski L., Teveno L. Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Oчерki sotsiologii gradov. [Criticism and justification of justice: Essays on sociology of cities] Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 576 p. (in Russ.).

Dridze T. M. Social'naya kommunikaciya kak textovaya deyatel'nost' v semiosocipsihologii [Social communication as a textual activity in semiosociopsychology]. Obshchestvennye nauki i sovremennost', 1996, no 3, pp. 145–150 (in Russ.).

Gladarev B. Gradozaschitnye dvizheniya Peterburga nakanune «zimney revoliutsii» 2011–2012 gg. []. Monitoring obschestvennogo mneniya, 2012, no 4, pp. 29–42 (in Russ.).

Karpov Y. V. Kapitalisticheskaya rekonstruktsiya istoricheskogo tsentra Saratova. [Capitalistic reconstruction of the historical center of Saratov]. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2013, no 3, pp. 124–136 (in Russ.).

Postolenko I., Chernova E. Konfliktologicheskie razrabotki v territorial'nom planirovanii. [Conflict development in territorial planning]. Upravlenie razvitiem territorii, 2007, no 2, pp. 91–102 (in Russ.).

Raskhodchikov A. N. Diagnostika posledstviy izmeneniya otnoshenij naseleniya i gorodskih vlastej v situacijah vmeshatel'stva stroitel'nyh organizacij v gorodskuyu sredu kak sredu prozhivaniya [Diagnosis of the consequences of changing the relations of the population and city authorities in situations of interference of construction organizations in the urban environment as a living environment]. *Sociologiya*, 2017, no 1, pp. 160–167 (in Russ.).

Shilova V. A. Issledovanie grazhdanskogo obschestva Rossii cherez prizmu problemnykh zhiznennykh situatsiy grazhdan [The study of civil society in Russia through the prism of the problematic life situations of citizens]. *Modernizatsionny potentsial i sotsial'nye praktiki – osnova konkurentnosposobnosti i konsolidatsii rossiyskikh regionov*. Tiumen', TSU publ., 2013, pp. 762–768 (in Russ.).

Sociologiya upravleniya: Teoretiko-prikladnoy tolkoviy slovar' [Sociology of management: theoretical and applied explanatory Dictionary]. Ed. by A. V. Tikhonov. Moscow, CRASAND, 2015. 480 p. (in Russ.).

Sotsiologiya upravleniya: fundamental'noe i prikladnoe znanie [Sociology of management: fundamental and applied knowledge]. Ed. by A. V. Tikhonov. Moscow, Kanon+, Reabilitatsiya, 2013. 560 p. (in Russ.).

Stadnikov V. E. Metod beskonfliktnoy renovatsii tipovogo reguliarnogo kvartala istoricheskogo rossiyskogo goroda. [Method of conflict-free renovation of a typical regular quarter of a historic Russian city] *Arhitekton*, 2010, no 4, pp. 112–121 (in Russ.).

Teveno L. Pragmatika poznaniya. Vvedenie: issledovanie svyazi mezhdru poznaniem, kollektivnost'iu i praktikoy [The pragmatist of knowledge. Introduction: the study of the connection between cognition, collectivity and practice]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2006, no 3–4, pp. 5–24 (in Russ.).

Tikhonov A., Merzliakov A., Bogdanov V. Noviy «obshchestvennyy dogovor». Moskovskiy standart renovatsii. Sozdanie komfortnoy gorodskoy sredy. Gorod (Analiticheskij al'manah), 2017, no 2, pp. 60–64 (in Russ.).

Tikhonov A. V. Reformirovanie raboty organov vlasti i upravleniya kak neotlozhnaya natsional'naya problema [Reforming of the work of power and management as an urgent national problem]. *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, 2017, vol. 3, no 4, pp. 70–106 (in Russ.).

Tsoy L., Sergeev S. Printsipy informirovaniya zhiteley pri realizatsii gradostroitel'nykh projektov [Principles of informing residents in the implementation of urban development projects]. *Sotsial'noe upravlenie, kommunikatsiya i sotsial'nye proektnye tehnologii*. Materialy Vserossiyskoy konferentsii. Moscow, IS RAS publ., 2006, pp. 359–370 (in Russ.).

Vstrechi v upravah 19 aprelya po voprosam renovatsii v Moskve i novaya stolichnaya povestka. [Meetings in the councils on April 19 on renovation in Moscow and a new metropolitan agenda]. Web-portal “Peterburgskaya politika”. Release 26.04.2017. URL <https://fpp.spb.ru/fpp-review-2017-04-26> [date of visit: 20.09.2018] (in Russ.).

Социология молодёжи

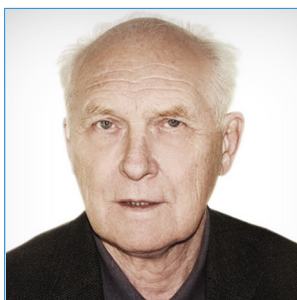
Культура в жизни молодёжи: потребность, интерес, ценность

Зубок Юлия Альбертовна –

доктор социологических наук, профессор,
руководитель Центра социологии молодёжи,
Институт социально-политических исследований РАН,
Москва

E-mail: uzubok@mail.ru

Чупров Владимир Ильич –

доктор социологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, главный научный
сотрудник, Центр социологии молодёжи ИСПИ РАН,
Москва

E-mail: chuprov443@yandex.ru

Культура в жизни молодёжи: потребность, интерес, ценность

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.546

Аннотация. В статье анализируется место различных форм культурной жизни в структуре жизнедеятельности молодёжи, её потребности, интересы и ценности. Включённость разных групп молодёжи в производство и потребление культуры, а также их влияние на этот процесс, рассматривается как отражение противоречивых тенденций формирования культурных предпочтений молодёжи и её положения в сфере культуры. Проведённый анализ позволил сделать вывод о достаточно представительной структуре культурных потребностей и одновременно о её деформации в связи с преобладанием пассивно-созерцательных форм и замкнутости в пределах собственного дома (просмотра телевизора и т. п.); сохранении ориентаций на основные виды деятельности, но и об изменении их форм и удельного веса в структуре досуга; переориентации молодёжи с потребностей в самосовершенствовании на гедонистическую потребность, утверждение смыслового восприятия культуры как удовольствия и развлечения, формирование в молодёжной среде соответствующих ожиданий от культурного потребления. Интересы в сфере культуры характеризуются слабой выраженностью и доминирующим значением реальных и виртуальных коммуникаций в той их части, которая представлена наиболее значимо; отражают противоположные ожидания от потребления классической и современной культуры, свидетельствуют о достаточно высоком творческом потенциале молодёжи как предпосылке участия в культурном производстве. Ценностное отношение современной российской молодёжи к культуре существенно изменяется под влиянием её жизненных ситуаций, степени стабильности и нестабильности условий жизни. В условиях стабильности повышается терминальное значение культуры, а в условиях риска – инструментальное. Изменение культурных потребностей, интересов и ценностей молодёжи в зависимости от социально-демографических характеристик разных групп показывает специфику ограничений участия молодёжи в производстве и потреблении культуры, дифференциацию её культурных предпочтений и форм культурной жизни. Отмечено сужение культурного пространства в зависимости от возраста и жизненных условий молодых людей. Эмпирической базой статьи послужили результаты исследования, проведённого Центром социологии молодёжи ИСПИ РАН в 2017 г. по выборке, репрезентативной для молодёжи в возрасте от 15 до 29 лет, в семи субъектах РФ.

Ключевые слова: культура, молодёжь, культурное производство и культурное потребление, потребности, интересы, ценности

Формирование культуры – исторический процесс, отражающий качественное своеобразие форм жизнедеятельности людей на различных этапах общественного развития, представленных в продуктах материального и духовного производства. Накапливаемые и развиваемые от поколения к поколению, результаты человеческого труда составляют материальную и духовную части культуры.

Их истоки уходят в глубь веков и берут начало в религиозной системе представлений о мире, во многом предопределяющих дальнейшее развитие человечества, его цивилизации. Религия, организуя жизнь на основе смысло-жизненных принципов о должном и благе, определила основы формирования духовной культуры, регулирующей поведение человека посредством универсальных этических механизмов – совести, долга, чести, ответственности, а также на основе ценностно-осмысленной регуляции его социальных отношений в обществе (социальная культура). Вместе с тем и духовная, и социальная культуры существуют, сохраняются и воспроизводятся в материальной форме – книгах, произведениях искусства, материальных символах эпохи и т. д. Они являются источником творческой энергии и созидательной силы человека, направленной на преобразование природы и создание им предметов материальной культуры. Ещё античные мыслители стремились преодолеть «различие между практическим смыслом знаний – знаний, основанных на искусстве («техне» – ремесло, искусство, красота – смысловой корень современного термина «техника») и знанием теоретического характера, знанием ради самого знания, овладения истиной» [Запад и Восток... 1993: 13]. Сближение теории и практики предопределило развитие духовной и материальной культур в единстве. Цивилизация как синоним материальной культуры характеризуется, с одной стороны, степенью овладения человеком силами природы, а с другой – уровнем развития его духовных и физических сил. Различное отношение разных народов к природе и культуре, отражающее их представления о мире, определили таким образом особенности и самобытность их цивилизаций. Поэтому базовые ценности, составляющие основу сознания и влияющие на поступки людей, располагаясь в относительно небольшом интервале, в то же время отражают социально-культурную вариативность. На разных исторических этапах и в различных культурах могут преобладать те или другие приоритеты: справедливость, политическая борьба, свобода, красота, гедонизм, самореализация, другие ценности, но в них неизменно отражается особое смысловое понимание и наделение значениями соответствующих сторон человеческой жизни [Формирование ...1990; Леонтьев 1998: 13–25; Далгатова, Магомедова, Асадулаева, Гадисова 2011; Schwartz,

Boehnke 2004; Schwartz, Melech, Lehmann, Burgess, Harris 2001]. При этом в одних случаях в обществе наблюдается ценностный консенсус, в других – оппозиция, в третьих – неопределённость, что свидетельствует не только об изменчивости смысловых паттернов и связанных с ними этических принципов, но и о групповой дифференциации их значений [Thomson, Holland 2004: 6].

В современном обществе культура является одной из сфер, наиболее подверженных индивидуальному и групповому конструированию. Осуществляемый в условиях открытости, постоянного переосмысления опыта, сопровождаемый взаимодействием различных аксиологических структур (современных и традиционных, глобализированных и локальных, космополитичных и этноцентричных, и т. д.) этот процесс выстраивается на основе конкурирующих между собой смыслов и значений. Социокультурное пространство, в котором он разворачивается, характеризуется противоречивыми тенденциями: последовательным отходом от культурных стандартов, на которых воспитывались предыдущие поколения молодёжи, и возвратными движениями в сторону, казалось бы, потерявших значение ценностей и образцов культурной жизни; деструкцией нормативности с присутствием ей отвержением устойчивых, разделяемых большинством людей способов самовыражения, и поиском новых форм, соответствующих современной динамичной жизни; распадом однозначных образцов «правильного» и «неправильного», «высокого» и «низкого», «элитарного» и «массового» в культуре и стремлением найти новые критерии, потребность в которых неизбежно возникает в связи с обоснованием своих приоритетов. Сущность этих противоречий сводится к базовому противоречию между преемственностью и инновациями в культурной сфере, между простым и расширенным культурным воспроизводством, между отчасти сохраняющимися и новыми смысловыми значениями событий, явлений и форм культурной жизни.

Новые смыслы и значения, реализуемые через переосмысление молодёжью своих *потребностей*, отражающих её желание и стремление, *интересов* как конкретных путей их реализации и *ценностей* как *высших* нравственных регуляторов выбора одного из множества путей [Здравомыслов 1986; Чупров, Черныш 1993], несут на себе влияние конкретных условий жизни молодых людей. Не только социетальные изменения порождают культурные сдвиги, но и сама культура, как известно, становится фактором их изменений [Сорокин 2017], демонстрируя взаимообусловленность предпочтений молодёжи и происходящих социокультурных перемен [Helve 2005: 60; Инглхарт 1997; George, Uyanga 2014; Uyanga, Aminigo 2010;

В современном обществе культура является одной из сфер, наиболее подверженных индивидуальному и групповому конструированию.

Магун 2012]. Опираясь на результаты социологического исследования¹, проанализируем, какое место занимает культура и её различные формы в сознании и жизни молодых россиян.

Культурные потребности молодёжи

Культурная жизнь молодёжи наиболее полно проявляется в её досуге. Именно эта сфера аккумулирует её ориентации в сфере культурного производства и потребления, о чём можно судить по ответам на вопрос «Чем Вы обычно занимаетесь в свободное от учёбы и работы время?» (см. таблицу 1).

Таблица 1

Виды деятельности молодёжи в свободное время, %

Виды деятельности	Распределение ответов		
	Никогда, редко	Часто	Регулярно
Домашнее хозяйство, уход за детьми	32,9	36,5	30,6
Прогулки	14,6	52,6	32,8
Чтение художественной литературы	55,4	34,5	10,1
Приём и посещение гостей	31,6	56,2	12,2
Занятие художественным творчеством, конструированием	70,6	21,3	8,1
Просмотр телепередач, видео, прослушивание музыки	13,8	55,8	30,4
Участие в художественной самодеятельности, занятия в кружках, спортивных секциях	78,8	14,7	6,5
Посещение театров, концертов, музеев	68,9	25,0	6,1
Посещение кинозалов	39,6	48,6	11,8
Посещение дискотеки, вечеринок, танцев	67,2	25,3	7,5
Общение с друзьями	7,0	48,8	44,2
Посещение стадионов, спортивных зрелищ	67,9	23,9	8,2
Хождение по магазинам	20,0	57,7	22,3
Занятия спортом, туризмом	54,0	31,4	14,6
Проведение времени в интернете, соцсетях	10,8	45,3	43,9
Занятие дополнительным образованием	78,5	15,5	6,0
Посещение церкви, мечети	81,2	15,5	3,2

¹ Исследование «Саморегуляция жизнедеятельности в культурном пространстве молодёжи» проведено Центром социологии молодёжи ИСПИ РАН в 2017 г. под руководством авторов статьи по репрезентативной для молодёжи в возрасте от 15 до 29 лет выборке в семи субъектах РФ, в 28 населённых пунктах. N=803 чел.

Как видно, значительное место в структуре свободного времени молодых людей занимают общение с друзьями (48,8% часто и 44,2% регулярно); проведение времени в интернете и соцсетях (соответственно 43,9 и 45,3%); прогулки (52,6 и 32,8%), также являющиеся формой общения; приём и посещение гостей (58,2 и 12,2%); занятие домашним хозяйством и уход за детьми (36,5 и 30,6%); несколько меньшее – посещение дискотеки, вечеринок, танцев (25,3 и 7,5%). Отмеченные виды досуга отражают устойчиво воспроизводящуюся группу потребностей молодых людей в общении, друзьях и семье.

С реализацией культурных потребностей связаны определённые виды деятельности, направленные на активное творчество, развитие духовных и физических сил. Эта группа потребностей несколько уступает предыдущим по степени распространённости в молодёжной среде, хотя играет не менее значимую роль в культурной жизни молодых людей. По степени проявления эти потребности выстраиваются следующим образом: чтение художественной литературы (34,5 и 10,1%); занятия спортом, туризмом (31,4 и 14,6%); художественным творчеством, конструированием (21,3 и 8,1%); участие в художественной самодеятельности, кружках и спортивных секциях (14,7 и 6,5%), занятия дополнительным образованием (15,5 и 6%). Являясь наиболее активной формой саморазвития, они активизируют процесс формирования у молодёжи значимых компетенций.

Всё более значимыми в среде молодёжи становятся зрелищные формы потребления культуры, направленные на удовлетворение познавательной, эмоциональной и гедонистической потребностей: просмотр телепередач, видео, прослушивание музыки (55,8 и 30,4%); хождение по магазинам (шопинг) (57,7 и 22,3%); посещение кинозалов (48,6 и 11,8%); стадионов спортивных зрелищ (23,9 и 8,2%); театров, концертов, музеев (25 и 6,1%). Существенно различаясь по содержанию потребляемого контента, они определяют образ жизни и культурную специфику современной молодёжи.

Сфокусировав внимание респондента на необходимости выбора наиболее предпочтительной формы времяпрепровождения в контрольном вопросе «Предположим, у Вас есть свободный вечер, который можете провести по своему усмотрению, как Вы его проведёте?», получаем следующее распределение ответов (см. таблицу 2).

В распределении ответов, отражённых в таблице 2, прослеживаются наиболее распространённые формы культурной жизни молодёжи, позволяющие сделать уточняющие выводы об иерархии её культурных потребностей. Так, две трети респондентов (60,4%) предпочитают общение с друзьями; каждый второй (47,9%) настроен на пассивный отдых у телевизора;

Всё более значимыми в среде молодёжи становятся зрелищные формы потребления культуры, направленные на удовлетворение познавательной, эмоциональной и гедонистической потребностей.

каждый третий (34,2%) практикует пребывание в интернете, общаясь в соцсетях, или занятие любимым делом (32,3%); каждый четвёртый (24,4%) – прослушивание музыки, просмотр видео; каждый пятый (19,4%) – занятия с детьми, посещение кинозала, бара, клуба (18,4%); 12,3% выбирают чтение, 6,8% – посещение театра.

Таблица 2

Наиболее предпочтительные формы досуга молодёжи, %

Формы досуга	Ответы*
Встреча с друзьями	60,4
Пассивный отдых на диване у телевизора	47,9
Пребывание в интернете, соцсетях	34,2
Занятие любимым делом	32,3
Прослушивание музыки, просмотр видео	24,4
Занятие с детьми	19,4
Посещение кинозала, бара, клуба	18,4
Чтение	12,3
Посещение театра, концерта	6,8

*Больше 100% при допущении нескольких вариантов ответа.

Есть возможность сравнить структуру досуговой деятельности современной молодёжи с той, что выявлялась несколько десятилетий назад, можно увидеть, насколько сильно изменилось её содержание. По данным исследования, проведённого в 1967 г.¹, на вопрос «Как ты проводишь своё свободное время?» ответы распределились следующим образом: занимаюсь рационализаторством, изобретательством – 3%; пишу повести, рассказы, стихи – 4%; рисую, режу по кости, вышиваю – 8%; занимаюсь фотографией, снимаю любительские фильмы – 14%; играю на музыкальных инструментах – 12%; участвую в художественной самодеятельности – 11%; занимаюсь спортом, туризмом – 27%; играю в шахматы – 28%; провожу свободное время с друзьями – 28%; посещаю кинотеатры, театры – 27%; занимаюсь дома или в библиотеке – 28%; читаю художественную литературу – 68%.

О направленности культурных потребностей молодёжи в тот период свидетельствуют ответы на вопрос «Если бы сейчас был сокращён рабочий день и твоё свободное время увеличилось, как бы ты предпочёл его использовать?» (см. таблицу 3).

¹ Всесоюзное исследование социального облика советской молодёжи проводилось социологической группой ЦК ВЛКСМ в 1967 г. во всех союзных республиках СССР. Было опрошено 10 тыс. чел. в возрасте от 14 до 28 лет. Данные приводятся на основе подвыборки N=4742 чел. Рук. исследования: Ю. В. Торсуев и В. Г. Васильев.

Таблица 3

**Культурные потребности молодёжи
при увеличении свободного времени, 1967 г., %**

Предпочтительные виды деятельности при увеличении свободного времени	Ответы
Чаще читать художественную литературу	47
Чаще посещать музеи, выставки, кино, театры	39
Больше времени отдавать учёбе, пойти учиться в вечернюю школу, техникум, вуз	35
Заниматься спортом, туризмом	32
Больше времени проводить с друзьями	21
Больше времени проводить с семьёй, заниматься домашним хозяйством	17
Посещать лекции, диспуты, читать политическую и научно-популярную литературу	15
Больше уделять времени любимым занятиям (конструированием, фотографией и др.)	13
Найти дополнительную работу, чтобы больше заработать	7

Сравнение приведённых данных, характеризующих формы досуга предшествующего и современного поколений молодёжи, показывает, что за прошедшие десятилетия произошли заметные изменения культурных потребностей молодых людей. Притом, что основные виды деятельности остались практически прежними, иными стали их формы и удельный вес в структуре досуга. Во-первых, в среде современной молодёжи доминирует пассивное времяпрепровождение. Во-вторых, присущая структуре потребностей прошлых лет устремлённость к самосовершенствованию и выраженной активности в этом направлении вытеснена потребностью в развлечении. В этой связи изменяется характер ожиданий, транслируемых молодыми людьми соответствующим учреждениям. Так, достаточно высокая потребность определённой части молодёжи в театральном искусстве имеет ту же гедонистическую нагрузку, что и любые другие формы культуры. Сказанное относится и к классической музыке, запрос на которую, если и выявляется, то также связан с запросом на развлечение. В целом значительно сократившаяся доля познавательных потребностей, включая чтение художественной литературы, посещение музеев и театров, заменяется доминирующей потребностью в сетевом общении, ставшем основной чертой культурно-досуговых практик молодых людей. В-третьих, не прослеживается признаков целеориентированной регуляции культурных потребностей молодёжи, напротив – они являются предметом личного выбора молодых людей. В пользу этого вывода говорит характер ответов респондентов о своих предпочтениях, в которых едва ли просматриваются признаки социально предписываемых и санкционируемых образцов.

Сравнение приведённых данных, характеризующих формы досуга предшествующего и современного поколений молодёжи, показывает, что за прошедшие десятилетия произошли заметные изменения культурных потребностей молодых людей.

Рассмотрим, насколько изменяются культурные потребности современной молодёжи в зависимости от её социально-групповых характеристик (см. таблицу 4).

Таблица 4

Наиболее предпочтительные формы культурной жизни
в различных группах молодёжи

Социально-групповые характеристики		Формы культурной жизни								
		Пассивный отдых у TV	Занятие любимым делом	Чтение	Занятия с детьми	Общение с друзьями	Посещение театра, концерта	Посещение кинозала, бара, клуба	Прослушивание музыки, просмотр видео	Пребывание в интернете
Возраст, лет	15–17	37,7	43,4	12,4	0,9	73,6	4,7	19,8	23,6	45,3
	18–24	45,4	32,6	12,8	13,3	62,8	6,4	22,6	29,7	44,9
	25–29	54,7	27,7	11,7	33,6	52,1	8,1	12,7	17,9	29,6
Пол	Мужчины	49,2	34,1	10,1	12,4	62,1	5,1	19,2	27,5	36,4
	Женщины	46,7	30,2	14,5	26,3	58,2	8,6	17,7	21,4	32,2
Образование	Неполное среднее	46,2	41,9	13,7	2,6	64,1	5,1	16,2	28,2	43,6
	Среднее общее	47,0	31,5	10,4	13,5	66,9	2,8	21,5	26,3	39,8
	Среднее профессиональное	48,6	31,3	7,9	26,6	57,5	4,7	17,8	21,0	30,4
	Бакалавриат	47,5	28,3	22,2	31,3	50,5	11,1	21,2	27,3	32,3
	Магистратура	50,0	29,2	15,0	25,8	55,0	17,5	12,5	20,0	21,7
Материальное положение	Малообеспечен	40,0	36,0	12,0	32,0	40,0	8,0	8,0	24,0	36,0
	Ниже среднего	44,4	32,7	11,1	27,5	58,2	5,9	15,7	25,5	39,9
	Среднеобеспечен	50,6	26,8	12,1	16,7	59,9	5,4	16,7	24,9	36,4
	Выше среднего	48,5	38,3	12,8	18,1	62,1	8,4	21,1	22,9	28,6
	Высокообеспечен	41,0	38,5	15,4	12,8	69,2	12,8	28,2	26,2	28,0
Тип поселения	Областной центр	51,0	29,8	14,2	17,6	61,9	7,0	19,6	25,7	35,7
	Районный город	47,9	39,1	8,3	20,8	58,9	6,3	14,1	25,5	35,4
	Село, деревня	38,8	30,3	11,8	23,0	56,6	7,2	20,4	19,1	28,3

Данные, представленные в таблице 4, отражают наиболее заметные изменения потребностей в культуре, которые проявляются в следующих формах культурной жизни. С повышением возраста респондентов возрастают значения пассивного отдыха (с 37,7% в группе 15–17 лет до 54% в возрастной группе 25–29 лет), а также занятий с детьми (до 33,6% в старшей группе). Одновременно снижается значимость занятий любимым делом (с 43,4 до 27,7%), общения с друзьями (с 73,6 до 52,1%), посещения кинозалов, баров,

клубов (с 22,6 до 12,7%), прослушивания музыки, просмотра видео (с 29,7 до 17,9%), пребывание в интернете и соцсетях (с 45,3 до 29,6%).

В ракурсе *гендерных различий* заметно выше значение занятий с детьми среди женщин (26,3%, по сравнению с мужчинами – 12,4%) и ниже прослушивание музыки и просмотр видео (соответственно 21,4 и 27,5%), а также пребывание в интернете (32,2 и 36,4%).

С *повышением уровня образования* возрастает значение чтения (с 10,4% среди респондентов со средним общим образованием до 22,2% – с высшим образованием первого уровня), а также значение посещения театров, концертов (с 2,8% – со средним общим до 17,5% – с высшим образованием второго уровня). Вместе с тем снижаются значения общения с друзьями (с 66,9% – со средним общим до 50,5% – с высшим образованием первого уровня) и пребывания в интернете (с 43,6% – с неполным средним до 21,7% – с высшим образованием второго уровня).

С *повышением уровня материального положения* возрастают значения занятий любимым делом (с 26,8% среди среднеобеспеченных до 36,5% среди высокообеспеченных), общения с друзьями (с 40% среди малообеспеченных до 69,2% среди высокообеспеченных), посещения театров, концертов (соответственно с 8 до 12,8%) и кинозалов (соответственно с 8 до 28,2%). Одновременно снижаются значения занятий с детьми (с 32% среди малообеспеченных до 12,8% среди высокообеспеченных) и пребывания в интернете и соцсетях (соответственно с 36 до 28%).

В зависимости *от типа поселения* наиболее заметно отличается культурная жизнь молодёжи, проживающей в сёлах и деревнях, в сторону снижения значений большинства её форм, по сравнению с жителями крупных и районных городов.

Проделанный анализ культурной жизни молодёжи показывает достаточно представительную структуру её культурных потребностей. Однако наиболее высокие значения пассивного времяпрепровождения на диване у телевизора и чрезвычайно низкие значения посещения театров и чтения художественной литературы свидетельствуют об их существенной деформации.

Интересы молодёжи в сфере культуры

О степени заинтересованности молодёжи в различных формах культурной жизни дают представление затраты времени на их реализацию (в среднем количество часов в день) (см. таблицу 5).

С повышением уровня образования возрастает значение чтения, посещения театров, концертов. Вместе с тем снижается значение общения с друзьями.

С повышением уровня материального положения возрастают значения занятий любимым делом, общения с друзьями, посещения театров, концертов и кинозалов. Одновременно снижаются значения занятий с детьми и пребывания в интернете и соцсетях.

Таблица 5

Затраты времени в структуре досуговой деятельности молодёжи, %

Формы досуга	До 30 мин	От 30 мин до 1 часа	1–2 часа	Более 2х часов	Нисколько
Просмотр телепередач	19,8	24,0	22,9	17,0	16,3
Прослушивание радиопередач	23,2	6,7	3,5	3,2	63,4
Чтение газет, журналов	31,3	8,7	2,9	2,1	55,0
Чтение художественной литературы	22,4	18,2	10,1	6,7	42,6
Встреча с друзьями	11,6	18,7	23,3	43,4	3,0
Занятие спортом	20,9	13,7	16,3	11,0	38,1
Прослушивание музыки, просмотр видео	19,2	24,2	20,8	22,5	13,3
Пребывание в интернете, в соцсетях	7,7	15,6	20,2	53,9	2,6

В таблице 5 особенно заметна доля респондентов, в структуре досуговой деятельности которых анализируемые формы культурной жизни представлены в минимальной степени или не представлены вовсе. Это свидетельствует об отсутствии достаточного интереса к ним со стороны молодёжи. Не слушают радиопередачи 63,4% молодёжи, не читают газеты и журналы 55%, художественную литературу – 42,6%, не занимаются спортом 38,1%. То есть, оставаясь потребностью, эти формы культурной жизни по разным причинам не находят адекватного способа реализации и не актуализируются в интересы.

Основными формами культурной жизни, в которых молодёжь проявляет наибольшую заинтересованность (доля респондентов, затрачивающих более двух часов в день), являются пребывание в интернете, соцсетях (53,9%); общение с друзьями (43,4%); прослушивание музыки, просмотр видео (22,5%) и телепередач (17%). Интерес к этим формам во многом определяет специфику культурной жизни молодёжи.

Рассмотрим, в какой степени молодёжь проявляет интерес к искусству, на основании ответов на вопрос «Насколько Вы увлекаетесь следующими видами искусства?» (см. таблицу 6).

Представленные в таблице 6 данные свидетельствуют, что большинство молодёжи не проявляет интереса к искусству, равнодушно относясь к основным его видам: танцевальному искусству (не увлекаются 57,2%, интересуются от случая к случаю 28,3%); театральному (соответственно 52,3 и 37%); к литературе, поэзии (45,3 и 34,9%); изобразительному искусству (59,7 и 27,9%). Заметно меньше равнодушных в отношении к киноискусству (14,7 и 39,2%) и музыке (12 и 26,7%). Вместе с тем выделяется весьма значительная доля молодёжи, в разной степени увлекающейся искусством, проявляющей повышенный интерес к основным его видам. Каждый десятый увлекается

танцами (следят за новинками 6,1%, являются поклонниками 3,7%, занимаются сами 4,7%); театром (соответственно 6,5; 3,8 и 0,4%); изобразительным искусством (4,7; 4,4 и 3,3%); каждый пятый отдаёт предпочтение литературе, поэзии (12,1; 5,9 и 1,8%); каждый второй – киноискусству (34,1; 9,8 и 2,2%); более двух третей – музыке (31; 20,5 и 9,8%).

Таблица 6

Отношение молодёжи к различным видам искусства, %

Виды искусства	Степень увлечённости				
	Не увлекаюсь	От случая к случаю	Слежу за новинками	Являюсь поклонником	Сам занимаюсь
Танцы	57,2	28,3	6,1	3,7	4,7
Кино	14,7	39,2	34,1	9,8	2,2
Театр	52,3	37,0	6,5	3,8	0,4
Литература, поэзия	45,3	34,9	12,1	5,9	1,8
Изобразительное искусство	59,7	27,9	4,7	4,4	3,3
Музыка	12,0	26,7	31,0	20,5	9,8

Интерес к искусству заметно различается в разных группах молодёжи (см. таблицу 7).

Данные таблицы 7 указывают на наличие анализируемой зависимости. Интерес к различным видам искусства, оцениваемый как суммарная доля респондентов, регулярно следящих за новинками в искусстве, являющихся его поклонниками и сами занимающиеся конкретными его видами, в наибольшей степени связан со следующими социально-групповыми характеристиками молодёжи. Увлечённость танцевальным искусством связана с возрастными характеристиками, снижаясь с повышением возраста респондентов (с 27,3% в младшей возрастной группе (15–17 лет) до 11,4% – в старшей (25–29 лет), а также с гендерными различиями (23% среди женщин и 5,9% среди мужчин). Увлечённость киноискусством тоже связана с возрастом, снижаясь в старшей возрастной группе (до 39,1%) по сравнению с младшей (61,4%), и с материальным положением, повышая свои значения в группе высокообеспеченной молодёжи до 61,5% против 36,7% среди обеспеченных ниже среднего уровня. Увлечённость театральным искусством коррелирует с гендерными различиями (13,8% среди женщин и 7,7% среди мужчин), с материальным положением (8,5% среди обеспеченных ниже среднего уровня и 18,1% – среди высокообеспеченных), с типом поселения (12,6% среди проживающих в крупных городах и 7,2% – среди сельских жителей). Увлечённость литературой, поэзией – с гендерными различиями (24,3% среди женщин и 14,1% среди мужчин) и уровнем образования (19,6% среди респондентов с неполным средним образо-

ванием и 39,2% – с высшим образованием второго уровня). *Увлечённость изобразительным искусством* – с возрастом (22,6% в младшей возрастной группе и 9,2% – в старшей), с гендерными различиями (18,8% среди женщин и 8,1% среди мужчин) и материальным положением (9,8% среди обеспеченных ниже среднего уровня и 20,5% среди высокообеспеченных). *Увлечённость музыкальным искусством* – с возрастом (69,9% в младшей возрастной группе и 62,2% – в старшей), уровнем образования (70,7% среди респондентов со средним образованием и 60,2% – с высшим образованием второго уровня), с материальным положением (51,6% среди обеспеченных ниже среднего уровня и 79,4% среди высокообеспеченных) и с типом поселения (65% среди проживающих в крупных городах и 50,1% – в сёлах и деревнях). Особенно заметно выделяется группа молодёжи со средним профессиональным образованием, представители которой проявляют наиболее низкий уровень интереса ко всем анализируемым видам искусства.

Таблица 7

Связь социально-групповых характеристик молодёжи с её увлечённостью искусством, %

Социально-групповые характеристики		Танцевальным	Кино	Театральным	Литературой, поэзией	Изобразительным	Музыкальным
Возраст, лет	15–17	27,3	61,4	13,2	20,8	22,6	69,9
	18–24	13,6	47,6	11,0	19,5	12,3	66,4
	25–29	11,4	39,1	9,4	16,9	9,2	62,2
Пол	Мужчины	5,9	46,0	7,7	14,1	8,1	64,1
	Женщины	23,0	46,2	13,8	24,3	18,8	61,7
Образование	Неполное среднее	17,1	50,4	12,0	19,6	17,0	68,3
	Среднее общее	19,6	52,2	11,2	20,7	13,2	70,7
	Среднее профессиональное	6,5	46,5	5,6	12,1	9,3	47,7
	Бакалавриат	14,2	43,5	15,2	22,2	9,1	60,5
	Магистратура	16,7	45,8	13,3	39,2	13,2	60,2
Материальное положение	Малообеспечен	11,1	36,7	8,5	16,3	9,8	51,6
	Ниже среднего	16,6	44,4	10,2	20,0	10,5	59,6
	Среднеобеспечен	14,5	52,9	10,6	22,0	13,6	67,0
	Выше среднего	17,9	61,5	18,1	18,0	20,5	79,4
Тип поселения	Высокообеспечен	15,9	46,4	12,6	22,0	12,5	65,0
	Районный город	12,6	46,9	8,9	18,3	14,5	62,0
	Село, деревня	12,2	44,1	7,2	15,2	11,9	50,1

На вопрос «Какие формы – классические и современные – Вам нравятся в этих видах искусства?», ответы распределились следующим образом (см. таблицу 8).

Таблица 8

Отношение молодёжи к классическим и современным формам в искусстве, % *

Виды искусства	Классические формы	Современные формы	Не увлекаюсь
Танцы	11,2	51,3	41,3
Кино	17,7	82,2	10,5
Театр	30,1	28,9	46,1
Литература, поэзия	39,8	30,8	39,1
Изобразительное искусство	26,7	22,9	54,2
Музыка	14,8	84,6	9,8

*Больше 100%, так как допускался одновременный выбор и классических, и современных форм.

В таблице достаточно наглядно выражено неоднозначное отношение молодёжи к классическим и современным формам в искусстве. Оно связано с конкретными его видами. Если в танцевальном, музыкальном и киноискусстве большинство респондентов (соответственно 51,3; 84,6 и 82,2%) предпочитают современные формы, то в театральном и изобразительном, а также в литературе и поэзии более предпочтительными являются классические формы (соответственно 30,1; 26,7 и 39,8% против 28,9; 22,9 и 30,8% сторонников современных форм в этих видах искусства).

Мотивы предпочтения классических и современных форм в искусстве во многом раскрываются в ответах на вопрос «Что из перечисленного Вы ожидаете при обращении к различным видам искусства?» (см. таблицу 9).

В таблице 9 прослеживается значимая связь предпочтений молодыми людьми классических и современных форм в искусстве с ожиданиями развлечений, новых впечатлений, наслаждения от встречи с прекрасным, сопереживания, проникновения в смыслы, желания не отставать от других. В целом среди молодёжи, предпочитающей классику (средние суммарные значения по всем видам искусства), значительно больше доля ожидающих наслаждения от встречи с прекрасным (50,5 против 37,9% среди респондентов, предпочитающих современные формы в искусстве), а также доля стремящихся проникнуть в смыслы, содержащиеся в произведениях искусства (41,4 против 26,5%). И значительно меньший процент обращающихся к искусству ради развлечений (39,6 против 49,2%) или из стремления не отстать от других (6,4 против 12,2%). Иначе говоря, молодёжь обращается к классическим

Если в танцевальном, музыкальном и киноискусстве большинство респондентов предпочитают современные формы, то в театральном и изобразительном, а также в литературе и поэзии более предпочтительными являются классические.

произведениям искусства преимущественно для удовлетворения эстетических потребностей, а к современным – чтобы отдохнуть и развлечься.

Таблица 9

Связь предпочтений классических и современных форм в искусстве с ожиданиями при обращении к различным его видам, % *

Виды искусства	Предпочтения	Ожидания					
		Развлечений	Новых впечатлений	Наслаждения от встречи с прекрасным	Сопереживания	Проникновения в смыслы	Желания не отстать от других
Танцы	Классики	37,8	67,8	52,2	16,7	37,8	7,8
	Современности	52,5	68,0	37,5	12,9	27,0	13,1
Кино	Классики	37,3	68,3	52,1	18,3	45,1	5,6
	Современности	52,6	68,4	34,0	9,7	25,3	12,0
Музыка	Классики	39,0	72,9	52,5	12,7	49,2	3,4
	Современности	52,7	68,3	33,9	11,1	26,0	12,9
Театр	Классики	40,9	68,6	48,8	12,8	41,3	5,4
	Современности	47,1	69,1	42,9	13,6	20,9	13,1
Литература, поэзия	Классики	41,0	69,5	45,4	13,3	39,4	6,7
	Современности	44,8	68,4	42,0	16,1	27,0	10,9
Изобразительное искусство	Классики	41,6	69,2	52,3	14,0	35,5	9,3
	Современности	45,5	66,9	37,0	14,3	33,1	11,0
В целом предпочтения классики		39,6	69,4	50,5	14,6	41,4	6,4
В целом предпочтения современности		49,2	68,2	37,9	12,9	26,5	12,2

*Больше 100%, т. к. в оценке ожиданий допускалось до трёх вариантов ответов.

Проявление интереса к культуре непосредственно связано с практическими навыками (умением) молодых людей. Проанализируем их на основе ответов на вопрос «Что Вы умеете?», которые позволяют оценить творческий потенциал молодёжи (см. таблицу 10).

Таким образом, можно сделать вывод о высоком творческом потенциале российской молодёжи, о чём свидетельствует и доля респондентов, хорошо владеющих соответствующим видом культурной деятельности, и значения средневзвешенных коэффициентов. Среди считающих, что «хорошо умеют», каждый второй отметил – владеть компьютером (54,4%, К=3,39); каждый пятый – танцевать (21,3%, К=2,55); каждый шестой – петь (15,4%, К=2,32), рисовать (15,8%, К=2,30), конструировать и мастерить (14,9%, К=2,34);

каждый десятый – шить, вязать (10,8%, К=2,03), владеть иностранным языком (10,1%, К=2,21), играть на музыкальных инструментах (10%, К=1,74), играть в шахматы (9,3%, К=1,96), сочинять стихи (8,6%, К=1,71).

Таблица 10

Деятельностные формы культурной жизни молодёжи, %

Умение	Степень умения				
	Хорошо	Средне	Плохо	Не умею	К*
Танцевать	21,3	34,4	22,2	22,2	2,55
Петь	15,4	30,3	24,9	29,4	2,32
Рисовать, лепить	15,8	28,0	26,3	29,9	2,30
Шить, вязать	10,8	24,7	22,5	43,0	2,03
Конструировать, мастерить	14,9	33,1	23,0	29,0	2,34
Играть на музыкальных инструментах	10,0	12,6	19,4	58,0	1,74
Сочинять стихи	8,6	13,4	18,3	59,7	1,71
Работать на компьютере	54,4	34,5	6,4	4,7	3,39
Играть в шахматы	9,3	21,9	24,3	44,5	1,96
Владею иностранным языком	10,1	28,5	33,9	27,5	2,21

*К – средневзвешенный коэффициент по четырёхбалльной шкале оценок.

Вывод о высоком творческом потенциале российской молодёжи подтверждается и данными об образовании в сфере культуры, а также об участии молодых людей в творческих конкурсах, выставках, спортивных соревнованиях. Учатся или окончили музыкальную школу, художественное училище, консерваторию, театральный, литературный институт 13,1% респондентов; участвовали в художественных конкурсах – 29,4%; в музыкальных конкурсах – 30,3%; в конкурсах самодеятельного творчества – 38,5%; в конкурсах, выставках технического творчества – 14,9%; в спортивных соревнованиях разного уровня – 54%. Высокий творческий потенциал молодёжи свидетельствует о насыщенной культурной жизни и большом культурном пространстве значимой части современного молодого поколения.

Ценности культуры в молодёжной среде

Показателем ценностного отношения молодёжи к культуре является самооценка молодыми людьми той роли, которую она играет в их жизни. Анализ ответов на вопрос «Какую роль играют в Вашей жизни нижеперечисленные виды искусства и культуры?» позволяет оценить их значение в культурной жизни молодёжи (см. таблицу 11).

Таблица 11

Оценка молодёжью значения различных видов искусства и культуры в собственной жизни

Виды искусства и культуры	К*	Ранг
Киноискусство	3,94	3
Театральное искусство	2,65	12/13
Танцевальное искусство	2,86	10
Литература, поэзия	3,22	5
Живопись, скульптура	2,65	12/13
Классическая музыка	2,91	9
Рок, джаз	2,98	7
Эстрадная музыка	3,50	4
Народная музыка	2,82	11
Зодчество (архитектура), исторические памятники	2,94	8
Связь с природой	5,45	2
Религия, молитва, обращение к Богу	3,14	6
Общение с друзьями	5,75	1

*К – средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале оценок.

Степень значимости для молодёжи тех или иных форм культурной жизни, видов искусства и культуры оценивалась по семибалльной шкале, где за единицу принималось значение «совсем не играет роли», а за 7 баллов – значение оценки «играет очень большую роль». Распределение значений оценок на основе средневзвешенных коэффициентов, представленное в таблице 11, показывает, что наибольшую роль в культурной жизни молодёжи играют общение с друзьями ($K=5,75$) и связь с природой ($K=5,45$). Общение с друзьями рассматривается как специфическая форма культурной жизни молодёжи, поскольку стремление к объединению со сверстниками является значимым типом её субкультуры. В выделении роли природы в культурной жизни проявилось самоощущение её влияния на внутреннее состояние молодого человека. Далее по степени снижения значимости следуют: киноискусство ($K=3,94$), эстрадная музыка ($K=3,50$); литература, поэзия ($K=3,22$), религия ($K=3,14$); рок, джаз ($K=2,98$); зодчество, исторические памятники ($K=2,94$), классическая музыка ($K=2,91$), танцевальное искусство ($K=2,86$), народная музыка ($K=2,82$), театральное и изобразительное искусство (живопись, скульптура) ($K=2,65$).

Иными словами, ценностью становятся виды культуры и искусства, значение которых для молодого человека выходит за рамки конкретных ситуаций, распространяясь на жизнедеятельность в целом и приобретая обобщённый характер. Таковыми для молодёжи оказались ближайшее окружение сверстников и природа, идентификация с которыми преобла-

Ценностью становятся виды культуры, значение которых для молодого человека выходит за рамки конкретных ситуаций, распространяясь на жизнедеятельность в целом и приобретая обобщённый характер. Таковыми для молодёжи оказались ближайшее окружение сверстников и природа.

дает над другими анализируемыми объектами и формами культурной жизни. Идентификация с рассматриваемыми видами искусства и культуры в значительно меньшей степени представлена в структуре её культурного пространства.

Следует иметь в виду, что в различных условиях жизнедеятельности молодёжи изменяется характер смыслов, образующих ценностные основания культурного пространства, и это отражается на их направленности (терминальной или инструментальной). Проанализируем, как изменяется характер связи наиболее значимых для молодёжи видов культуры и искусства с ценностями культуры в зависимости от стабильных и рискогенных условий социокультурной среды обитания. Для анализа наиболее значимых видов культуры и искусства выделим те из них, которые играют очень большую роль (оцениваемую в 7 баллов) в жизни молодёжи. Для оценки терминальной ценности использовались суммарные смысловые значения ответов: «Для меня культура – это...»: внутренняя потребность, национальная принадлежность, традиция. А для оценки инструментальной ценности – суммарные смысловые значения ответов: пространство жизнедеятельности, принадлежность к группе, престиж (см. таблицу 12).

Таблица 12

Связь наиболее значимых для молодёжи видов культуры и искусства с ценностями культуры в зависимости от стабильности и рискогенности социокультурной среды обитания, %

Виды культуры и искусства	Связь с ценностями культуры			
	Стабильные условия		Рискогенные условия	
	Терминальная	Инструментальная	Терминальная	Инструментальная
Общение с друзьями	67,8	32,2	59,1	40,9
Связь с природой	77,2	22,8	69,7	30,3
Киноискусство	79,0	21,0	75,0	25,0
Эстрадная музыка	57,1	42,9	40,0	60,0
Литература, поэзия	73,7	26,3	56,2	43,8
Религия	75,8	24,2	72,4	27,6
Интернет-культура	69,9	30,1	51,5	48,5

В стабильных условиях жизнедеятельности для большинства молодёжи (от 79 до 57,1%) наиболее значимые для жизни виды культуры и искусства являются терминальной ценностью (внутренней потребностью, основанием национальной принадлежности, традицией). И для существенно меньшей

части молодёжи (от 42,9 до 22,8%) эти виды культуры имеют инструментальный смысл: способ вхождения в группу сверстников, достижения высокого статуса, престижа.

В условиях рискогенности социокультурной среды обитания происходит заметное снижение значений терминальной ценности всех анализируемых видов культуры и искусства: общения с друзьями – с 67,8% в стабильных условиях до 59,1%; связи с природой – с 77,2 до 69,7%; киноискусства – с 79 до 75%; эстрадной музыки – с 57,1 до 40%; литературы, поэзии – с 73,7 до 56,2%; религии – с 75,8 до 72,4%; интернет-культуры – с 69,9 до 51,5%. Соответственно возрастают значения оценок их инструментальной ценности.

Заключение

Таким образом, подводя итог проделанному анализу и опираясь на трёхуровневую диспозиционную теорию саморегуляции социального поведения (М. Рокич, В. А. Ядов), можно определить роль потребностей, интересов и ценностей в культурной жизни молодёжи. Культурные потребности определяют предметную направленность активности молодого человека в культурном пространстве, но не указывают на способ преобразования активности в практическую деятельность. Поэтому на уровне потребностей реализуются преимущественно стереотипные модели культурной жизни. Регуляция культурных потребностей молодёжи с целью их гармонизации обеспечивается расширением форм культурной жизни, доступных для молодых людей. Иначе говоря, расширением культурного пространства молодёжи.

Деятельностная форма культурной жизни реализуется посредством интересов. На этом уровне диспозиций отношение молодёжи к различным формам культурной жизни приобретает аргументированный характер. Доминирующим становится стереотипно-личностный тип поведения, основанный на заинтересованном отношении к культуре. Развитие интересов в культурной жизни молодёжи обеспечивается созданием необходимых условий для их реализации.

Благодаря ценностям, культурная жизнь наполняется смыслами, которые выступают в качестве социокультурных посредников, определяющих характер связи с жизнедеятельностью молодёжи в целом. Доминирующим в культурной жизни молодёжи становится активно-личностный тип поведения, основанный на осознанном выборе стратегий жизнедеятельности. В стабильных условиях выбор регулируется преимущественно на основе терминальных ценностей культуры, а в изменяющейся социальной реальности под влиянием рискогенных факторов повышается роль инструментальных ценностей культуры. Поэтому в рамках целенаправленного

регулирования культурной жизни молодёжи важно обеспечить, во-первых, оптимальное сочетание самоценного и рационального отношения к культуре в её среде, а во-вторых – связь ценностного отношения к культуре с изменяющимися смысло-жизненными ориентациями молодых людей.

Библиографический список

Далгатов М. М., Магомедова Н. Т., Асадулаева У. М., Гадисова И. А. 2011. Ценностные и смысло-жизненные ориентации студентов исламских и светских высших учебных заведений // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». № 3 (16), 2011. С. 12–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-i-smyslozhiznennye-orientatsii-studentov-islamskih-i-svetskih-vysshih-uchebnyh-zavedeniya.pdf> [Дата посещения: 10.11.2018].

Запад и Восток. Традиции и современность. Курс лекций для негуманитарных специальностей / С. Г. Галанова и др. М.: Знание, 1993. 240 с.

Здравомыслов А. Г. 1986. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат. 223 с.

Инглхарт Р. 1997. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. № 4. С. 6–33.

Леонтьев Д. А. 1998. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. № 1. С. 13–25.

Магун В. С., Руднев М. Г. 2012. Базовые ценности двух поколений россиян и динамика их социальной детерминации // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Сб. докладов. В 4-х кн. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». С. 87–97.

Сорокин П. А. 2017. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. М.: Академический проект. 964 с.

Формирование мировоззренческой культуры молодежи / Отв. ред. В. Г. Табачковский. АН УССР, Ин-т философии. Киев: Наукова думка, 1990. 308 с.

Чупров В. И., Черныш М. Ф. 1993. Мотивационная сфера сознания молодежи: состояние и тенденции развития. М.: Институт молодежи. 97 с.

George I. N., Uyanga U. D. 2014. Youth and Moral Values in a Changing Society // IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS). Vol. 19. Issue 6. Ver. I (Jun.). P. 40–44.

Helve H. 2005. Borders and possibilities in youth research – a longitudinal study of the world views of young people. In Helve H. (Ed.), *Mixed methods in youth research*. Helsinki: Finnish Youth Research Network / Society. P. 57–81.

Schwartz S. H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M. 2001. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // *Journal of Cross Cultural Psychology*/ № 32. P. 519–542.

Schwartz Sh. H., Boehnke K. 2004. Evaluating the structure of human values with confirmatory factor analysis // *Journal of Research in Personality*. № 38. P. 230–255.

Thomson R., Holland J. 2004. *Youth Values and Transitions to Adulthood: An empirical investigation Families & Social Capital*. London: South Bank University, Family & Social Capital ESRC Research Group.

Uyanga U. D., Aminigo I. M. 2010. The Morally Autonomous Individual and National Development Imperatives in the Nigerian Nation // *Trends in Educational Studies*. № 5 (1, 2). P. 1–8.

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.546

Culture in the Lives of Young People: Necessity, Interest, Value

Zubock Julia Albertovna

Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center for Youth research, Institute of Socio-Political Researches of Russian Academy of Science, Moscow city, Russia. E-mail: uzubok@mail.ru

Chuprov Vladimir Il'itch

Doctor of Sociological Sciences, Chief Research Fellow, Institute of Socio-Political Researches of Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: isprras@gmail.com

Abstract. This article analyzes the role of various forms of cultural activities in the life structure of young people, in their needs, interests and values. The involvement of various groups of young people in the production and consumption of culture, as well as the impact of young people's involvement in this process, is considered to be a reflection of conflicting tendencies when it comes to forming youths' cultural preferences and their place in the realm of culture. An analysis was conducted, which allowed for concluding that the structure of cultural necessities is quite representational, while also being deformed due to a prevalence of passive-contemplative forms together with isolation within the confines of one's home or watching television; maintaining alignment towards the main types of activities, while shifting their form and relative weight in the structure of leisure; reorienting young people from the need for self improvement towards hedonism, while cementing a perception of culture as something of pleasure and with entertainment value, accompanied by the development of corresponding expectations from the consumption of culture. Young peoples' interests in the realm of culture are characterized by a mild expression and dominant role of real and virtual communication in that fraction represented most prominently; they reflect opposing expectations from consuming classical and modern culture, while indicating young people's rather high creative potential, which in itself is a prerequisite for them participating in cultural production. When it comes to the way modern Russian youth's relate to culture in terms of values, it shifts drastically depending on life situations, and the degree of stability or instability in one's living conditions. Given conditions of stability, culture's terminal value increases, given risky conditions – its instrumental value increases. Shifts in the cultural needs, interests and values of young people, depending on the socio-demographic characteristics of various groups, reveals the specifics of restrictions when it comes to young people participating in the production and consumption of culture,

as well as differences in terms of their cultural preferences and forms of cultural activities. Observed is a reduction of cultural space depending on the age and living conditions of young people. This article was put together based on empirical data from a study conducted by the Center for Sociology of Youth of the Russian Academy of Sciences' Institute of Socio-Political Research in 2017, using a sample represented by young people ages 15 to 29 from 7 subjects of the Russian Federation.

Keywords: Culture, youth, production of culture and consumption of culture, necessities, interests, values.

References

Chuprov V. I., Chernysh M. F. Motivatsionnaya sfera soznaniya molodezhi: sostoyanie i tendentsii razvitiya [Motivational sphere of youth consciousness: state and development trends]. Moscow, Institut molodezhi, 1993. 97 p. (in Russ.).

Dalgatov M. M., Magomedova N. T., Asadullaeva U. M., Gadisova I. A. Tsennostnye i smyslozhiznennye orientatsii studentov islamskih i svetskih vysshih uchebnykh zavedeniy [Valuable and meaningful life orientations of students of Islamic and secular higher educational institutions]. 2011. Web-resource. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-i-smyslozhiznennye-orientatsii-studentov-islamskih-i-svetskih-vysshih-uchebnykh-zavedeniy.pdf> [date of visit: 10.11.2018] (in Russ.).

Formirovanie mirovozzrencheskoy kul'tury molodezhi [The formation of the ideological culture of youth]. Ed. by V. G. Tabachkovskiy. Kyiv, Naukova dumka, 1990. 308 p. (in Russ.).

George I. N., Uyanga U. D. Youth and Moral Values in a Changing Society. IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS), 2014, vol. 19, issue 6, ver. I (Jun.), pp. 40–44.

Helve H. Borders and possibilities in youth research – a longitudinal study of the world views of young people. Mixed methods in youth research. Ed. by H. Helve. Helsinki, FYRNS publ., 2005, pp. 57–81.

Inglehart R. Postmodern: meniyushchiesia tsennosti i izmeniyushchiesia obshchestva [Postmodern: changing values and changing societies]. Politicheskie issledovaniya, 1997, no 4, pp. 6–33 (in Russ.).

Leont'ev D. A. Tsennostnye predstavleniya v individual'nom i gruppovom soznanii: vidy, determinanty i izmeneniya vo vremeni [Value representations in the individual and group consciousness: types, determinants, and changes in time]. Psihologicheskoe obozrenie, 1998, no 1, pp. 13–25 (in Russ.).

Magun V. S., Rudnev M. G. Bazovye tsennosti dvuh pokoleniy rossiyan i dinamika ikh sotsial'noy determinatsii [The basic values of two generations of Russians and the dynamics of their social determination]. XII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. Sbornik dokladov. Moscow, NRU HSE publ., 2012, pp. 87–97 (in Russ.).

Schwartz S. H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement. Journal of Cross Cultural Psychology, 2001, no 32, pp. 519–542.

Schwartz Sh. H., Boehnke K. Evaluating the structure of human values with confirmatory factor analysis. Journal of Research in Personality, 2004, no 38, pp. 230–255.

Sorokin P. A. Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika [Social and cultural dynamics]. Moscow, Akademicheskii projekt, 2017. 964 p. (in Russ.).

Thomson R., Holland J. Youth Values and Transitions to Adulthood: An empirical investigation Families & Social Capital. London, South Bank University, Family & Social Capital ESRC Research Group, 2004.

Uyanga U. D., Aminigo I. M. The Morally Autonomous Individual and National Development Imperatives in the Nigerian Nation. Trends in Educational Studies, 2010, no 5 (1 & 2), pp. 1–8.

Zapad i Vostok. Traditsii i sovremennost'. Kurs lektsiy dlia negumanitarnykh spetsial'nostey [West and East. Tradition and Modernity]. Moscow, Znanie, 1993. 240 p. (in Russ.).

Zdravomyslov A. G. Potrebnosti. Interesy. Tsennosti [Needs. Interests. Values]. Moscow, Politizdat, 1986. 223 p. (in Russ.).

Социология молодежи

Установки студентов в брачно-семейной сфере и отношениях между полами

Гурко Татьяна Александровна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Отдел исследования динамики социальной адаптации, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: tgurko@yandex.ru

Мамиконян Мария Самвеловна – студентка четвертого курса факультета социологии, ГАУГН, Москва

E-mail: mashamamikonyan@gmail.com

Установки студентов в брачно-семейной сфере и отношениях между полами

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.547

Аннотация. В связи с новыми демографическими и социальными вызовами, такими как изменения этнической структуры населения развитых стран, включая Россию, возникают новые семейные структуры, тенденции распространения которых пока не ясны. Трансформация брачно-семейных отношений в XXI в. актуализирует изучение установок студентов, передовой группы страны, с целью прогноза развития институтов брака, семьи и родительства. В статье¹ поставлена задача показать отношения молодёжи до брака, тенденции развития брачно-семейных отношений и отношений между полами так, как их воспринимает молодёжь. Проведены две фокус-группы отдельно со студентами-юношами и девушками в Москве и две группы со студентами обоих полов, обучающимися в Ставрополе. Отбиралась молодёжь из гуманитарных и технических вузов 3–4 курсов бакалавриата в возрасте 20–23 года различных этнических групп. Обсуждались различия в поведении студентов, двойные стандарты во взаимоотношениях, целесообразность сожительства, мотивация сексуальных отношений, смысл юридического брака, предпочтительный возраст вступления в брак и соотношения социальных характеристик супругов: этническая и конфессиональная принадлежность, возраст, уровень образования, профессия, социальный статус родительских семей, отношение к внебрачному материнству, разводам и сводным семьям, представления о рациональном распределении супружеских и родительских ролей в молодых семьях. Предварительно можно утверждать, что в сознании студентов противоречиво сочетаются консервативные нормы, которые прививаются родителями, особенно в семьях этнических групп нерусских, и вполне лояльные установки в отношении новых практик устройства частной жизни, меняются двойные стандарты в направлении партнёрских отношений между полами. Девушки ориентированы преимущественно на эгалитарную модель или модель эгалитарного эссенциализма; умеренно консервативная модель интенсивного (intensive) родительства среди российской студенческой молодёжи поддерживается редко, в основном юношами, представителями ставропольского студенчества. Для сравнения взглядов российской молодёжи с молодёжью других стран была сформирована подвыборка респондентов в возрасте 20–23 года Европейского социального исследования (ESS, 2016, раунд 8). Сделан вывод о том, что российские молодые люди не одобряют гомосексуальные союзы, особенно возможности усыновления ими детей, придерживаются более консервативных взглядов по поводу преимуществ для мужчин на рынке труда, их требования к государству в плане обеспечения работающих родителей детскими учреждениями не высоки. В то же время сожительства в России много даже в сравнении с теми европейскими странами, которые по этому индикатору лидируют.

Ключевые слова: молодёжь, студенты, брак, семья, сексуальные отношения, сожительства, гомосексуальные связи, двойные стандарты, семейные структуры, социальная гомогамия, супружеские роли

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Динамика представлений студентов в сферах гендерных, этнокультурных и брачно-семейных отношений», грант РФФИ № 18-011-00580.

Тенденции развития брачно-семейных отношений в России на основе статистических данных и количественных исследований анализировались в ряде работ (см., например, [Гурко 2017а; Гурко 2017b]). Рассмотрим взгляды российской молодёжи на международном фоне. На базе Европейского социального исследования (ESS, 2016, раунд 8) сформирована подвыборка респондентов в возрасте 20–23 года [European... 2016], что позволило, в частности, сравнить суждения российской и иностранной молодёжи о сожителствах, её представлений о необходимости работы мужчин и женщин вне дома, об обеспечении государством работающих родителей детскими дошкольными учреждениями, об отношении к гомосексуальным парам и т. д. Выбор возрастного интервала был связан в первую очередь с выборкой студентов старших курсов бакалавриата и магистратуры для планируемого исследования в рамках проекта в 2018 г. Кроме того, в российском законодательстве учащихся очной формы в возрасте до 23 лет относят к иждивенцам, т. е. они представляют гомогенную группу по данному признаку.

Отношение к гомосексуальным парам

Большинство российской молодёжи указанной возрастной группы демонстрирует явное неприятие гомосексуальных связей в сравнении с молодыми людьми других стран (см. рис. 1, 2, 3).

Согласны с утверждением о признании прав гомосексуалистов только 21% российских юношей, а в то же время 100% норвежских и исландских, 98% финских, 97% британских, 95% шведских и нидерландских, 94% немецких и ирландских, 89% австрийских и бельгийских, 79% швейцарских, 73% французских, 64% чешских, 63% эстонских, 53% израильских, 49% словенских, 48% польских. Примерно такое же распределение ответов и среди девушек – 19% российских, 100% шведских, нидерландских и исландских, по 96% бельгийских и швейцарских, по 93% норвежских, ирландских и финских, 92% немецких, 87% французских, 83% словенских, 82% польских, 79% эстонских, 76% чешских, 75% британских, 60% израильских, 59% австрийских девушек (см. рис. 1). Можно видеть, что по данному суждению чаще менее либеральны взгляды юношей в сравнении с девушками и взгляды жителей стран бывшего «социалистического лагеря» в сравнении со странами западной Европы.

Согласны с утверждением о признании прав гомосексуалистов только 21% российских юношей, а в то же время 100% норвежских и исландских, 98% финских, 97% британских, 95% шведских и нидерландских и т. д.

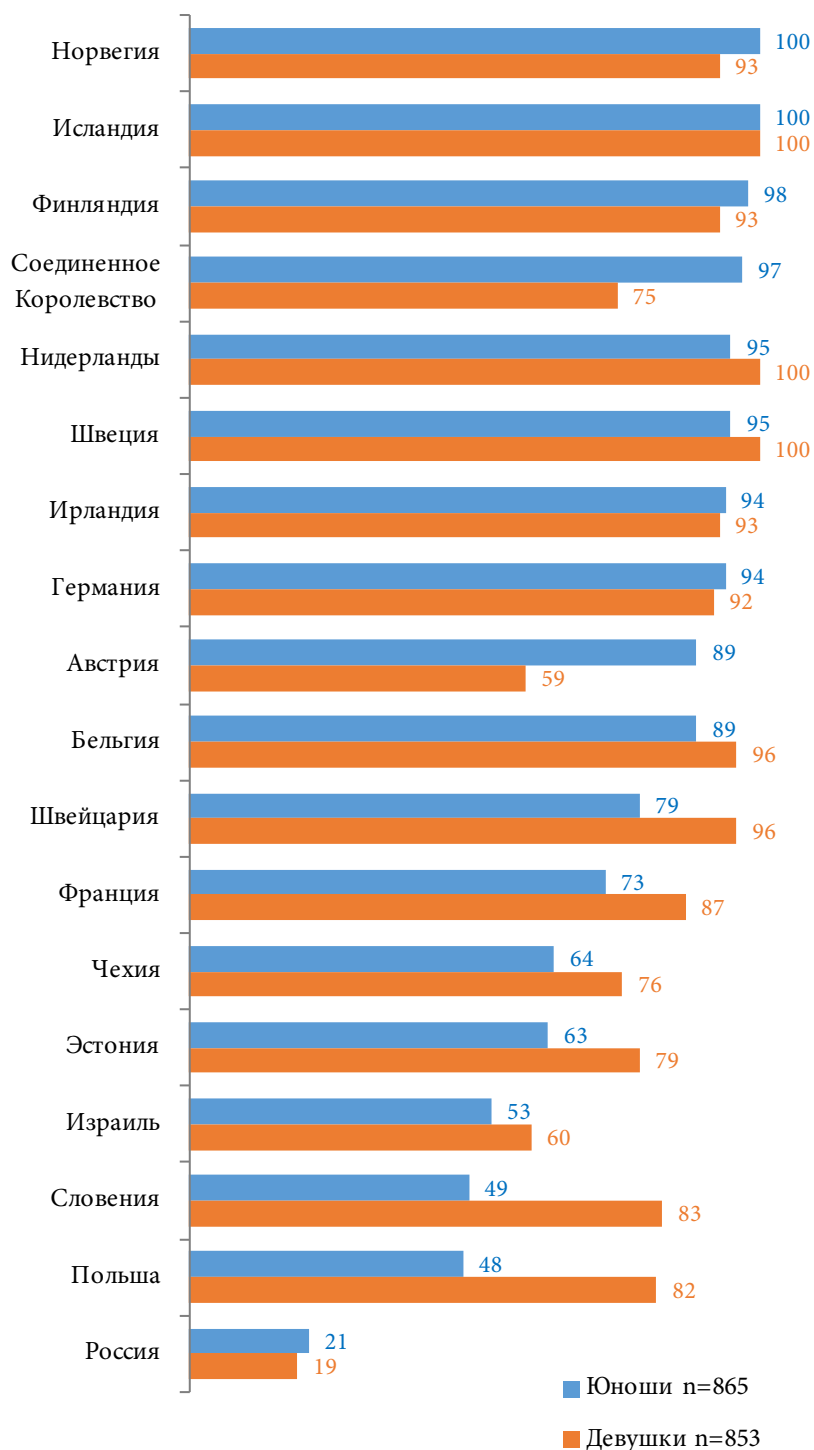

Рис. 1. Распределение согласившихся с утверждением: «Геи и лесбиянки должны иметь право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам», %

С утверждением: «Мне было бы стыдно, если бы мой близкий родственник был геем или лесбиянкой» согласились 69% российских юношей, 32% юношей из Польши, 25% из Израиля, 21% из Австрии, 18% из Чехии. Меньше всего – в Финляндии, Нидерландах и Швеции – 0%. Ни одна девушка не согласилась с этим суждением в Нидерландах, и только по 2% в Швейцарии, Ирландии, Германии, Норвегии. В то же время в России – 58%, в Израиле – 29, в Чехии – 18, в Австрии – 15%, в Эстонии – 7% (см. рис. 2). Таким

образом в отношении этого суждения наиболее консервативны взгляды российских и израильских юношей и девушек, польских юношей.

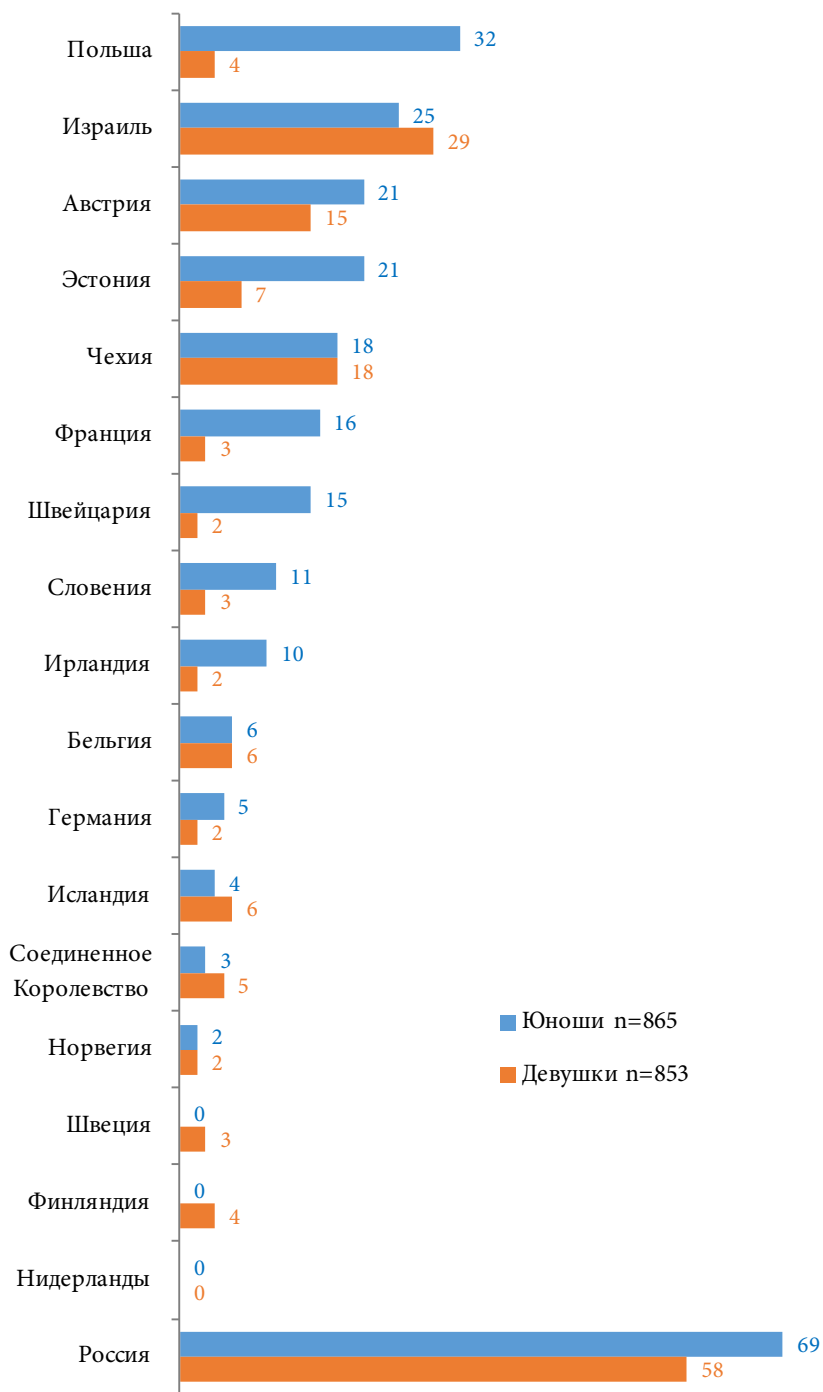

Рис. 2. Распределение согласившихся с суждением: «Мне было бы стыдно, если бы мой близкий родственник был геем или лесбиянкой», %

С правом усыновления детей однополыми парами согласились только 14% российских юношей (чуть меньше только польских). В тоже время значительная доля юношей из стран Западной Европы выступают за такое право и меньшая доля из Израиля и стран Восточной Европы. Российские девушки выделяются на фоне других стран в этом вопросе: только 12% из них согласились с этим утверждением в сравнении с 95% деву-

шек из Исландии, 94% из Швеции, 93% из Ирландии, по 90% из Норвегии и Соединенного Королевства, 81% из Германии. Такое право гомосексуальных пар также редко поддерживают девушки из Польши – 23%, Чехии – 40%, Израиля – 45% (см. рис. 3).

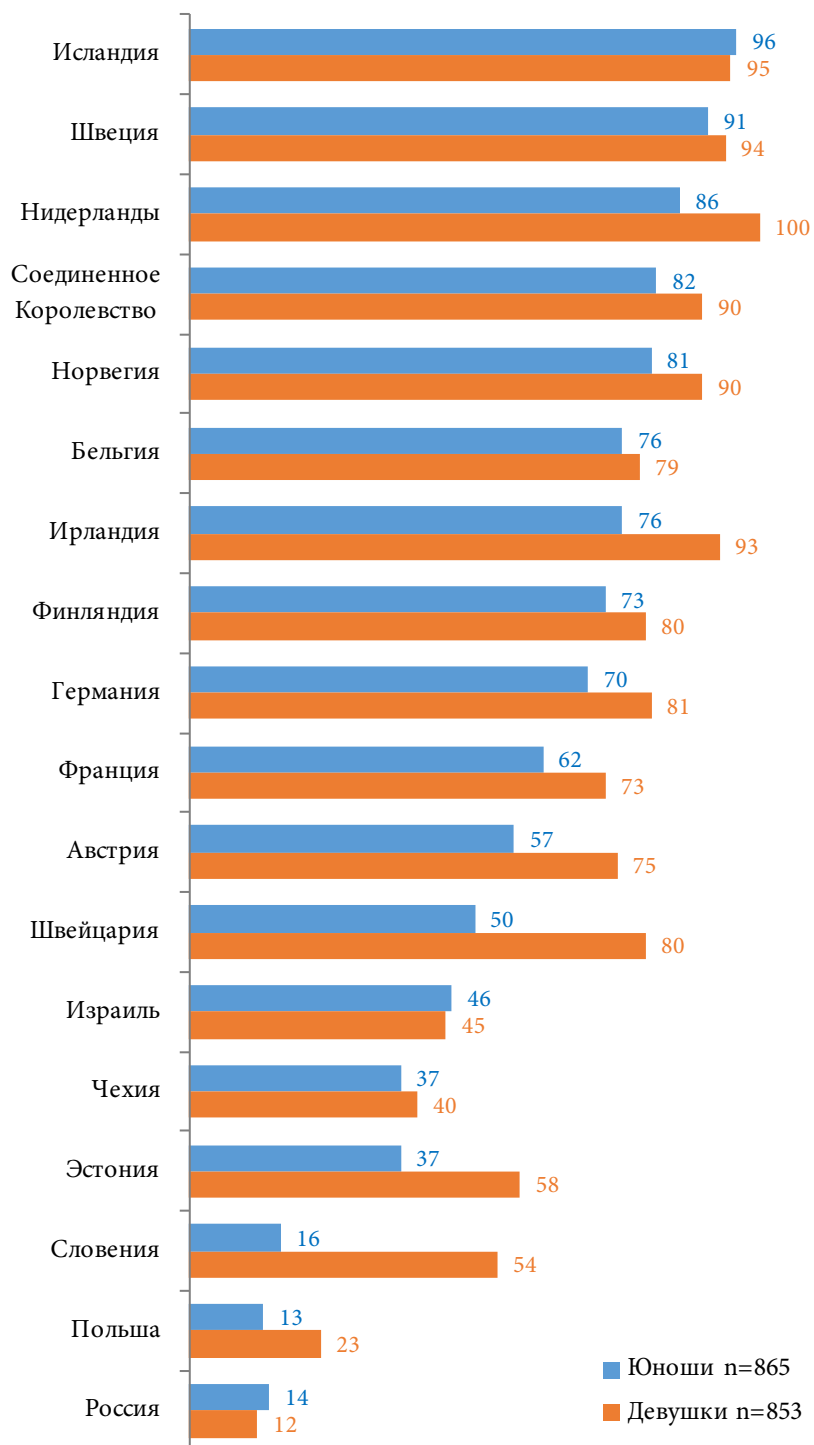

Рис. 3. Распределение согласившихся с утверждением: «Однополые пары должны иметь такие же права усыновлять детей, как и традиционные семейные пары», %

Приведём фрагменты пилотажных интервью в Москве. И (интервьюер, далее И): «Как Вы относитесь к гомосексуальным бракам?». ДМ4 (девушка, 4-е интервью в Москве):

«Если они как бы женятся, то мне как бы всё равно, но когда они детей усыновляют, тогда уже негативно». Такое же отношение звучит и в других интервью. И: *«Стоит ли их узаконить в России?»*. ЮМ7 (юноша, 7-е интервью в Москве): *«... именно браки – пожалуйста, но прийти в детский дом и усыновить ребёнка – нет. Браки можно узаконить, но с ограничениями»*. ЮМЗ: *«Если им не разрешать иметь детей, то нормально, неважно, что они там делают – это их дела»*.

В процессе обсуждений на фокус-группах этот вопрос не ставился. Однако очевидно, что если отношение к гомосексуальным практикам частной жизни важно с точки зрения количественного воспроизводства населения, то установки в отношении усыновления затрагивают его базовые основы. Данные о влиянии гомосексуальных пар на развитие детей, в том числе на их сексуальную ориентацию, противоречивы. Вероятно, пример родителей не может не сказаться на поведении детей [Гурко 2018: 96]. И в этом смысле установки европейской молодёжи демонстрируют физическое вымирание коренного населения, в то время как мнения молодых россиян внушают оптимизм с точки зрения репродукции.

Чтобы проанализировать, как современные тенденции развития семьи отражаются во взглядах и планах студенческой молодёжи, были проведены фокус-группы, где можно выявить общее и различное в ответах нескольких собранных людей, но достоверных заключений о генеральной совокупности сделать нельзя. «Можно “почувать”, “нащупать” массовую тенденцию, если она проступила в ответах большинства или всех респондентов в группе. Это будет немаловажный результат» [Штейнберг, Шанин и др. 2009: 220]. В рамках проекта проведены две фокус-группы со студентами города Ставрополя – по 12 человек отдельно с девушками и юношами, а также две группы в Москве – по 8 человек. Респондентами стали студенты 3–4 курсов бакалавриата в возрасте 20–23 года. Выборка квотная, были представлены студенты из гуманитарных и технических вузов, а также студенты различных этнических групп (в Москве 15%, в Ставрополе – 30% не считающих себя русскими).

Распространённость сожительства

Увеличение числа сожительства среди молодёжи в России обусловлено в числе других причин ежегодным повышением возраста вступления в брак, желанием отделиться от родительской семьи. Свобода передвижения внутри страны и за её пределы создала возможность для взрослых детей рано покидать родительский дом для учёбы или работы. Такие сожительства не в последнюю очередь связаны с выгодой совместной

Увеличение числа сожительства среди молодёжи в России обусловлено в числе других причин ежегодным повышением возраста вступления в брак, желанием отделиться от родительской семьи.

аренды жилья, но создавать семьи в отсутствие собственной жилплощади готовы далеко не все [Гурко 2017b: 105–106] (см. рис. 4).

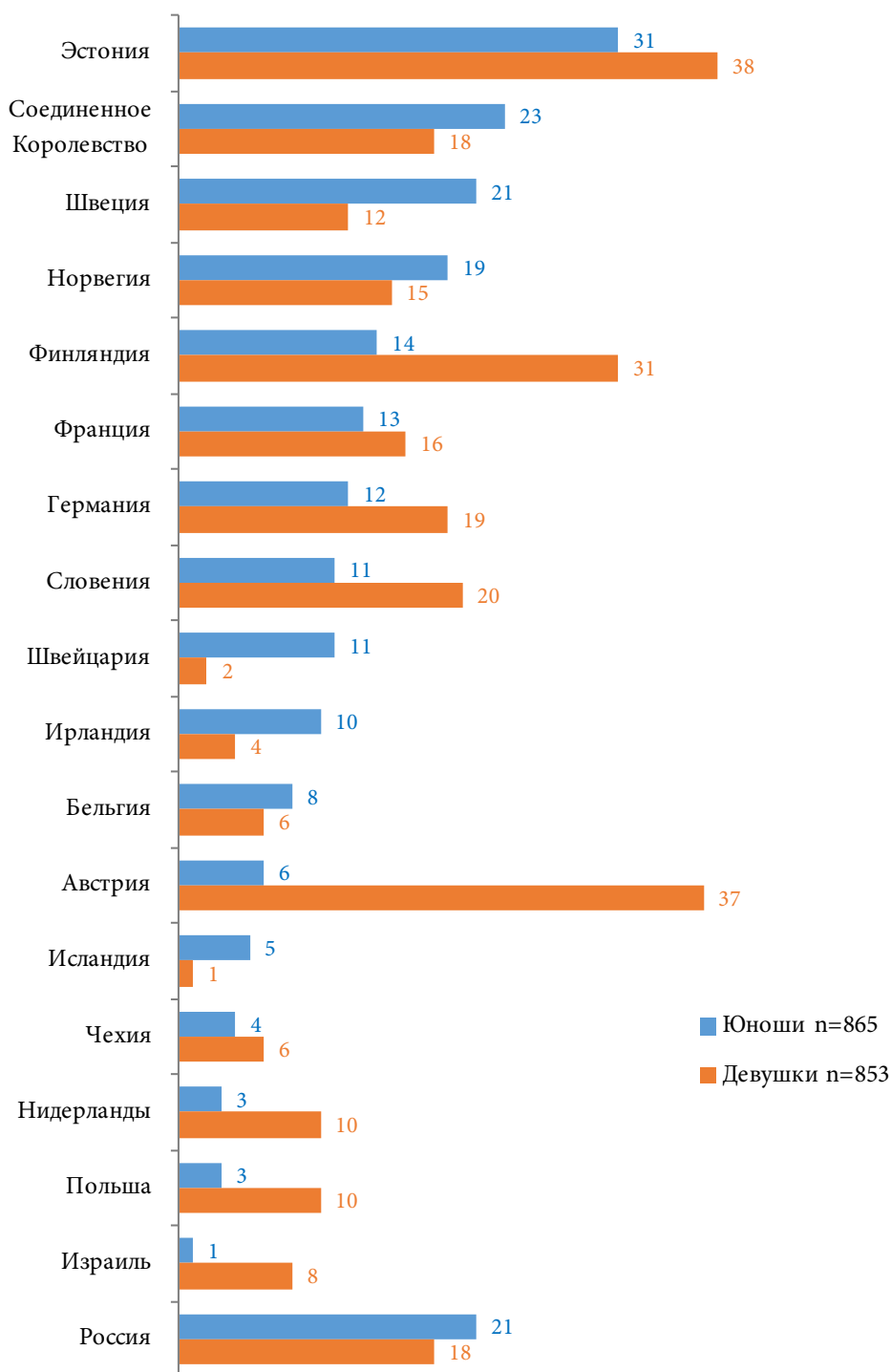

Рис. 4. Утвердительные ответы на вопрос: «Приходилось ли Вам когда-либо жить с партнёром, с которым (ой) Вы не состояли в браке?», %

По данным ESS-2016, среди юношей в возрасте 20–23 года в России сожительства распространены так же часто (21%), как в Швеции (21%), но их значительно больше, чем, например, в Израиле (только 1%), Польше (3%), Германии (12%) и Франции (13%). Однако Россию опере-

жают, например, Соединённое Королевство (23%) и Эстония (31%). Среди девушек этого же возраста в России сожительства с партнёром распространены так же часто (18%), как и в ряде европейских стран – в Германии (19%), Соединённом Королевстве (18%), Словении (20%), но в меньшей мере, нежели, например, в Финляндии (31%), Австрии (37%) или Эстонии (38%). В других европейских странах сожительства с партнёром распространены среди девушек ещё в меньшей мере, например, в Исландии таких не встретилось среди данной возрастной группы, в Швейцарии всего 2%, в Ирландии – 4%, в Чешской Республике и Бельгии – по 6%. Необходимо отметить, что сожительства распространяются и в развивающихся странах среди среднего класса. Например, в модернизирующейся Индии, в частности, среди женщин, занятых карьерой [Bhandari 2017]. Т. е. семейный жизненный путь меняется по мере распространения ценностей индивидуализма, свободы и желания молодых отделиться от родительских семей.

Каковы факторы распространённости молодёжных сожительства в России? Результаты обсуждения на фокус-группе вопроса «Стоит ли молодым людям вашего возраста жить вместе, даже если они не собираются оформлять свои отношения?» продемонстрировали позитивное отношение студенческой молодёжи к сожительствам и распространённость таких практик. К сожительствам без намерения вступить в брак лояльно стали относиться не только юноши, но и девушки, хотя мнения студентов, проживающих как в Москве, так и в Северо-Кавказском (скорее консервативном) округе, разделились. Девушка, Москва (далее ДМ)3 (номер участницы фокус-группы): *«...я в таком [состоянии] пребываю сейчас, то есть мы живём вместе, но жениться не собираемся... Да, это не обязательно будущий брак. Это психологический сиюминутный комфорт, бытовой, проще жить с кем-то, делить бюджет, куда комфортнее, когда есть с кем пообщаться». ДМ8: «...я стала жить ближе к работе, учёбе, это очень важно». Однако есть и другие мнения. ДМ4: «Я не согласна, мне кажется, да, безусловно опыт совместной жизни должен быть, но при этом долголетнее проживание вместе должно подразумевать всё-таки брак, иначе какой смысл терять молодость, время, терять силы? Женщина энергию генерирует и отдаёт мужчине, с которым она живёт; а если [ему] это не нужно, или он потом уйдёт – то зачем? ... Получается просто прожигание жизни. Да, так комфортно, но не всегда то, что нам комфортно – правильно и полезно». Юноша, Москва (далее ЮМ)1 (номер участника фокус-группы): «... снимать квартиру одному человеку накладно, а вдвоём, если оба работают, допустим, и если*

родители ещё помогают, то это вообще удобно... разделение быта, приготовить; допустим, один пришёл с работы поздно, а у него уже есть что покушать, то есть ему не надо уставшему что-то себе готовить». ЮМ2: «Я замечал, что девочки помогают парням с их учёбой, курсовую помочь дописать, или просто какую-то задачку оформить по-быстрому. Вдвоём проще, ты быстрее находишь решение». ЮМ3: «Тут, мне кажется, даже более важен фактор того, что ты съезжаешь от родителей. Становишься самостоятельным». ЮМ8: «Родители не против, если знают, что ты будешь жить не один». Модератор (далее М): «Под контролем?». ЮМ8: «Чтобы не так сильно волноваться за своего ребёнка». ЮМ5: «Это тенденция, качественный переход, если ты взрослеешь, нужно пожить с кем-то».

Девушка, Ставрополь (далее ДС)4: «Сейчас, как я могу заметить, к этому стали относиться одобрительно, мол поживите вместе, узнайте, как это, поймёте. По опыту смотрю, вот ... две точно семьи, даже три, которые поженились, начали жить, и потом у них сразу конфликты, ссоры, вплоть до развода. То есть, возможно, даже лучше пожить до брака, чтобы понять, узнать друг друга». ДС1: «Я считаю, что это полезный опыт. Лучше пожить вместе, чем потом после брака ненавидеть друг друга». ДС11: «Но это не всегда показатель, что если живут до свадьбы вместе, то после свадьбы у них всё будет идеально. У нас есть пример в группе: жили вместе, года три, наверное, поженились, через месяц развелись». ДС7: «На Кавказе вообще достаточно консервативны в этом вопросе. И я лично не считаю, что это правильно. Я не осуждаю, но сама считаю, что как-то это неправильно... независимо от национальности, у меня нет знакомых, которые живут вместе до брака». Юноша, Ставрополь (далее ЮС)8: «Общественное мнение поменялось по сравнению с тем, каким оно было в советское время... Конечно, если это бабулька 70 лет, так она, сидя на лавке, скажет, что это безобразие. Люди до 40 лет не будут это положительно оценивать, но и порицать особенно не будут. Я лично отношусь нейтрально. Не за и не против». ЮС3: «Это может быть, во-первых, целесообразно экономически; во-вторых, это может поддерживаться родителями, потому что в какой-то мере для них это тоже будет удобней». ЮС9: «Я один на съёмной квартире, я никого не привожу (смеется). Я не планирую так жить, у нас это осуждается». М: «Вы из Дагестана?». ЮС9: «Да». М: «Вы мусульманин?». ЮС9: «Да». ЮС1: «Я тоже мусульманин. Для нас это сто процентов нельзя». ЮС8: «Я сам к этому отношусь нейтрально. Но у нас в Осетии порицается, если парень живёт с девушкой, но они не заключили брак».

Сексуальные отношения до вступления в брак

Откладывание брака неизбежно связано не только с сожителствами, но и с длительным периодом отношений между полами, включая сексуальные. Для такого рода взаимоотношений (которые раньше называли добрачным ухаживанием) в России нет специального понятия. Иногда в быту используется «мой МЧ», «моя девушка» или англоязычное «boyfriend» и «girlfriend». На фокус-группе нами была поставлена задача обсудить вопрос, который задавался студентам 40 лет назад. В 1978/79 учебном году лабораторией студенческой молодежи НИИКСИ при Ленинградском университете (руководитель В. Т. Лисовский) был проведён опрос почти четырёх тысяч студентов восемнадцати вузов, расположенных в разных этногеографических регионах Советского Союза (от Туркмении до Белоруссии), с целью описать их стиль жизни. Задавался вопрос: «Как Вы думаете: с какой целью юноши и девушки вступают сегодня в интимные отношения?» (Цит. по: [Голод 1998: 69]). Тогда большинство девушек отметили: взаимная любовь, приятное времяпрепровождение и предполагаемое вступление в брак; большинство юношей (хотя почти в два раза меньше) также указали: взаимная любовь, приятное времяпрепровождение, и, кроме того, стремление к получению удовольствия. Судя по результатам фокус-группы–2018, многие девушки также расценивают секс как удовольствие и, кроме того, доказывают свою самостоятельность, рассматривают секс как этап развития отношений. ДМ4: *«Мои сверстницы могут себе позволить на первом свидании, на втором, на третьем... Они не задумываются о здоровье женском, о здоровье своих детей. Скорее, потому что так нельзя, а они дорвались. Один раз переспали, и больше никогда не созвонились»*. М: *«То есть, они так самоутверждаются?»*. ДМ1: *«Нехватка воспитания, открытости с родителями приводят как раз к самоутверждению, результат – самоутвердиться, вот я с тем, тем, тем»*. ДМ5: *«Да, у них существует определённая потребность быть привлекательной, быть желанной, они заводят отношения, исключительно сексуальные, и их это более чем устраивает. Среди моих одноклассниц, друзей, подруг – это некие биологические потребности, нет интереса приходить, рассказывать о том, как у тебя прошёл день, не интересно слушать о том, что у него там в автомастерской или ещё где-то»*. ДМ2: *«Для других девушек это этап развития отношений, логическое продолжение процесса единения, то есть сначала единение умов, душ, интересов»*. Мнения девушек о юношах также разделились. Одни считают, что это только физиологическая потреб-

ность. ДМ4: «Основное физика, а потом уже мозг, душа, личность». ДМ8: «Вы очень жестоко, столько мотиваций, их просто бесчисленно: и физика, и нехватка внимания, и просто какое-то внутреннее желание именно с этим человеком сблизиться». ДМ2: «Мальчики сами думают, что у них физика, но, на самом деле у них подсознательное стремление, глубинная потребность быть понятым, любимым, так же, как и у девушек». Сами московские юноши считают, что секс для них исключительно физиология. ЮМ2: «Вот мужская точка зрения: трое пацанов сразу сказали, что в первую очередь удовлетворение потребностей». М: «А кто отвечает за последствия?». ЮМ1: «Ну, оба, конечно, коль оба это совершили». ЮМ5: «Другой вопрос, кто думает об этих последствиях... в последние годы (имелось в виду ужесточение алиментного законодательства) мужская часть начала об этом чаще задумываться». Ставропольские студентки также утверждают, что и девушки стали более раскрепощёнными. ДС5: «Сейчас и девушки начинают вступать в связи просто для получения кратковременного удовольствия, как алкоголь, сигареты». ДС4: «Все-таки для девушек это что-то более важное, заветное, загадочное». ДС7: «Не думаю, сейчас даже многие парни жалуются, что, наоборот, девушки стали более активные и ветреные, а парни стремятся, наоборот, чтобы была одна своя девушка». По мнению ставропольских юношей, девушки часто вступают в сексуальные отношения ради удовольствия. ЮС3: «Очень часто для получения удовольствия». М: «То есть дети, семья, брак не являются приоритетами?». ЮС11: «Они ещё не задумываются». ЮС8: «Либо это отношения однодневки, когда раз-раз и разбежались, либо, хотя и редко, когда парень с девушкой уже на протяжении долгого времени встречаются и понимают, что хотят вместе прожить всю оставшуюся жизнь».

Двойные стандарты в период отношений до вступления в брак

Меняются ли двойные стандарты в период отношений до вступления в брак, кто чаще иницирует знакомства, свидания, кто обычно платит? Как свидетельствуют результаты обсуждений на фокус-группах, стандарты, в соответствии с которыми обязательно молодой человек должен первым познакомиться, платить, всё ещё сохраняются. ДМ1: «Девушки несут ответственность за отношения, но они ждут, ждут, ждут (согласно стереотипу) и только потом действуют». ДМ4: «Нет, я считаю, что установка есть, и она безусловно должна быть: женщина – шея, мужчина – голова. Женщина

может улыбнуться, какой-то знак подать, но познакомиться и платить за кино, кафе должен мужчина, если это, конечно, не просто друг твой». ДМ7: «И приглашать на свидания должен мужчина». Однако похоже, что эти нормы постепенно угасают; студентки, в частности, не всегда понимают, как лучше себя вести. ДМ2: «Я часто общаюсь с девушками. Подавляющее большинство из них спрашивают, можно ли делать первый шаг, проявлять инициативу, а другая, наоборот, борется с тем, чтобы не навязываться, не липнуть как банный лист. Редко кому удаётся выбрать золотую середину». ДМ5: «Иногда складываются ситуации, когда он не может на тебя потратить деньги. Следовать стандартам уже сложнее, надо искать другие выходы, быть оригинальным». Часть московских юношей убеждены, что двойной стандарт – это норма, другие более либеральны. ЮМ3: «...но, чтобы девушка пригласила парня и заплатила за двоих, это невозможный абсолютно вариант». ЮМ2: «Это нонсенс». ЮМ4: «Максимум, что девушка может, это разделить счёт, за себя заплатить». ЮМ1: «Традиция, когда парень за всё платит, резко идёт на спад; у меня очень много знакомых девушек, которые вполне за то, чтобы разделить счёт».

И среди ставропольской молодёжи чувствуются изменения. ДС6: «Девочки сейчас реально ничего не боятся. Им не стыдно подходить и вступать в сексуальные отношения, им всё равно: на одну ночь, не на одну...». ДС11: «Но таких и считают девушками лёгкого поведения». ДС4: «Я думаю, что большинство стало проявлять эту активность, основываясь на том, что парни сейчас амёбные, но это убивает в мужчине желание какое-то... он же по природе охотник, а это убивает в нём желание завоевывать девушку, он понимает, что добыча лёгкая будет, и не возникает того процесса, который заложен в природе». ДС9: «Девочки сделали из них амёб. Не дают им шанса как-то проявить себя, даже элементарно в домашних делах, когда сами начинают всё делать, хотят носить сумки тяжёлые». ДС7: «Нет-нет, если мальчику понравилась девочка, то он обязательно к ней подойдёт...». ДС8: «Он тебе подмигнёт, ручкой махнёт». Сами ставропольские юноши высказали мнение, что двойные стандарты быстро меняются в социальных сетях, клубах, т. е. там, где нет социального контроля. ЮС7: «По большей части реально сейчас не знакомятся, знакомятся в социальных сетях». М: «Девушки тоже ищут активно?». ЮМ7: «Да, сейчас пятьдесят на пятьдесят: и девушки ищут, и парни ищут. На улице им не позволяют нормы, а в интернете проще». ЮМ2: «Мне кажется, если девушка проявит инициативу первая, то в этом нет ничего плохого. В обществе должны остаться какие-то приятные мелочи вроде открытия дверей мужчиной».

или когда он уступает место в общественном транспорте, но что мужчина должен быть первым во всём, по-моему, это неправильно». ЮС10: «Присоединяюсь к мнению большинства, ничего плохого не вижу, если девушка делает первый шаг. Общество развивается, и мы развиваемся». ЮС3: «Чтобы мужчина чувствовал себя состоявшимся, он должен заплатить за девушку и т. д. Но многие девушки рассматривают парней просто как источник денег, финансирования, это уже неприемлемо». ЮС1: «Я тоже согласен со всеми, что мужик должен сделать первый шаг, но не со всеми девушками. Если ты подойдёшь к девушке, которая хочет богатого парня, она может не признать тебя». ЮС9: «Да, я считаю, это нормально, что парень должен делать первые шаги, быть джентльменом, расплачиваться за себя и своих знакомых тоже». М: «А если девушка будет нарушать такие нормы?». ЮС9: «Мне без разницы, если это не моя сестра (смеется)». ЮС8: «Меня так воспитали, что мужчина должен делать первые шаги. Если девушка предложит заплатить, с одной стороны, «хомяк» внутри скажет: «Ого, неплохо», а с другой стороны, будет некомфортно; если пополам, то ещё как-то ладно». Таким образом, консервативные нормы, согласно которым мужчины должны инициировать знакомства, отношения и оплачивать совместные расходы, постепенно угасают в России.

Смысл юридического брака и предпочтительный возраст его заключения

Обсуждение вопроса «Зачем люди заключают брак официально?» подтверждает скорее тенденцию возрастания экономической основы института брака, нежели его деинституционализацию в России, как это уже произошло в западных странах. Институт брака сохраняет пока свою значимость. Рассчитанные с помощью IBM SPSS Statistics-23 базы данных ВНДН-2012 и ВНДН-2017 показывают, что в 2011 г. в возрасте 49 лет и старше только 2% мужчин (из 3528) и 4% женщин (из 5785) никогда не состояли в браке. В 2016 г. в этой возрастной группе 3% мужчин (из 59 977) и 3% женщин (из 93 993) никогда не состояли в браке [Выборочное... 2017]. Хотя распространяются и «хрупкие семьи», в которых есть родительство, но нет брака [Гурко 2017b: 102]. Правда, «стаж» таких семей обычно небольшой, они либо завершаются браком, либо биологические родители расходятся. ДМ1: «...брак – это именно то, когда уже есть работа, имущество совместное и т. д.». ДМ5: «Брак, именно официальный, нужен тогда, когда у вас есть общее имущество, которое надо делить при

разводе... Мы сейчас с моим молодым человеком живём вместе уже два года, отношения длятся четыре года». Москвички не видят смысла в браке даже в случае рождения ребёнка. ДМ4: «А дети?». ДМ5: «... если родится ребёнок, мой молодой человек просто придёт в ЗАГС и скажет: да, я отец этого ребёнка... Всё... Зачем для этого замужество, я как бы в нём большого смысла не вижу. Пока нет имущества и что делить – это абсолютно ни к чему». ДМ8: «На самом деле, ... когда вы берёте совместно ипотеку, то да; другое дело, зачем брак, если вы и так ... друг друга любите». Для части московских юношей брак сохраняет свой консервативный смысл в качестве отношений на всю жизнь. ЮМ3: «Это, на мой взгляд, символ того, что да, я готов прожить с этим человеком всю жизнь. Хотя брак может распасться через год или через 5 лет».

Для девушек Ставропольского края более значимы нормы ближайшего окружения, мнение родителей, брак как возможность узаконить рождение ребёнка и получить некоторые социальные льготы. ДС7: «Те, кто регистрируют браки, даже сами не могут ответить на этот вопрос, они это делают, потому что так принято». ДС1: «В любом случае, сейчас для семей молодых бывают разные программы поддержки». ДС12: «Какие-то бонусы и на работе». ДС6: «Родители... всегда спрашивают: «А когда женишься?», пытаются сыновей женить, а дочек поскорее выдать замуж». ДС8: «Брак, конечно, не предотвращает мужскую измену. Но всё-таки не так легко всё бросить и уйти». ДС4: «Смысл этой бумажки в юридических последствиях, при разводе всё поделится, он будет платить алименты, если есть дети». Ставропольские юноши часто видят юридические преимущества брака и считают, что именно женщины в большей мере в нём заинтересованы. ЮС5: «Чтобы дети были официально оформлены, те же подарки на Новый год». ЮС4: «Именно в браке женщины ощущают себя наиболее защищёнными. Поэтому браки по расчёту заключаются в основном со стороны женщин. Они хотят обеспечить благополучное будущее своему ребёнку». ЮС8: «В случае развода женщина будет больше защищена, те же алименты».

Доля заключивших брак в возрасте 18–24 года с каждым годом уменьшается и среди юношей, и среди девушек, что соответствует тенденциям в развитых, постиндустриальных странах (см. рис. 5). Что касается ранних браков, в возрасте до 18 лет, то к 2017 г. их число среди девушек составило 0,6%, а среди юношей 0,1% (в 1990 г. 5,5% и 1% соответственно) (Рассчитано по: [Демографический...2008: 128; Браки... 2018]).

Доля заключивших брак в возрасте 18–24 года с каждым годом уменьшается и среди юношей, и среди девушек, что соответствует тенденциям в развитых, постиндустриальных странах.

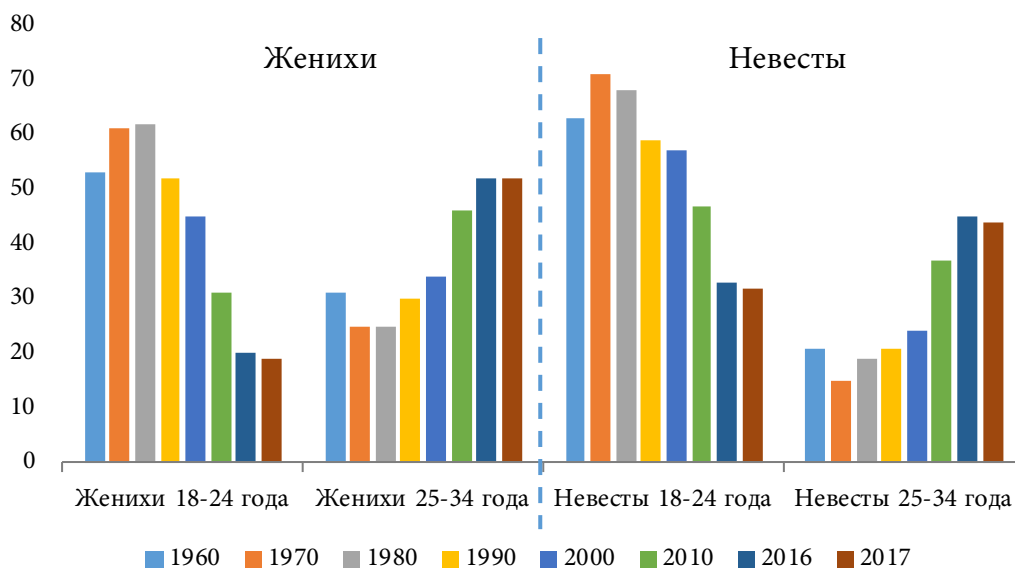

Рис. 5. Динамика возраста вступления в брак мужчин и женщин в младшей и средней возрастных группах в РФ, %

На фоне повышения возраста вступления в брак меняются и представления о *желательном возрасте заключения брака для юношей и девушек*. Относительно девушек этот возраст связывается в первую очередь с необходимостью иметь ребёнка. ДМ2: «*Есть возраст, в котором желательно иметь ребёнка, некие биологические часы, плюс, мне кажется, очень вредно долго находиться в сексуальных отношениях и при этом не зачать. И я думаю, что это где-то до 35 лет*». ДМ1: «*Раньше я думала, что это до 27–28 лет, а сейчас смотрю, что эти рамки расширяются за 30*». ДМ4: «*Сейчас сглаживаются стереотипы, если раньше девушка должна была выйти замуж пораньше, а мужчина должен был нагуляться, а потом только жениться, то сейчас и девушки хотят нагуляться, а многие мужчины хотят пораньше жениться. Для женщин рамки раздвинулись, а у мужчин остались прежние, примерно до 30 лет*». ДМ8: «*Важно, хватит ли у него мозгов, чтобы заработать, даже если у него ничего нет. Он должен понимать, если я сейчас миллионер, а завтра денег не будет, я пойду слесарем. Многие мужчины, с которыми я общаюсь, с обеспеченными, пропадут, если у них денег не будет. Они сопьются, с ними ещё что-то случится, то есть они должны быть именно со своим стержнем, который не сломается до брака*». ДМ3: «*Моих знакомых мужчин от 20 до 30 можно разделить на две категории. Первые – это толковые ребята, которые уже сформировались как личности, нашли себя и т. д., они все уже женаты, а другие бестолковые, которые не понимают, что им нужно. Они думают, я вот сейчас девушку себе найду, и тогда у меня появится мотивация, тогда я начну работать. То есть у них всё упирается в то, что появится женщина, и решит все его про-*

блемы». ДМ7: «У меня есть стереотип – мужчина-утюг, это тот, которого надо пинать, чтобы он что-то сделал, у моей бабушки было два таких». Московские юноши уверены, что до вступления в брак, неважно в каком возрасте, необходимо иметь материальную основу. ЮМ3: «Желательно, если ты вступаешь в брак, уже иметь какие-то финансовые возможности. Получить образование, найти работу и иметь жилплощадь, или понимать, что можешь её снимать на стабильной основе». Девушек они также видят самостоятельными. ЮМ6: «Одни девушки считают, что до вступления в брак они должны получить высшее образование, другие – успеть поработать, мир повидать, третьи считают, что жизнь надо начинать с брака. Возраст не имеет значения». Юноши связывают заключение брака с наличием ребёнка. ЮМ1: «Брак подразумевает продолжение рода».

Студентки Ставрополя также не считают возраст важным для создания семьи. Девушки, по их мнению, должны получить образование, а юноши иметь ещё и финансовые возможности. ДС3: «Для девушки 22–23 года, когда она закончит обучение. А для мужчин позже, в 25–26, чтобы он смог обеспечивать семью и к этому времени нагуляться». Юноши Ставрополя условно разделили девушек на две категории: тех, которые готовы быть домохозяйками, и тех, кто занимаются карьерой, хотят достичь каких-то высот. Для них и желательный возраст вступления в брак разный. Но даже юноши-мусульмане считают, что девушке надо получить образование до брака. ЮС9: «Девушка должна получить образование, иметь хоть какой-нибудь стаж работы. В дальнейшем может быть развод, работать надо будет». ЮС8: «Присоединяюсь к ребятам и хочу дополнить, если девушка закончила тот же техникум, то в 21–22 года она уже имеет и опыт работы, и образование за плечами». Так же, как и московские, ставропольские юноши считают, что мужчины должны иметь материальную базу, однако в Ставрополе мнения более разнообразны. Потому важно пропагандировать необходимость схождения установок будущих супругов, в частности в этом регионе. ЮС4: «Где-то 27–29 лет, после получения образования, работы, армии, когда будут деньги на покупку квартиры, автомобиля и на саму свадьбу». Но допускается и совместное проживание с родителями. ЮС9: «Я из Карачаево-Черкессии, там все приводят к родителям». Другие же юноши, наоборот, ориентированы на современный партнёрский тип отношений. ЮС4: «Моё мнение по поводу женщины – 25–27 лет. Для мужчины – 27–32. Потому что я сторонник таких отношений, где не у мужчины есть что-то, а у женщины нет ничего, а когда у каждого из партнёров за плечами что-то есть».

Социальная гомо-гетерогамия

На протяжении последнего столетия разрабатывались различные теории выбора супруга: социобиологические, психоаналитические, социально-психологические, экономические, феминистские (критика социобиологического подхода), историко-социологические. Социологический подход, в отличие от вышеупомянутых, включает анализ предпочтений в отношении социальных характеристик будущего супруга и брачных рынков, на которых осуществляется поиск партнёра. В качестве таких локальных «рынков» рассматриваются соседские сообщества, образовательные учреждения и рабочие места. Соседские сообщества способствуют этнической, религиозной гомогамии и сходству статусов родительских семей, образовательные – образовательной, рабочие же места необязательно формируют социально-экономическую гомогамии [Kalmijn 1991: 786]. Многие века считалось, что люди ищут партнёра из своей социальной среды или близкого к своему социальному статусу. Как отмечал Р. Мертон: «Чем выше степень групповой солидарности, тем сильнее чувство неприятия брака с людьми за пределами группы. Причём неважно, какая причина заставляет желать групповой солидарности. “Внешний брак” означает или потерю члена своей группы в пользу другой, или включение в свою собственную группу таких людей, которые недостаточно подготовлены к восприятию её ценностей, мнений и обычаев» [Merton 1941: 156]. Он также отмечал, что в экзогамные браки чаще вступают представители непрестижных этнических меньшинств, имеющие высокий социально-экономический статус. В современных условиях глобализации и миграции социологически имеет смысл проверить гипотезу о возрастании гетерогенности будущих супругов по основным социальным характеристикам. Экзогамию можно рассматривать как тенденцию к открытости социальных групп, что в свою очередь способствует культурным и социально-экономическим переменам.

По крайней мере по данным зарубежных работ, эта гипотеза подтверждается в отношении этничности, религии и частично статуса коренного жителя-мигранта [Гурко 2017с]. Рост экзогенных браков по этническому признаку согласуется с теорией адаптации и ассимиляции мигрантов. Однако когда мигрантов определённой этнической группы становится много, у них нет необходимости в таком способе адаптации. Согласно американским и австралийским данным, мигранты новой волны (в частности, европейцы) так же, как и американские африканцы, реже вступают в гетерогамные браки, нежели «старые» мигранты. В США наиболее гомогамны католики и евреи, а также реформисты в Нидерландах, баптисты в США и Австралии [Kalmijn 1998: 407–408].

Гомогамия по социально-экономическому статусу исследовалась сопоставлением предписанного (профессиональный статус отца или отчима) и достигнутого статусов (уровень образования и профессия). Согласно данным по западным странам, наиболее высок уровень гомогамии по уровню образования, затем следует профессиональный статус, низкий уровень – по статусу родительских семей [Kalmijn 1998: 408]. Причём культурный статус профессии более важен с точки зрения гомогамии, нежели экономический.

Динамика образовательной гомогамии различна в разных странах [Kalmijn 1998: 411], однако фиксируется и тенденция образовательной гетерогамии, поскольку для современного брака на первом месте стоят эмоциональные компоненты. Согласно специальному анализу [Smits et al. 1998], сходный уровень образования супругов был важен в индустриальный период, когда образование было основным ресурсом для социально-экономического статуса; в постиндустриальный период стала возрастать гетерогамия, поскольку уровень жизни стал относительно высоким у большинства. Эта U-образная связь образовательной гомогамии и уровня модернизации установлена на сравнении данных по 64 странам (Цит. по: [Kalmijn 1998: 412]). Согласно американским данным, наметилась тенденция заключения брака женщинами с более высоким уровнем образования, нежели у партнёра, что вписывается в феминистский подход. Однако стабильна тенденция выбора женщинами мужчин с более высоким доходом, нежели у них самих [Qian 2016] – факт, отражающий исторически сложившееся разделение труда во многих обществах.

Выбор профессии во многом определяет и выбор супруга. Данные в отношении профессий супругов были представлены компанией Bloomberg Business. Сканировались данные переписи США по 3,5 млн домохозяйств и было установлено, что представители многих профессий предпочитают в качестве супруга(ги) представителей своей же профессии (речь идёт и об однополых союзах). Это, например, юристы, преподаватели, артисты, школьные учителя, фермеры и рабочие в сельской местности, служители церкви. Женщины-руководители компаний выходят замуж за руководителей, а мужчины-руководители часто предпочитают секретарш [Pearce et al. 2016]. По данным американского исследования территориальных сообществ (American Community Survey-2012), только 12% пар, в которых оба супруга работают, состоят в браке с представителями своей профессии. И женщины, и мужчины чаще вступают в брак с представителями своей профессии, если их мало в данной профессиональной группе. Например, для женщин это полицейские, водители, военные, строители, а для мужчин – работники сферы образования [Korf 2015].

Зарубежные исследователи отмечали сокращение гомогамных браков по статусу родителей в западных странах уже в период индустриализации. Эта тенденция связывалась с ослаблением роли родителей в выборе супруга и тем фактом, что дети чаще стали обучаться в смешанных коллективах [Kalmijn 1998: 411].

Вписываются в феминистский подход данные об увеличении *гомогамии по возрасту* в XX в. в связи с повышением экономической самостоятельности женщин, в частности в Испании [Esteve et al. 2009]. В Китае отмечается U-образная зависимость между возрастной гомогамией и уровнем социально-экономического развития. В период рыночных реформ зафиксирована гипергамия, когда женщины предпочитают стабильных в социально-экономическом отношении мужчин, которые обычно старше их [Mia, Xiea 2014].

В какой мере эти выводы справедливы для России, сложно сказать. На базе панельных данных РМЭЗ 1994–2003 гг. была подтверждена гипотеза о гомогенности ряда характеристик недавно вступивших в брак пар, включая возраст, вес, рост, ношение очков, употребление кофе, алкоголя, курение, занятие спортом и социальные характеристики, такие как уровень образования, статус занятости, профессия, религиозность, вероисповедание, национальность [Рощин и др. 2007]. Однако отсутствие повторного анализа таких данных не позволяет судить о тенденции гомо-гетерогенности супружеских пар в России. Методически решить проблему могли бы разработки данных переписи или архивов ЗАГС.

Ряд вопросов на фокус-группе касался гомогенности-гетерогенности социальных характеристик по критерию уровня образования, профессионального и социального статуса, материальной обеспеченности родительских семей, возраста, национальной и религиозной принадлежности будущих супругов.

По поводу *сходства уровней образования* мнения разделились. Одни московские студентки считают, что формальное наличие диплома ещё не есть свидетельство уровня интеллектуального развития. Поэтому неважно, какие дипломы получили супруги. ДМ1: «Главное, примерно равный уровень развития, интеллекта». М: «А если женщина имеет высшее образование, а мужчина не имеет?». ДМ3: «Если у них любовь, то почему бы и нет, если они друг друга понимают». Другие считают, что различие в уровне образования будет препятствовать взаимопониманию. ДМ7: «Ей не будет интересно с ним». Московские юноши высказывались за гомогенность всех критериев. ЮМ3: «Лучше, конечно, чтобы уровень образования был одинаковый». ЮМ6: «Желательно, чтобы люди были одного социального уровня». ЮМ3: «Я считаю, что по всем четырём критериям чем супруги ближе, тем лучше». Истина, которая

проповедовалась православными учёными ещё до революции [Бажанов 1913: 123–126]. Не исключено, что девушки часто ориентированы на гетерогамия в силу меньшей возможности найти подходящего партнёра (половой и гендерный дисбаланс). Ставропольские девушки неоднозначно относятся к соотношению уровней образования, но не рассматривают вариант более образованной жены. Некоторые считают возможным, если у мужа уровень образования выше, жена может в браке заняться самообразованием, другие же скептически к этому относятся. ДС10: *«Если у неё будет 9 классов, а он профессор, им даже поговорить не о чем будет»*. ДС3: *«На бюджет не прошла, денег у тебя нет..., ну, пошла ты работать, вышла замуж за того же профессора, сиди и изучай его книжки»*. Ставропольские юноши имеют различные мнения, *можно условно говорить о модернистской и постмодернистской точках зрения*. ЮС7: *«Я считаю, что люди должны иметь одинаковый уровень образования, чтобы в старости они могли о чём-то поговорить. Не только в бытовом плане, но и на общие темы. Если на первых порах брака разница в образовании не очень ощутима, то с возрастом это начнёт напрягать ту или другую сторону»*. Противоположное мнение выразил ЮС8: *«Есть люди, которые высшее учебное заведение заканчивают и остаются дураками. Если человек хочет дальше самореализовываться, саморазвитием заниматься, он подтянется и без всякого высшего образования»*.

Московские студентки считают *соответствие профессий и социального статуса супругов необязательным* в условиях, когда многие молодые работают не по специальности [Гурко 2018: 99, 102] и часто меняют место работы. МД4: *«Бывает водитель был топ-менеджером месяц назад, просто он сейчас водитель»*. МД1: *«Это ситуативно, могло случиться что угодно»*. Т. е. девушки вполне готовы к тому, что будущий муж не обязательно сможет их обеспечить и часто будет менять место работы. Московские юноши считают, что главное – это либо примерно равный уровень заработков, либо девушка может стать домохозяйкой, но более высокий статус и доход у жён отвергается. ЮМ1: *«Нельзя, чтобы парень зависел от девушки, т. е. был альфонсом»*. Ставропольские девушки также считают, что статус мужа должен быть выше. ЮМ3: *«На мой взгляд, любой из партнёров должен иметь возможность прокормить и себя, и своего партнёра»*. СД9: *«Мужчина должен как-то проявить себя, понимать, что он уже чего-то достиг, а девушке необязательно»*. Т. е. взгляды ставропольских девушек более консервативны, нежели московских юношей. Ставропольские юноши скептически относятся к бракам, в которых супруги имеют одинаковую профессию. ЮС10: *«Мне кажется, когда у людей разные работы, это более интересно, а не когда всё одно и то*

Московские студентки считают соответствие профессий и социального статуса супругов необязательным, поскольку многие молодые работают не по специальности и часто меняют место работы. Юноши считают, что главное – это либо равный уровень заработков, либо девушка может стать домохозяйкой, но более высокий статус и доход у жён отвергается.

же». ЮС5: «Я считаю, что муж и жена должны иметь разные профессии, иначе они надоедят друг другу, но при этом они должны иметь общие интересы и самое главное – желание развиваться. Важно, чтобы они могли о чём-то поговорить, чтобы вместе интересно было заниматься каким-нибудь делом, помимо работы». ЮС7: «Если профессия одинаковая, начинается ещё и гонка самих карьерных лестниц, у кого она выше, и это иногда приводит к не очень хорошим последствиям в плане семьи».

Что думают студенты о важности **сходного материального статуса родительских семей**? Московские девушки считают, что сходство социального и материального уровней родительских семей необязательно. ДМ5: «Мне кажется, это только стереотип, которому следует старшее поколение. У меня есть пример: приехала девушка из деревни, пошла работать на хорошую работу, с хорошей зарплатой, а мама жениха постоянно устраивает истерики, что она ради прописки и т. д., хотя у них всё хорошо». ДМ8: «Разница родительских семей некомфортна, когда молодые живут с ними. Но сейчас все стараются этого избежать». Юноши придерживаются другого мнения. ЮМ2: «Скорее всего, родители будут против таких отношений с той и другой стороны». ЮМ6: «Это будет какое-то препятствие, которое они либо преодолеют, либо нет». ДС11: «Я думаю, что он будет ощущать себя некомфортно, когда у него девушка, или жена, ну, допустим, дочка депутата, ездит на «Порше», а он...». ДС7: «... на «жигулях». ДС6: «У кого-то в любом случае будет ниже самооценка. Особенно, если мужчина из малообеспеченной семьи, а девушка из более обеспеченной». Примерно такого же мнения придерживаются и юноши. ЮС5: «Для меня это значения не имеет, но, как правило, если девушка из богатой семьи, то её родители не позволят ей выйти за бедного». ЮС8: «Социальный статус родителей не имеет значения. Молодые должны сами себя обеспечивать».

Каковы представления супругов о **соотношении их возрастов**? Российских данных по тенденции гомо-гетерогамии супругов по возрасту практически нет. Результаты анализа актовых записей архива областного Тверского ЗАГСа с 1990 по 2000 гг. выявили, что в 1990-х гг. наметилась тенденция увеличения браков, в которых невесты старше женихов [Богданова 2003: 102]. Этот факт связывался с сокращением студенческих браков ровесников и возрастанием доли экономически самостоятельных женщин [Гурко 2008: 205]. Результаты фокус-групп показывают, что молодёжь не придаёт особого значения разнице возрастов. Хотя московские студентки считают, что муж должен быть старше, поскольку мальчишки более инфантильны. ДМ2: «До 25 лет у них ещё такие детские представления, они считают это продолжением какой-то

большой игры». ДМ7: «Они не имеют ещё чётких представлений, что будут делать, за редким исключением. Я думаю, девочки более ответственные». Московские юноши допускают лишь небольшую разницу в возрасте супругов. МЮЗ: «Важно, чтобы не было колоссальной разницы, чтобы не было такого, что он пионером был, а когда она родилась, Советский союз уже распался». На юге России студентки также считают, что муж должен быть старше, но допускают и варианты. ДС6: «Для меня идеально, чтобы муж был старше на 5–6 лет». ДС7: «От 4-х и выше, но не 10 лет». М.: «А если женщина старше мужчины?». ДС2: «Только в крайнем случае, и чтобы разница была не больше 5 лет». ДС4: «Смотря в каком возрасте они встретились». ДС3: «Зависит от человека, от того, в какой семье он рос. Допустим, ей 20, ему 29, он может веселиться вместе с ней, а может в свои 29 сидеть как старый дед и твердить, что ничего не хочет».

Результаты фокус-группы в отношении **гомогенности религии и национальности** (этнической группы) будут представлены в отдельной статье. Необходимо лишь отметить, что верующих даже среди студентов юга России крайне мало, и принадлежность к религии выступает скорее в качестве этнической идентичности.

Отношения между полами и распределение супружеских ролей

В какой мере молодёжь считает необходимым равенство возможностей мужчин и женщин в семье и обществе?

Российскую молодёжь в сравнении с европейцами отличает консерватизм в отношении работы вне дома мужчин и женщин. С утверждением «Когда рабочих мест не хватает, у мужчин должно быть преимущество перед женщинами при приёме на работу» согласились 46% российских юношей. Чуть менее консервативны юноши в Израиле (31%) и Польше (20%). Тот факт, что в Нидерландах, Исландии, Финляндии, Швеции и Франции ни одного юноши не согласились с таким утверждением, свидетельствует о достижении гендерного равенства в этих странах. Среди девушек опять же лидируют россиянки – 23%, 10% в Австрии, по 9% в Израиле и Эстонии, но ни одной девушки в Бельгии, Исландии, Норвегии, Финляндии, Франции и Швеции (см. рис. 6). Европейские женщины не так давно по историческим меркам стали активно работать вне дома и, вероятно, поэтому большинство европейских девушек следуют этой тенденции в своих взглядах. Представления российской молодёжи несколько неожиданны, поскольку в России женщины длительный советский период работали практически наравне с мужчинами, хотя социо-

Российскую молодёжь в сравнении с европейцами отличает консерватизм в отношении работы вне дома мужчин и женщин.

логи всегда фиксировали примерно треть женщин, которые предпочитали роль домохозяек. Гипотетически часть нового поколения девушек воспроизведёт практику разделения супружеских ролей.

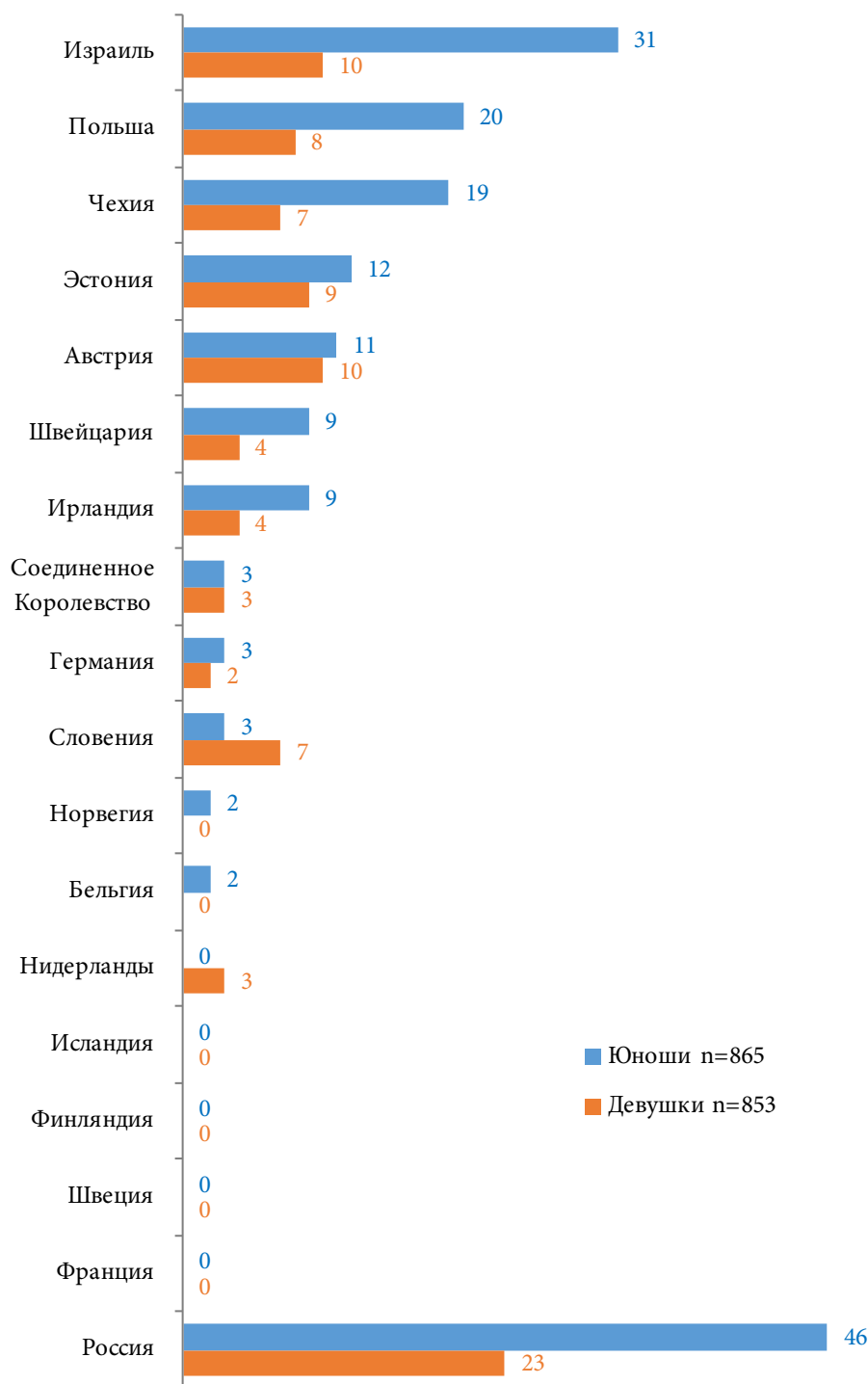

Рис. 6. Распределение согласившихся с утверждением: «Когда рабочих мест не хватает, у мужчин должно быть преимущество перед женщинами при приеме на работу», %

В процессе фокус-групп обсуждался вопрос о *предпочтительном распределении обязанностей в молодой семье после рождения ребёнка*, а также «*страдают ли дети дошкольного возраста, если их матери работают?*».

Московские девушки-студентки ориентированы на частичную занятость в период дошкольного возраста ребёнка. ДМ2: «При рождении ребёнка девушка физически не может работать, она на 2–3 года на обеспечении мужчины». ДМ5: «В любом случае, помощь мужа нужна в зарабатывании денег». ДМ4: «Возможно, какой-то бизнес, который не требует ежедневного участия, на 2–3 часа в день». ДМ8: «Молодая мама должна работать ради удовольствия, а не ради денег, но это в идеальном, конечно, случае, вот неполная занятость, по-моему, это самое крутое». М: «А как насчёт нянечки?». ДМ1: «Это когда ребёнок в школу пойдет». ДМ3: «Лучше бабушку пригласить тогда, или кого-то родного». Большинство считает, что ребёнку лучше, если мама не работает или работает частично. ДМ1: «Если она работает и уделяет много времени ребёнку, то ребёнок не страдает». Московские юноши также высказались за разделение ролей по полу, хотя и допускают иные варианты. ЮМ4: «Мне кажется, что логично, когда ребёнок на женщине, мужчина зарабатывает». ЮМ3: «Да». ЮМ1: «Необязательно в современных реалиях, девушки могут зарабатывать не меньше мужчин, и если у неё хорошая стабильная работа, а у парня там не всё так хорошо, то почему бы ему не остаться дома с детьми». ЮМ7: «Я не думаю, что детям принципиально, чтобы именно мама была с ними, это может быть и бабушка, другие родственники, или няня». ЮМ3: «Неполный рабочий день – это вообще очень хороший вариант, если такой есть». ЮМ4: «Это может быть свободный график». М: «А папа не нужен маленькому ребёнку?». ЮМ2: «Нет, нужен, безусловно, но, если отец приезжает поздно, и уезжает очень рано, это приемлемо, а вот мать, она все-таки точно должна детей видеть». Ставропольские студентки за справедливое распределение – либо оба работают и вместе выполняют домашние дела, либо работает только муж. ДС1: «Я считаю, что тут должно быть равноправие. Если муж работает, а жена нет, тогда да, тогда она должна выполнять обязанности по дому». ДС10: «Если они оба работают, и при этом она должна готовить, стирать и убирать, то нет. У кого есть возможность, тот и занимается домашними делами». ДС7: «Я не представляю, чтобы мужчина убирал. Всё равно за ним потом надо всё переделывать». ДС3: «Далеко не каждый мужик согласится готовить, стирать и пылесосить». М: «То есть равноправный вариант, вы считаете, нереализуем?». ДС5: «Так пока мужчин не воспитывают. Я не за равноправие, я лучше дома буду убираться». ДС6: «И я готова сидеть с ребёнком дома, если муж хоть как-то обеспечит». В тоже время ставропольские студенты настроены даже более либерально, нежели девушки, и при обсуждении вопроса об отпуске отцов по уходу за ребёнком выразили свою готовность. ЮС8: «Сейчас общество разви-

вается и может сложиться так, что жена будет зарабатывать в разы больше, чем муж. В таком случае жена рождает, с ребёнком остаётся сидеть муж». ЮС9: «У меня мнение схожее. Если зарплата у меня 10 тысяч, а у неё 50, конечно, я буду сидеть с ребёнком». ЮС12: «Если после полутора лет ребёнку, я тоже мог бы дома остаться». ЮС5: «В период кормления мать должна быть дома, а дальше неважно».

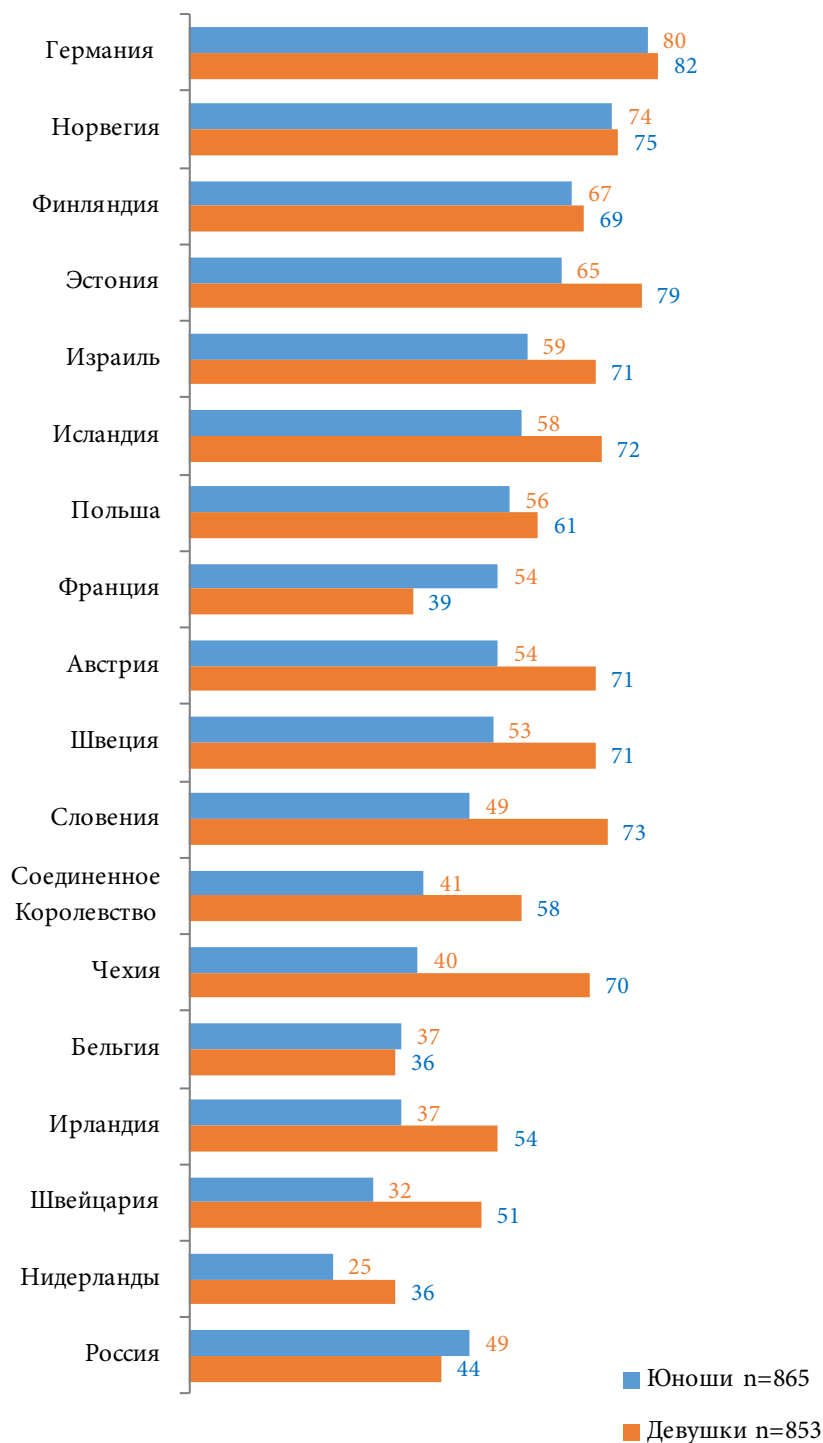

Рис. 7. Вполне согласны с утверждением: «Обеспечение ухода за детьми работающих родителей является всецело задачей государства», %

В данном вопросе российская молодёжь на удивление не демонстрирует более высоких требований, и это несмотря на длительную советскую традицию государственного ухода за детьми и проводимую ныне российским государством стратегию по обеспечению детей дошкольными учреждениями. Более всего юношей, поддерживающих такое положение вещей, в Германии (80%), Норвегии (74%), Финляндии (67%), Эстонии (65%), Израиле (59%); менее всего в Нидерландах (25%), Швейцарии (32%), Ирландии (37%). В России так считают 49% юношей. Среди девушек в ряде стран несколько больше полностью согласных с этим утверждением очевидно потому, что государственные институты ухода за детьми там слабо развиты: в Германии – 82%, Эстонии – 79, Норвегии – 75, Словении – 73, в Австрии, Швеции и Израиле – по 71% (например, в Израиле все учреждения для детей до 3-х лет частные). Менее всего девушек, согласившихся с данным утверждением, в Бельгии и Нидерландах – по 36%, во Франции – 39%, в России – 44%. Однако, поскольку в вопросе не конкретизировался возраст ребёнка, интерпретировать результаты можно лишь в общем виде. Гипотетически мнения молодёжи связаны и с социальным режимом (welfare regimes) в разных странах.

На фокус-группе обсуждался вопрос, *с какого возраста ребёнка лучше определить в учреждение*. М: «Сейчас предлагают отдавать детей в ясли с 1,5 лет, я предлагаю хотя бы с 2-х лет». ДМ1: «В возрасте 2-х лет они на разном уровне, им тяжело общаться между собой, тем более с чужими людьми». ДМ4: «В два года не все разговаривать начинают, не все ходят, рано». Ставропольские студенты солидарны, что до исполнения 3-х лет ребёнку услуги нянь можно использовать только эпизодически, и считают оптимальным вариантом привлечение бабушек. ЮС11: «Если ребёнок привяжется к няне, а она уедет потом, ему будет не хватать близкого человека». М: «Действительно, уедет «Арина Родионовна» на Украину и не вернётся больше».

Отношение к внебрачному материнству и ненормативным семейным структурам

Трансформация институтов семьи, брака, родительства в России в конце XX–начале XXI в. в процессе модернизации привела к многообразию семейных форм. Причём гипотетически эти формы распространены в разной мере в регионах России, в городах и сельской местности и среди разных социальных слоёв [Гурко 2017b: 100]. В процессе фокус-групп обсуждалось, в частности, отношение студентов к внебрачному материнству: «Лучше иметь ребёнка без мужа, чем про-

Трансформация институтов семьи, брака, родительства в России в процессе модернизации привела к многообразию семейных форм. Причём гипотетически эти формы распространены в разной мере в регионах России, в городах и сельской местности и среди разных социальных слоёв.

жить всю жизнь без детей?». Мнения московских студенток разделились в зависимости от опыта их детства. ДМ2: «Нет, потому что ребёнка нельзя рожать просто для галочки». ДМ4: «Несчастливого». ДМ8: «...который потерянный». ДМ2: «Если изначально женщина решает родить ребёнка через искусственное оплодотворение, я считаю, что это неправильно. Рожать нужно от любимого». ДМ1: «Я росла без отца и потерянной себя не считаю, есть ещё мужчины-родственники, которые помогали». ДМ5: «Я такой же пример, у меня, в принципе, не было отца, я знаю ещё кучу таких примеров, это не трагедия. Это сложно, но есть поддержка всей семьи». Московские юноши не высказывали категоричного мнения по этому вопросу, полагая, что это право женщин, однако стереотипные сомнения по поводу благополучия ребёнка все-таки у них возникают. ЮМ1: «Ну, если позволяет её положение, то почему бы и нет». ЮМ7: «А каково будет ребёнку, если не будет отца... надо о ребёнке думать». Ставропольские студентки единодушны во мнении, что нужно рожать и без мужа, и осознают проблему физиологической невозможности иметь детей. ДС8: «Есть для кого жить, стараться для ребёнка». ДС3: «Многие женщины в возрасте сейчас не могут родить, у нас много таких знакомых. Видимо, аборт делали». Среди ставропольских юношей осудили бы такой поступок только мусульмане. ЮС9: «Необязательно рожать, можно взять приёмного». Остальные юноши относятся к таким решениям с пониманием. ЮС8: «Если она сможет родить и воспитать своего ребёнка, дать ему образование, обеспечить его, то почему бы и не родить». ЮС3: «Если она сможет дать ребёнку достойное будущее, я за». ЮС7: «Лучше воспитывать ребёнка одной, но достойно, чем с мужем алкоголиком». ЮС2: «У родившей женщины появится какой-то смысл жизни, привязанность».

На вопрос: «Детям лучше жить с обоими родителями, независимо от отношений между ними, или счастливы могут быть и дети, проживающие с одним родителем?» московские студентки однозначно отвечали, что детям лучше жить со счастливыми родителями, и, кроме того, подтверждали научные интерпретации благополучия детей в различных семейных структурах. ДМ1: «Люди не обязаны жить вместе ради ребёнка, потому что ребёнок чувствует, что растёт в агрессивной среде. И дети думают, как быстрее сбежать от таких родителей. Ребёнок будет счастлив с двумя родителями, которые живут отдельно друг от друга». ДМ4: «...хочу добавить, что если ребёнок будет видеть умершие отношения, это гораздо хуже, нежели он будет видеть счастливую мать, пусть и с новым мужем, объятия, ласку, тепло». В таком же русле размышляют и московские юноши. ЮМ1: «Дети перенимают поведение своих родителей, и если родители кричат

друг на друга, в будущем они также будут поступать со своим партнёром». ЮМ7: «Если ребёнок старше, он вполне справится, если он будет жить с одним родителем, но при этом может общаться со вторым». Такого же мнения придерживаются и ставропольские девушки. ДС4: «Если в семье постоянные ссоры, то лучше жить с одним родителем». ДС8: «Ссоры влияют на ребёнка, и он может думать, что это из-за него. Лучше жить с одним родителем». ДС12: «Лучше общаться с обоими, а жить с кем-то одним». Ставропольские юноши отмечали неблагоприятное влияние материнской семьи на развитие мальчиков. ЮС1: «Если парень растёт в неполной семье, откуда он должен брать пример, каким быть “мужиком” в будущем? Быть мужчиной ты должен учиться сам, и это сложно. Сложно самому стать отцом, быть примером для своего ребёнка». Однако высказывалось и альтернативное мнение. ЮС9: «У меня есть друг, который прожил всю жизнь в семье без отца, он состоялся как человек, он интеллектуально развит и у него нет никаких комплексов. И нет никаких оснований полагать, что он будет плохим отцом».

Вполне лояльно относятся студенты и к сводным семьям, хотя есть и исключения, основанные на личном опыте. Обсуждался вопрос: «Дети, проживающие с обоими родными родителями, испытывают меньше проблем, чем дети, у которых один родитель родной, а другой нет?». ДМ4: «Бывает родной отец пьющий, бьёт, а отчим прекрасный, бывает и наоборот». ДМ5: «Я действительно любила своего отчима, очень дорогой был для меня человек». ЮМ7: «Главное, чтобы родители были счастливы, неважно, биологические оба или нет». ЮМ3: «Отчим может оказаться заботливым и замечательным, а отец просто негодяем и извергом». ДС8: «Меньше проблем у тех детей, которые живут с родителями родными. Я просто жила с отчимом и никогда не находила общий язык, потому что я люблю своего отца... Я добила, чтобы они с мамой разошлись». ДС4: «Но есть примеры, когда с отчимом лучше у ребёнка складываются отношения, нежели с родным отцом». ДС7: «С мачехами больше проблем». ЮС8: «Всё зависит от отношения отчима к пасынку. У меня есть примеры, когда отчим помогал и давал больше, чем родной отец».

В процессе фокус-групп студенты делились опытом своих родительских семей. Очевидно, что в поколении родителей нынешних студентов семейные практики были далеки от консервативного идеала. В 1990-х гг. в период либерализации и структурной перестройки экономики возникло множество факторов, дестабилизирующих семейную жизнь [Гурко 2008: 55]. Проблемой в те годы стали и разные траектории социальной мобильности. ДМ5: «Пример моей матери, которая не могла взять своего бывшего мужа, водителя, на какую-то встречу друзей, корпоратив, концерт; у них разные

интересы, разные взгляды, а любовь... она проходит со временем». Девушки (но не юноши) с сожалением описывали свои проблемы, связанные с их отсутствующими дома работающими матерями. ДС8: «У меня нет отца, мама была безвылазно на работе, чтобы деньги в семью; за мной следила бабушка, с мамой я теперь о многом не могу поговорить, мы очень редко общаемся, а когда общаемся – это постоянные ссоры, крики, ругань». ДС8: «Ну вот прям в точности согласна. У меня такая же ситуация, мама работала, и как такового доверия к ней никогда не было». Таким образом, у нынешнего поколения молодёжи часто отсутствовал позитивный опыт семейных отношений. С одной стороны, им сложно создавать свои собственные браки, с другой – они вполне толерантны к различным семейным структурам. На смену стереотипам XX в. приходят рационально организованные модели организации частной жизни.

Заключение

На основе анализа данных Европейского социального исследования (ESS, 2016, раунд 8) показано, что молодые люди в России в основном негативно настроены против гомосексуальных пар и особенно возможности усыновления ими детей. Утверждение «Геи и лесбиянки должны иметь право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам» принимают только 21% российских юношей и 19% девушек на фоне 100–90-процентного согласия молодёжи в ряде европейских стран. С суждением «Однополые пары должны иметь такие же права усыновлять детей, как и традиционные семейные пары» согласны лишь 1% российских юношей и 3% девушек.

В России среди юношей 20–23-х лет сожителства распространены так же часто (21%), как в Швеции, но их значительно больше, чем, например, в Израиле, Польше, Германии, Франции, и меньше, нежели в Соединённом Королевстве, Эстонии. Среди российских девушек (18%) сожителства практикуются так же часто, как и в ряде европейских стран – Германии, Соединённом Королевстве, Словении, но в меньшей мере, нежели, например, в Финляндии, Австрии и Эстонии.

Российскую молодёжь, в сравнении с европейцами, отличает консерватизм в отношении работы вне дома для мужчин и женщин. С утверждением: «Когда рабочих мест не хватает, у мужчин должно быть преимущество перед женщинами при приёме на работу» чаще, чем в других странах, согласились российские юноши (46%) и девушки (23%).

В вопросе о необходимости обеспечения ухода за детьми государством юноши и девушки в России на удивление не демонстрируют более высоких требований, несмотря на дли-

В России среди юношей 20–23-х лет сожителства распространены так же часто (21%), как в Швеции, но их значительно больше, чем, например, в Израиле, Польше, Германии, Франции.

тельную советскую традицию государственного ухода за детьми и проводимую ныне российским правительством стратегию по обеспечению детей дошкольными учреждениями. Однако различия между странами сложно интерпретировать, поскольку в вопросе не уточнялся возраст детей.

Как показал анализ результатов фокус-групп, в сознании студентов противоречиво сочетаются консервативные нормы, которые прививаются родителями, особенно в семьях этнических групп нерусских, и вполне либеральные установки в отношении новых практик устройства частной жизни.

Двойные стандарты, согласно которым только мужчины должны инициировать знакомства, отношения, оплачивать счета, постепенно угасают в России. Секс не только юношами, но и девушками стал рассматриваться с точки зрения получения удовольствия. Сожительства до заключения брака за редкими исключениями также одобряются и юношами, и девушками. Предварительно можно сделать вывод, что студенты ориентированы в будущем на различные модели разделения семейных ролей, девушки преимущественно на эгалитарную модель или модель эгалитарного эссенциализма. Умеренно консервативная модель интенсивного (intensive) родительства среди российской студенческой молодёжи поддерживается редко, в основном юношами, представителями ставропольского студенчества. Запланированное в рамках проекта количественное исследование позволит более детально проанализировать динамику установок и планов студентов в сравнении со студентами, опрошенными в 2005 г.

Библиографический список

Бажанов В. Б. 1913. Об обязанностях христианина к самому себе. 9-е изд. СПб.: Издатель И. Л. Тузов. Гостинный двор. 161 с.

Богданова Л. П., Щукина А. С. 2003. Незарегистрированный брак в современной демографической ситуации // Социологические исследования. № 7. С. 100–104.

Браки по возрастам жениха и невесты / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2018 // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# [Дата посещения: 10.06.2018].

Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах. 2012 // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/USP/survey0/index.html [Дата посещения: 15.06.2018].

В сознании студентов противоречиво сочетаются консервативные нормы, которые прививаются родителями, и вполне либеральные установки в отношении новых практик устройства частной жизни.

Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах. 2017 // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2017/index.html [Дата посещения: 15.06.2018].

Голод С. И. 1998. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис. 272 с.

Гурко Т. А. 2008. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН. 326 с.

Гурко Т. А. 2017а. Развитие брачно-семейных отношений в России и реализация семейной политики // Социологическая наука и социальная практика. Том 5. № 3. С. 51–71. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.3.5355>

Гурко Т. А. 2017b. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. № 11. С. 99–110. DOI: [10.7868/S0132162517110113](https://doi.org/10.7868/S0132162517110113)

Гурко Т. А. 2017с. Межэтнические и международные браки в контексте диалога культур // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7–10 сентября 2017 г., Архангельск. В 3-х тт. / Отв. ред. Н. Л. Пушкарева, Т. И. Трошина. М.: ИЭА РАН. Т. 1. 324 с. С. 216–218.

Гурко Т. А. 2018. Жизненные стили российских родителей: динамика, региональные, возрастные и профессиональные особенности // Социологическая наука и социальная практика. Том 6. № 2. С. 94–109. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.2.5859>

Демографический ежегодник России. 2008: Стат.сб. / М.: Росстат. 557 с. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 [Дата посещения: 10.05.2018].

Рощин С. Ю., Рощина Я. М. 2007. Заключение и расторжение брака в современной России: микроэкономический анализ // Мир России. Т. 16. № 4. С. 113–147.

Штейнберг И., Шанин Т., Ковалёв Е., Левинсон А. 2009. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб: Алетейя. 356 с.

Bhandari P. 2017. Pre-marital Relationships and the Family in Modern India. South Asia Multidisciplinary Academic Journal [Online] // South Asia multidisciplinary academic journal. № 16. URL: <http://journals.openedition.org/samaj/4379>. DOI: [10.4000/samaj.4379](https://doi.org/10.4000/samaj.4379) [Дата посещения: 15.07.2018].

Esteve Al., Cortina Cl., Cabrй A. 2009. Long Term Trends in Marital Age Homogamy Patterns: Spain, 1922–2006. Population. vol. 64, no 1. p. 173–202. DOI [10.3917/popu.901.0183](https://doi.org/10.3917/popu.901.0183)

European Social Survey. 2016. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/data/> [Дата посещения: 20.04.2018].

Kalmijn M. 1991. Shifting Boundaries: Trends in Religious and Educational Homogamy. *American Sociological Review*, vol. 56, no 4: pp. 786–800.

Kalmijn M. 1998. Intermarriage and Homogamy: Causes, Patterns, Trends. *Annual Review of Sociology*, vol. 24: 395–421.

Kopf, D. 2015. What Professions Are Most Likely To Marry Each Other? *Priceonomics // Priceonomics*. URL: <https://priceonomics.com/what-professions-are-most-likely-to-marry-each/> [Дата посещения: 15.06.2018].

Merton R. 1941. Intermarriage and the Social Structure: Fact and Theory. *Psychiatry* 4. Цит. по: Мертон Р. 2006. Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель. 873 с.

Mua Zh., Xiea Yu. 2014. Marital Age Homogamy in China: A Reversal of Trend in the Reform Era? *Social Science Research/ Vol. 44/ P. 141–157*. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2013.11.005> [Дата посещения: 14.05.2018].

Pearce A., Gambrell, D. 2016. This Chart Shows Who Marries CEOs, Doctors, Chefs and Janitors. *Bloomberg*. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2016-who-marries-whom/> [Дата посещения: 20.06.2018].

Qian Y. 2016. Mate Selection in America: Do Spouses' Incomes Converge When the Wife Has More Education? *Dissertation. The Ohio State University*. URL: https://etd.ohiolink.edu/!etd.send_file?accession=osu1460461118&disposition=inline [Дата посещения: 10.05.2018].

Smits J., Ultee W., Lammers J. 1998. Educational Homogamy in 65 Countries: the Explanation of Differences in Openness with Country-level Explanatory Variables. *American Sociological Review*, vol. 63, no 2, pp. 264–285.

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.547

Students' Attitudes When it Comes to Marriage, Family and Relationships Between Genders

Gurko Tatiana Alexandrovna

Doctor of Sociological Sciences, Main Scientific Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. Email: tgurko@yandex.ru

Mamikonyan Maria Samvelovna

Fourth-year student of the faculty of sociology, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia. Email: mashamamikonyan@gmail.com

Abstract. Due to new demographical and social challenges, such as changes in the ethnic structure of the population of developed countries – Russia included – new familial structures are on the rise, with it being unclear as to where exactly they are going in terms of expansion. The fact that marital and familial relations are undergoing transformation in the 21st century makes it relevant to study students' attitudes, them being any given country's progressive group, with the aim of predicting how exactly such institutions as marriage, family and parenthood will develop in the

future. This article's main goal is to describe premarital relationships between youths, tendencies for the development of marital and familial relations, as well as relations between the opposite sexes, as perceived by young people themselves. Conducted were two separate focus groups in Moscow involving male and female students, as well as two more focus groups participated by students of both genders in Stavropol. 20–23 year old students from various ethnic groups and on their third-fourth bachelor course year attending humanitarian and technical colleges were chosen for this study. Discussed were differences in student behavior, double standards in relationships, the appropriateness of cohabitation, motivations for sexual relations, the purpose of legal marriage, the preferred age for marrying, as well as the correlation when it comes to spouses' social characteristics such as ethnic and religious identity, age, education, profession, parents' social status, attitudes towards extramarital motherhood, divorce and stepfamilies, views when it comes to the rational distribution of marital and parental roles in young families. At such an early stage it can be said that conservative norms imparted by parents paradoxically go together in the minds of students with softer attitudes towards new private life structuring practices, especially among those students from non-Russian families. Double standards in directing relationships between partners of opposing gender are also shifting. Young women are more inclined towards an egalitarian model, or an egalitarian essentialism model; Russian college youths quite rarely support the moderately conservative model of intensive parenthood, and most of the people who favor this model are young men attending Stavropol colleges. In order to compare the views of Russian youths with young people from other countries, a subsample was formed, consisting of European Social Survey respondents ages 20–23 (ESS, 2016, round 8). It was concluded that Russian youths do not approve homosexual relationships, especially when it comes to such pairs adopting children. They also have a conservative outlook when it comes to advantages for men on the labor market, while their demands towards the government in terms of providing working parents with childcare facilities are not particularly stringent. In the meantime the extent of cohabitation in Russia is quite high even when compared to those European countries which are considered to be the leaders in this respect.

Keywords: youth, students, families, marriage, cohabitation, homosexual couples, sexual relations, double standards, family forms, social homogamy, spousal roles.

References

Bazhanov V. B. Ob obiazannostiakh hristianina [About the duties of a Christian]. Saint-Petersburg, Izdanie I. L. Tuzova (Gostiny dvor), 1913. 161 p.

Bhandari P. Pre-marital Relationships and the Family in Modern India. *South Asia Multidisciplinary Academic Journal*, 2017, no 16. DOI: 10.4000/samaj.4379. URL: <http://journals.openedition.org/samaj/4379> [date of visit: 15.07.2018].

Bogdanova L. P., Shchukina A. S. Nezaregistrirovanny brak v sovremennoy demograficheskoy situacii [Illegal marriage in a modern demographic situation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2003, no 7, pp. 100–104.

Braki po vozrastam zheniha i nevesty [Marriage by age of groom and bride]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat). Official website. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# [date of visit: 10.06.2018].

Demograficheskiy ezhegodnik Rossii [The demographic yearbook of Russia]. Statistical Handbook 2008. Rosstat Official website. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 [date of visit: 12.05.2018].

Esteve Al., Cortina Cl., Cabriñ A. Long Term Trends in Marital Age Homogamy Patterns: Spain, 1922–2006. *Population*, 2009, vol. 64, no 1, pp. 173–202. DOI: 10.3917/popu.901.0183.

European Social Survey – 2016. The ESS Official website. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/data/> [date of visit: 20.04.2018].

Golod S. I. Semia i brak: istoriko-sociologicheskii analiz [Family and marriage: historical and sociological analysis]. Saint-Petersburg, Petropolis, 1998. 272 p.

Gurko T. A. Mezhehtnicheskie i mezhdunarodnye braki v kontexte dialoga kul'tur [Inter-ethnic and international marriages in the context of the dialogue of cultures]. The strength of the weak: gender aspects of mutual assistance and leadership in the past and present. Proceedings of the Tenth international scientific conference of RAIZHI and IEA RAS, 7–10 September 2017, Arkhangelsk. 3 volumes. Ed. by N. L. Pushkareva, T. I. Troshina. Moscow, IEA RAS publ., 2017, vol. 1, pp. 216–218.

Gurko T. A. Brak i roditel'stvo v Rossii [Marriage and parenting in Russia]. Moscow, IS RAS publ., 2008. 326 p.

Gurko T. A. Novye semeynye formy: tendencii rasprostraneniya i ponyatiya [New family forms: tendencies of spreading and concepts]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017, no 11, pp. 99–110. DOI: [10.7868/S0132162517110113](https://doi.org/10.7868/S0132162517110113).

Gurko T. A. Razvitie brachno-semeynykh otnosheniy v Rossii i realizaciya semeynoy politiki [Development of marital relations in Russia and implementation of family policy]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2017, vol. 5, no 3, pp. 51–71. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.3.5355>.

Gurko T. A. Zhiznennye stili rossiyskih roditel'ey: dinamika, regional'nye, vozrastnye i professional'nye osobennosti [The Lifestyles of Russian Parents: Trends and Regional, Age, and Professional Specifics]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2018, vol. 6, no 2, pp. 94–109. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.2.5859>.

Kalmijn M. Intermarriage and homogamy: Causes, Patterns, Trends. *Annual Review of Sociology*, 1998, no 24, pp. 395–421.

Kalmijn M. Shifting boundaries: trends in religious and educational homogamy. *American Sociological Review*, 1991, vol. 56, no 4, pp. 786–800.

Kopf D. What Professions Are Most Likely To Marry Each Other? The website "Priceonomics", 2015. URL: <https://priceonomics.com/what-professions-are-most-likely-to-marry-each> [date of visit: 15.06.2018].

Merton R. Intermarriage and the Social Structure: Fact and Theory. *Psychiatry*, 1941, no 4.

Mua Zh., Xie Yu. Marital age homogamy in China: A reversal of trend in the reform era? *Social Science Research*, 2014, vol. 44, pp. 141–157. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2013.11.005> [date of visit: 14.05.2018].

Pearce A., Gambrell D. This chart shows who marries CEOs, doctors, chefs and janitors. Bloomberg, 2016. The Bloomberg Agency Official website. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2016-who-marries-whom> [date of visit: 20.06.2018].

Qian Y. Mate Selection in America: Do Spouses' Incomes Converge When the Wife Has More Education? Dissertation. Ohio State University, 2016. The Ohio State University Official website. URL: https://etd.ohiolink.edu/!etd.send_file?accession=osu1460461118&disposition=inline [date of visit: 10.05.2018].

Roshchin S. Y., Roshchina Y. M. Zakliuchenie i rastorzhenie braka v sovremennoy Rossii: mikroekonomicheskiy analiz [Marriage and divorce in modern Russia: microeconomic analysis]. *Mir Rossii*, 2007, vol. 16, no 4, pp. 113–147.

Shteynberg I., Shanin T., Kovaliov E., Levinson A. Kachestvennye metody. Polevye sociologicheskie issledovaniya [Qualitative methods. Fieldwork sociological studies]. Saint-Petersburg, Aletejya, 2009. 356 p.

Smits J., Ultee W., Lammers J. Educational Homogamy in 65 countries: the Explanation of Differences in Openness with Country-level Explanatory Variables. *American Sociological Review*, 1998, vol. 63, no 2, pp. 264–285.

Vyborochnoe nabliudenie dohodov naseleniya i uchastiya v social'nyh programmah – 2012 [Statistical Survey of Income and Participation in Social Programs – 2012]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. The Rosstat official website. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/USP/survey0/index.html [date of visit: 15.06.2018].

Vyborochnoe nablyudenie dohodov naseleniya i uchastiya v social'nyh programmah – 2017 [Statistical Survey of Income and Participation in Social Programs – 2017]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. The Rosstat official website. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2017/index.html [date of visit: 15.06.2018].

Научные форумы

Состояние и проблемы социокультурной интеграции Крыма в Россию (Первый Крымский социологический форум)

Узунов Владимир Владимирович –
доктор политических наук, доцент,
директор Крымского филиала ФНИСЦ РАН,
Симферополь

E-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

Чигрин Виктор Александрович –
доктор социологических наук, профессор, научный
руководитель Крымского филиала ФНИСЦ РАН,
Симферополь

E-mail: sociochigrin@mail.ru

Захарова Вера Александровна – кандидат
философских наук, старший научный сотрудник,
Крымский филиал ФНИСЦ РАН;
старший преподаватель кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия, Симферополь

E-mail: zakharova7vera@mail.ru

Состояние и проблемы социокультурной интеграции Крыма в Россию (Первый Крымский социологический форум)

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.549

28–29 мая 2018 г. в Симферополе прошёл Первый Крымский социологический форум «Состояние и проблемы социокультурной интеграции Крыма в Россию»¹.

Организаторами форума выступили Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Правительство Республики Крым, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета, Крымский филиал ФНИСЦ РАН, Южнороссийский филиал ФНИСЦ РАН, АНО ПОО Университет экономики и управления. Приветствие в адрес организаторов и участников мероприятия направили Глава Республики Крым Сергей Аксенов и член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации Сергей Цеков. С приветственным словом к участникам также обратились заместитель полномочного представителя Президента РФ в ЮФО Владимир Гурба, и. о. ректора Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского Андрей Фалалеев, председатель Общественной палаты Республики Крым Григорий Иоффе и депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VII созыва Андрей Козенко.

Старт началу форума дал директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, академик Российской академии наук Михаил Горшков, который во вступительном слове отметил, что форум совпал по времени с событием исторической значимости: открытием Крымского моста через Керченский пролив – событием, вызвавшим у всех россиян чувство гордости за страну: «... как мы знаем, есть мосты дорожные, инфраструктурные, а есть – духовные, коммуникативные, в том числе работающие на связку научного взаимодействия и сотрудничества. И в этом отношении мы очень надеемся, что Первый Крымский социологический форум станет мостом, скрепляющим и консолидирующим профессиональное социологическое сообщество

¹ См.: <http://crimeaforum.tilda.ws/>.

России» – отметил Михаил Константинович. В своём докладе на пленарном заседании «Воссоединение Крыма с Россией: социально-исторические, политические и социокультурные предпосылки» он подчеркнул, что форум проводится в соответствии с Договором о сотрудничестве между Республикой Крым и Федеральным научно-исследовательским социологическим центром Российской академии наук, во исполнение которого с января текущего года приступил к работе Крымский филиал ФНИСЦ РАН.

Важно отметить, что прозвучавшие на пленарном заседании форума доклады тематически охватили ключевые вопросы интеграции Крыма в Российскую Федерацию, волнующие не только учёных, но и широкую общественность, с разных ракурсов подходя к решению задач консолидации крымского сообщества в целях его динамичного развития.

Значимую и с мировоззренческой, и с практической точек зрения проблему выявления специфики становления и проявления идентичности населения Республики Крым, а также её солидаристского потенциала и включения в общероссийский формат затронул Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южнороссийского филиала ФНИСЦ РАН, доктор философских наук, профессор Юрий Волков в докладе «Дискурс понимания в формировании общероссийской идентичности в Крыму». Эту тему органично дополнило выступление доктора философских наук, профессора ЮФУ Анатолия Лубского «Особенности ментальных программ и моделей социального поведения в Крыму».

Неоднократно на пленарном заседании поднималась тема роли и места молодёжи в качестве важного ресурса эффективного развития региона. В частности, опыт Республики Крым в формировании патриотизма в молодёжной среде, а также его влияние на гражданскую идентичность стали предметом доклада директора Крымского филиала ФНИСЦ РАН, доктора политических наук Владимира Узунова.

Руководитель центра социологии молодёжи ИСПИ РАН, доктор социологических наук, профессор Юлия Зубок коснулась в своём докладе «Культурное пространство молодёжи как территория смыслов» ряда проблем самоопределения молодых людей в России, основных вариантов направленности активности молодёжи в пространстве современных социокультурных практик, в особенности в ракурсе геополитической, территориальной, социокультурной специфики крымского региона.

В процессе социокультурной интеграции Крыма в Россию, включающей в себя решение сложных проблем полиэтничного и поликонфессионального крымского социума, значимую роль играют социально-гуманитарные

науки, в том числе социология, что и отметил доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ Николай Скворцов в докладе «Роль социально-гуманитарного образования в решении проблем социокультурной интеграции». Докладчик подчеркнул настоятельную необходимость открытия в Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского специальности «социология».

Роль и значение такой мощной структуры, объединяющей научный мир социологии, как Российское общество социологов, а также перспективы интеграции в неё крымского научного социологического сообщества, нашли отражение в докладе президента Российского общества социологов, доктора философских наук, профессора Валерия Мансурова «Роль Российского общества социологов в развитии консолидации профессионального научного сообщества».

«Региональные политико-управленческие практики в дискурсе пространственного развития России: социологический аспект» – тема выступления руководителя Центра региональной социологии и конфликтологии ФНИСЦ РАН, доктора социологических наук Валерия Маркина, раскрывающая спектр проблем Крыма и потенциальных возможностей аппарата управления на региональном уровне по наращиванию конструктивной коммуникации с населением и эффективному разрешению острых проблем региона.

Чрезвычайно важные темы для размышления и основания для конструктивных действий очертил в докладе «Научная миссия и гражданская ответственность социологов Крыма» доктор социологических наук, профессор, научный руководитель Крымского филиала ФНИСЦ РАН Виктор Чигрин, приведя анализ факторов, исторически влиявших на становление социологического научного сообщества в Крыму, а также выявив перспективы и направления развития социологических исследований в аспекте сотрудничества крымских специалистов с ФНИСЦ РАН и органами власти.

Следует отметить, что в работе форума активное участие приняли крымские социологи, философы, историки и экономисты: Сергей Юрченко, Пётр Кузьмин, Игорь Кальной, Андрей Зоткин, Пётр Пашковский, Елена Зелинская (КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь), Марина Яковенко (Керченский государственный морской технологический университет), Сергей Шефель (Российский государственный университет правосудия, Симферополь), Елена Городецкая (МКУ «ЦИА и МТО», Евпатория), Ирина Кулинич (Севастопольский филиал МГУ им. М. В. Ломоносова) и др.

Плодотворно прошла работа в секциях форума. Тема международного значения реинтеграции Крыма в Россию в виде оценок, мнений, перспектив прозвучала в докладах Михаила Попова (журнал «Гуманитарные, социально-экономиче-

ские и общественные науки», Краснодар), Виктора Шалина (Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар), Натальи Юрченко (КубГУ, Краснодар), Юлиана Тамбиянца (Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар), Михаила Морева (ФГБУН «Вологодский научный центр РАН», Вологда), Натальи Розинской (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва), Ирины Кулинич, Александра Труфанова (Приволжский филиал ФНИСЦ РАН, Нижний Новгород).

Социально-экономические горизонты развития Крыма в составе РФ стали предметом рассмотрения в докладах Ибрагима Сулейменова (Алматинский университет энергетики и связи, Казахстан), Андрея Фалалеева (КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь), Александра Дятлова, Виталия Ковалёва (ИСИР ЮФУ, Ростов-на-Дону), Ольги Калачиковой (ФГБУН «Вологодский научный центр РАН», Вологда), Анатолия Силина (ЗСФ ФНИСЦ РАН, Тюмень), Лидии Щербаковой (ЮРГПУ им. М. И. Платова, Новочеркасск), Дмитрия Ядранского (Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург).

Состояние и проблемы социокультурной интеграции в контексте воссоединения Крыма с Россией проанализировали в своих докладах Ирина Халий (ФНИСЦ РАН, Москва), Анна Верещагина (ИСИР ЮФУ, Ростов-на-Дону), Игорь Задорин (АНО «Социологическая мастерская Задорина», группа ЦИРКОН, Москва), Андрей Баранов, Валерий Касьянов (КубГУ, Краснодар), Зуриет Жаде (Адыгейский государственный университет, Майкоп), Виктор Щербина (КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь).

Особенности этнонациональных взаимоотношений в Крыму и его включение в полиэтничное пространство России в рамках секционного заседания обсудили Владимир Мукомель (ФНИСЦ РАН, Москва), Ауес Кумыков (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик), Чулпан Ильдарханова (Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань), Галина Денисова (ЮФУ, Ростов-на-Дону), Светлана Ляужева (Адыгейский государственный университет, Майкоп) и др.

Перспективы развития туристско-рекреационной сферы Республики Крым, а также возможности заимствования действенных стратегий и экосоциальных практик, доказавших свою эффективность в других регионах страны, выступили основной темой обсуждения в секции «Социология туризма и рекреации», и, в частности, в докладах Елены Зелинской, Ирины Петрулевич (ЮФУ, Ростов-на-Дону), Сергея Самыгина (РИНХ, Ростов-на-Дону), Татьяны Ровой (КубГУ, Краснодар), Сергея Шефеля.

Отклик исследователей из многих регионов России, а также Украины, Казахстана, Киргизии и Чехии, ярко выраженный курс на междисциплинарный подход к решению поставленных задач отразил серьезность стремления российской и зарубежной социологии включить Крым в поле активного научного дискурса. Его цель – совместная выработка конструктивных рекомендаций по преодолению затруднений, возникающих в ходе процесса реинтеграции, и усилению потенциала государственных и общественных институтов региона в выполнении Федеральной целевой программы социально-экономического развития Республики Крым и города Севастополя.

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.549

The State of and Issues with the Socio-Cultural Integration of the Crimea into Russia (First Crimean Sociological Forum)

Uzunov Vladimir Vladimirovich

Doctor of Political Sciences, Associate professor, Director of Crimean branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia. E-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

Chigrin Viktor Aleksandrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Director of Crimean branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia. E-mail: sociochigrin@mail.ru

Zakharova Vera Aleksanfrovna

Candidate of Philosophical Sciences, Senior researcher, Crimean branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Senior Lecturer, Department of humanitarian and socio-economic disciplines of Russian State University of Justice, Crimean branch, Simferopol, Russia. E-mail: zakharova7vera@mail.ru

Abstract. This essay represents a quick report on the first Crimean sociological forum, held in May 2018 in the city of Simferopol. Discussed during this forum were critical issues with integrating the Crimea into the Russian Federation, which concern not only sociologists, but the general public as well. Below you will find a short review of the most significant reports presented at this forum.

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Полина Михайловна Козырева,

Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдииков

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>